

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1899.

№ 20.

ОКТАБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Слово на день Восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, Ректора Семинаріи, Протоіерея Іоанна <i>Знаменскаго</i>	I—VIII
Краткій обзоръ русской апологетической литературы (окончаніе). Профессора богословія, <i>Прот. Т. Бутиевича</i>	487—506
Воскресеніе Господа и явленія Его ученикамъ по воскресеніи (продолженіе). <i>Ив. Глѣбова</i>	507—523
Донесеніе Высокопреосвященнѣйшему Амвросію, Архіепископу Харьковскому, Епархіальнаго Миссіонера (о поѣздѣ въ Старобѣльскій уѣздъ) Харьковскаго Епархіальнаго Миссіонера <i>Димитрія Боголюбова</i>	529—538
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Критическій обзоръ ученія Бакона объ индукціи. <i>Е. А. Воронцова</i>	301—328
Размышленія Декарта о первой философіи, въ коихъ доказывается существованіе Бога и отличіе души отъ тѣла (окончаніе). <i>С. М.</i>	329—344
III. ЛИСТОВЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа н. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ септанствомъ селеній. В. Давыденко.—Отчетъ Епархіальнаго Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 1897/8 учебный годъ (продолженіе).—Журналы Съѣзда духовенства Оумскаго училищнаго округа, бывшаго 21 сентября н. г.—Журналы Съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго 1 сентября 1899 г.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1899.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. **Отдѣлъ церковный.** Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религиозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. **Отдѣлъ философскій.** Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листовъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗБОРКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печниковой, Петровскія явилы, контера В. Гляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры вся изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890—1892 г., и по 9 р. за 1893—1896 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 75 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе пресвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“. Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Божіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Царство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго. Б. Истомина. Харьковъ, 1895. Ц. 1 р. съ перес.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВѢРА И РАЗУМЪ ВЪ 1900 ГОДУ.

Издание богословско-философскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1900 году по прежней программѣ. Журналь, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Листка для Харьковской епархіи.

Журналь выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое издание журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 220 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое издание внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при харьковской духовной семинаріи, при свѣчной лавкѣ харьковскаго Покровскаго монастыря, въ харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзницкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы вѣлчительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 руб. за 1890—1894 г., и по 9 р. за 1895—1897 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 80 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Врентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вошіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.

4. „Царство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго К. Истомина. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

Πίστις νοοῦμεν.
Вѣрою разумѣаемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Октября 1899 года.
Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

С Л О В О

на день Восшествія на престоль Благочестивѣйшаго ГОСУ-
ДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

*И рече Самуилъ ко всѣмъ лю-
демъ: видѣте ли, его же избра
себѣ Господь, яко нѣсть подобенъ
ему во всѣхъ васъ? И познаша
все люде и рѣша: да живетъ
царь (1 Цар. X, 24).*

Такимъ выраженіемъ искренней преданности встрѣтилъ на-
родъ еврейскій своего перваго избраннаго Богомъ Царя, когда
онъ представленъ былъ народу пророкомъ Самуиломъ. Одно
внѣшнее величіе избранника Божія, еще не успѣвшаго озна-
меновать себя ни мудростію, ни какимъ либо подвигомъ, еще
даже не вступившаго въ права царскія, одна только надежда
на благополучное существованіе подъ его управленіемъ вызвала
такое воодушевленіе въ сердцахъ народа, что онъ, какъ одинъ
человѣкъ, воскликнулъ: *да живетъ Царь!*

Не съ такимъ же ли точно воодушевленіемъ и не такимъ
ли точно благожеланіемъ и намъ прилично почитать Благоче-
стивѣйшаго Государя нашего, Николая Александровича, въ на-
стоящій день восшествія Его на Всероссійскій престоль? И
убѣжденія наши, и чувствованія наши, какъ членовъ народа
Русскаго, народа преимущественно предъ всѣми царелюбиваго,
народа едва-ли въ настоящее время не единственнаго, сохра-

нившаго Богоустановленную въ Вѣтхомъ Завѣтѣ царскую власть въ ея чистомъ и неспорченномъ видѣ, не побуждаютъ ли и насъ нынѣ воскликнуть: *да живетъ Царь!* И не внѣшнія только достоинства Царя нашего, не ожиданіе только благополучной жизни подъ Его управленіемъ, но Его любовь къ своему народу и Его дѣйствительныя заботы о немъ, проявляющіяся въ Его дѣлахъ, вызываютъ въ насъ чувство безпредѣльной преданности къ Его священной Особѣ и любви, естественно изливающейся въ благожеланіи: *Царю, во вѣки живи!* (Неем. II, 3).

Нашъ долгъ глубочайшей преданности и любви къ Особѣ Благочестивѣйшаго Государя нашего имѣетъ подъ собою твердое основаніе. Онъ непоколебимо покоится на ученіи Божественнаго откровенія о повиновеніи власти вообще, какъ установленію Божественному, и въ частности Царю, какъ помазаннику Божію, на свидѣтельствѣ исторіи о великомъ значеніи для благосостоянія Русскаго государства твердой самодержавной царской власти и наконецъ на личныхъ качествахъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Александровича.

Повиновеніе власти заповѣдано намъ прежде всего ученіемъ и примѣромъ Самаго Господа нашего Іисуса Христа. Евангелистъ повѣствуетъ, что когда фарисеи, искушая Господа, спрашивали Его, нужно ли платить дань римскому императору, или нѣтъ, Онъ отвѣтилъ имъ: *воздадите Кесарева Кесареви и Божія Богу* (Мѣ. XII, 15—21), и когда сборщики потребовали отъ Него уплаты подати, Онъ безпрекословно исполнилъ ихъ требованіе, хотя и считалъ Себя необязаннымъ платить подать (Мѣ. XVII, 24—27). И примѣромъ Своимъ Господь научаетъ насъ повиноваться власти, такъ какъ Онъ во все время Своей земной жизни не только исполнялъ законныя требованія власти, но даже, когда эта власть оказывалась по отношенію къ Нему несправедливою и подвергала Его незаслуженнымъ гоненіямъ и страданіямъ, Онъ, по выраженію Апостола, *укоряемъ противу не укаряше, стражда не прещаше: предаше же судящему праведно*, т. е., Богу (1 Пет. II, 23).

Слѣдуя примѣру Своего Божественнаго Учителя, и Святые Апостолы и словомъ, и примѣромъ своимъ утверждаютъ насъ въ той же истинѣ. Святый Апостоль Петръ долгъ повиновенія и почитанія власти поставляетъ тотчасъ послѣ обязанности нашей почитать Господа Бога: *Бога бойтесь*, заповѣдуетъ онъ, *царя чтите* (1 Пет. II, 17). *Повинитесь всякому человеку начальству Господа ради* (1 Пет. II, 13). Святый Апостоль Павелъ убѣждаетъ вѣрующихъ: *молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человеки, за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть* (1 Тим. II, 1); *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется* (Рим. XIII, 1). Апостолы заповѣдуютъ повиноваться не только Верховной власти, но и начальникамъ, ей подчиненнымъ: *аще царю, яко преобладающую: аще ли же княземъ, яко отъ него посланнымъ* (1 Пет. II, 13); *рабы повинуйтесь во всякомъ страхѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ* (1 Пет. II, 18; Ефес. VI, 5; Колос. III, 22; Тит. II, 9). Такими наставленіями наполнены всѣ посланія Святыхъ Апостоловъ. Основаніе, по которому Святые Апостолы призывали вѣрующихъ повиноваться власти, заключается во 1-хъ въ томъ, что власть отъ Бога, что поэтому исполнять ея требованія нужно *Господа ради* (1 Пет. II, 13): *Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога*, говоритъ Святый Апостоль Павелъ, *сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Рим. XIII, 1); во 2-хъ въ томъ, что власть имѣетъ своею цѣлію благоустройство человѣческихъ обществъ и доставленіе торжества добродѣтели надъ порокомъ: *хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро и получишь похвалу отъ нея... Если же дѣлаешь зло, бойся: ибо онъ не напрасно носитъ мечъ* (Рим. XIII, 3—4). Въ полномъ согласіи съ ученіемъ Святыхъ Апостоловъ находится и ихъ жизнь. Исторія не указываетъ намъ ни одного случая, когда кто либо изъ Апостоловъ Христовыхъ оказалъ бы сопротивленіе власти; напротивъ они безропотно переносили отъ враждебной имъ власти гоненія, заключенія въ темницы, мученія, изгнанія и самую смерть.

Если Слово Божіе требуетъ отъ насъ повиновенія власти вообще, какъ Божественному установленію, то тѣмъ большаго почитанія заслуживаетъ Православный Царь. Императоры, короли, князья въ государствахъ конституціонныхъ, президенты республикъ и прочіе правители подобнаго рода являются представителями власти и потому заслуживаютъ почитанія и имѣютъ право на повиновеніе со стороны своихъ подданныхъ; но православный царь есть не представитель только власти, избранный народомъ, но-что для насъ гораздо важнѣе—и помазанникъ Божій. Помазаніе царей на царство есть установленіе Божественное и получило свое начало еще въ Ветхомъ Завѣтѣ. Объ избраніи Богомъ и поставленіи на царство перваго царя Израильскаго Саула книга Царствъ повѣствуетъ слѣдующимъ образомъ: *Господь откры во ухо Самуилу днемъ единымъ прежде пришествія къ нему Сауля, глаголя: яко же время сіе, утро пошлю къ тебѣ мужа отъ племени Веніамина и да поможешь его царя надъ людьми моими Израилемъ... И идоша вси людие въ Гамалы, и помаза тамо Самуилъ Саула на царство предъ Господемъ въ Гамилъхъ* (1 Цар. IX, 15—16 и XI, 15). Вотъ основаніе, на которомъ покоилось почтеніе народа еврейскаго къ своему царю: основаніемъ этимъ для него служила несомнѣнная увѣренность въ томъ, что царь есть избранникъ Самого Бога, что внѣшнимъ образомъ завѣрялось чрезъ возліаніе елея на его главу, вслѣдствіе чего ему сообщались особые дары благодати Божіей (1 Цар. X, 9—10, XI, 6). Помазаніе царей на царство, какъ установленіе Божественное, изъ Церкви Ветхозавѣтной перешло въ Церковь Христову—Новозавѣтную, сначала къ императорамъ Византійскимъ, а оттуда, по просвѣщеніи святою вѣрою Христовою земли Русской, къ князьямъ и потомъ царямъ Русскимъ. Если въ Ветхомъ Завѣтѣ *возліаніе елея* на главу избраннаго царя сообщало особую благодать Божію, то гораздо въ большей степени подаются благодатные дары Царямъ православнымъ, потому что надъ ними совершается святое таинство муропомазанія. Царь православный, воспріявши святое муропо-

мазаніе, становится Помазанникомъ Божиимъ и представителемъ власти Божественной на землѣ; руководимый благодатію Божіею въ своей правительственной дѣятельности, Онъ даетъ за нее отвѣтъ только Богу, а потому и не можетъ ограничиваться никакою человѣческою волею, даже волею цѣлаго народа.—Онъ есть правитель самодержавный и неограниченный. Отсюда видно, съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ уваженія и преданности должны мы относиться къ Царю, какъ избраннику и помазаннику Божію.

Если, послѣ изложенія ученія Слова Божія о значеніи власти вообще и царской власти въ особенности, мы обратимся къ исторіи народа Русскаго, то и въ ней мы найдемъ не мало указаній на то, насколько должна быть дорога для насъ Царская власть и съ какимъ благоговѣніемъ должны мы относиться къ нашимъ Благочестивѣйшимъ Государямъ. Исторія государства Россійскаго показываетъ намъ, что жизнь, благосостояніе и развитіе народа Русскаго всегда находилось въ самой тѣсной зависимости отъ состоянія управлявшей имъ власти: когда власть была сильна и тверда, тогда и народъ благоденствовалъ и развивался; когда власть ослабѣвала, тогда и въ жизни народа начинались нестроенія, доходившія иногда до того, что многочисленный Русскій народъ оказывался не въ состояніи отразить инопоземное нашествіе и попадалъ подъ чужеземное иго; прекращеніе же царствующаго рода едва не привело русскій народъ къ потерѣ государственной самостоятельности. Вотъ событія изъ жизни русскаго народа, подтверждающія только что высказанную мысль. При Владимірѣ Святѣмъ Русь была государствомъ не обширнымъ, сравнительно съ настоящими ея границами, но настолько могущественнымъ, что къ нему съ уваженіемъ относились сосѣдніе народы. Но послѣ святаго Владиміра Русское государство раздѣлилось между его сыновьями на удѣлы, изъ которыхъ каждый въ свою очередь дробился между сыновьями удѣльнаго князя. Между удѣльными князьями начались несогласія, споры и даже вражда. Что изъ этого вышло, хорошо извѣстно: прошло немного болѣе двухсотъ лѣтъ послѣ смерти

Святаго Владиміра, какъ земля Русская подпала уже подъ иго монгольское, тяготѣвшее надъ нею около двухъ съ половиною столѣтій. Но въ теченіе этого почти трехвѣковаго ига изъ среды князей русскихъ пачали мало по малу выдѣляться князья Московскіе—собиратели земли Русской. Они стали постепенно подчинять себѣ сосѣднія удѣльныя княжества, и въ теченіе трехъ столѣтій настолько усилили свою власть и могущество русскаго государства, что не только свергли татарское иго, не только съ успѣхомъ отражали нападенія шведовъ, нѣмцевъ и другихъ сосѣднихъ враждебныхъ народовъ, но покорили Новгородъ, Псковъ, царства Казанское и Астраханское и Сибирь. Затѣмъ намъ извѣстно, что прекращеніе царскаго рода послѣ смерти царя Θεодора Іоанновича едва не привело Русское государство къ потерѣ политической самостоятельности. Появленіе самозванцевъ, находившихъ для себя многочисленныхъ сторонниковъ, нападенія шведовъ и поляковъ, внутренніе раздоры довели Россію до такого жалкаго состоянія и разстройства, что даже лучшіе люди во главѣ съ патріархомъ Гермогеномъ видѣли спасеніе отечества въ подчиненіи польскому королевичу Владиславу. Что же спасло Россію отъ новаго чужеземнаго ига? Избраніе на царство Михаила Θεодоровича Романова. Сначала расшатанное во всѣхъ частяхъ и слабое, окруженное со всѣхъ сторонъ врагами, государство Русское подъ скипетромъ благословеннаго дома Романовыхъ, менѣе чѣмъ въ триста лѣтъ, настолько расширилось что обнимаетъ въ настоящее время почти половину Европы и Азіи, и достигло такого могущества, что является сильнѣйшимъ государствомъ во всемъ мірѣ и слову его Монарха внимаютъ всѣ народы. Такъ велико значеніе самодержавной царской власти для развитія могущества и благосостоянія Россіи, а потому столь же велико должно быть и наше уваженіе и вѣрноподданческое повиновеніе царствующему Монарху и всему Его Дому.

Обращаясь отъ этихъ общихъ основаній, на которыхъ покоится наше уваженіе къ царствующему Дому, къ личнымъ качествамъ нынѣ благополучно царствующаго Благочестивѣй-

шаго Государя Императора Николая Александровича, мы увидимъ, что и онѣ представляютъ намъ еще болѣе сильныя побужденія вѣропоподданической преданности и любви къ Особѣ нашего Государя. Изъ числа Его личныхъ достоинствъ мы укажемъ только тѣ, которыя наиболѣе содѣйствуютъ устройенію благополучія Его подданныхъ и которыя наиболѣе проявляются въ Его дѣятельности. И прежде всего отмѣтимъ Его благочестіе, которое проявляется въ Его попеченіи о Церкви Православной, объ огражденіи цѣлости и ненарушимости ея законовъ и установленій; объ устройеніи храмовъ Божіихъ для православныхъ Русскихъ людей въ мѣстахъ ихъ новыхъ поселеній, на отдаленныхъ окраинахъ Русскаго государства, на примѣръ въ Сибири, что является наилучшимъ средствомъ огражденія ихъ отъ совращенія въ расколъ и секты; объ улучшеніи матеріальнаго положенія служителей церкви и духовнаго просвѣщенія. Затѣмъ въ числѣ личныхъ качествъ нашего Государя должно отмѣтить Его мудрость, обнаруживающуюся въ томъ, что онъ ограждаетъ и защищаетъ значеніе въ государствѣ Русской народности, какъ народности господствующей, отъ посягательства другихъ народностей, входящихъ въ составъ Русскаго государства, и тѣмъ охраняетъ единство и цѣльность во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ отправленияхъ; что заботится о распространеніи просвѣщенія и въ частности просвѣщенія народа въ духѣ вѣры православной; о развитіи промышленности и торговли, для чего строятся новые пути сообщенія на самыхъ дальнихъ окраинахъ государства; объ утвержденіи въ государствѣ правосудія, для чего вновь пересматриваются судебныя уставы. Но особаго удивленія заслуживаетъ миролюбіе нашего Государя, въ силу котораго въ текущемъ году онъ созвалъ представителей всѣхъ государствъ міра для изысканія средствъ къ водворенію на землѣ мира и пресѣченію, или по крайней мѣрѣ уменьшенію и ослабленію бѣдствій войны. И весь міръ съ благоговѣніемъ внималъ Его державному слову и удивлялся миролюбію Монарха, неограниченно управляющаго болѣе чѣмъ стомилліоннымъ народомъ и обладающаго самыми

обширными средствами для войны. Что же может способствовать укрѣпленію и развитію благоденствія народа болѣе, нежели сохраненіе въ чистотѣ прародительской вѣры, миръ, правосудіе, распространеніе просвѣщенія, развитіе торговли и промышленности? И все это дается намъ мудростію и благочестіемъ нашего Благочестивѣйшаго Монарха.

Вознесемъ же повтому ко Господу Богу наши усердныя молитвы о Его здоровіи и долгоденствіи въ настоящій торжественный день восшествія Его на прародительскій престолъ.

Ректоръ Семинаріи Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.

Краткій обзоръ русской апологетической литературы.

(Окончаніе *).

Въ 1887 году профессоръ богословія въ Военно-Медицинской академіи, Лѣсномъ Институтѣ, Высшихъ Женскихъ курсахъ и женской гимназіи княгини Оболенской, протоіерей Дмитрій Алексѣевичъ *Тихомировъ*, издалъ свой „Курсъ Основнаго Богословія“, въ прошломъ году вышедшій уже вторымъ изданіемъ. Содержаніе его—обычное для курсовъ по Основному Богословію. Оно распадается на введеніе (стр. 1—2), въ которомъ дается понятіе о предметѣ, задачѣ, методѣ изложенія и раздѣленія науки,—и двѣ части. Въ первой части, опредѣливъ понятіе о религіи, профессоръ говоритъ далѣе о происхожденіи религіи, ея первобытной формѣ, совершенствѣ первобытнаго человѣка и его паденіи, происхожденіи язычества, его развитіи и общемъ характерѣ, затѣмъ онъ излагаетъ основныя истины религіи—бытіе божіе и его доказательства: космологическое, телеологическое и психологическое,—предлагаетъ ученіе о томъ, что Богъ есть существо личное, живое, что Онъ есть творецъ міра. Это даетъ ему поводъ высказать свое сужденіе о происхожденіи и образованіи вещества, или міра неорганическаго, объ образованіи земной планеты, о происхожденіи живыхъ существъ и въ частности человѣка, о древности человѣка, о единствѣ рода человѣческаго, о Богѣ Промыслителѣ, о духовномъ началѣ въ человѣческой природѣ и, наконецъ, о

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г. № 19.

безсмертіи человѣка. Вторая часть Основнаго Богословія прот. Тихомирова представляет „доказательства богооткровеннаго достоинства исповѣдуемой вами христіанской религіи. Такими доказательствами служатъ: 1) изслѣдованіе другихъ нынѣ существующихъ религій и 2) изложеніе какъ исторіи происхожденія, такъ и всего ученія христіанства“. Изъ естественныхъ религій авторъ указываетъ на религію Китая, Индіи, персовъ, іудеевъ и магометанъ. Послѣ этого онъ переходитъ къ изложенію ученія о божественномъ откровеніи, о приготовленіи міра къ явленію христіанства и происхожденіи его, объ источникахъ христіанской религіи, о жизни и характерѣ Іисуса Христа, о чудесахъ Іисуса Христа, Его воскресеніи; затѣмъ излагается ученіе христіанской вѣры—а) догматическое: о Св. Троицѣ, воплощеніи и искупленіи, б) нравственное; наконецъ, профессоръ Тихомировъ указываетъ своимъ слушателямъ и отличительныя черты христіанскихъ вѣроисповѣданій—римско-католическаго и протестантскаго.—И такъ, передъ нами, какъ видитъ читатель, полный курсъ Основнаго Богословія, у западныхъ богослововъ, напр., Геттингера, Шанца и др., занимающій болѣе 1000 страницъ, а у Тихомирова помѣстившійся всего только на 175 страницахъ. Курсъ этотъ изложенъ языкомъ весьма простымъ, яснымъ и общепонятнымъ; къ сожалѣнію, онъ чрезвычайно кратокъ и сжатъ. Безъ сомнѣнія, для слушателей о. Тихомирова, лицъ свѣтскаго званія и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ онъ совершенно удовлетворителенъ,—и едва ли слѣдуетъ большаго требовать отъ обыкновеннаго учебнаго пособія; но никакого научнаго значенія онъ, конечно, не имѣетъ. Можно было бы признать въ курсѣ о. Тихомирова неудачною его попытку примирить библейское повѣствованіе о сотвореніи міра съ выводами естествознанія; въ немъ дѣлается большая уступка въ пользу послѣднихъ; но самъ о. Тихомировъ предупреждаетъ этотъ упрекъ замѣчаніемъ, что „въ настоящее время и невозможно полное примиреніе Библии съ наукою“. Но чему же въ такомъ случаѣ вѣрить—Библии или наукѣ?—На этотъ вопросъ не дано даже и косвеннаго отвѣта. Нельзя не пожалѣть также о томъ, что о. Тихомировъ не достаточно выяснилъ понятіе о религіи и ея

сущности въ смыслѣ ея самостоятельности и независимости отъ другихъ явленій духовной жизни человѣка—чувствъ нравственнаго, интеллектуальнаго и эстетическаго. Но трудно предъявлять научныя требованія къ учебному пособию, имѣющему специальное назначеніе и, быть можетъ, зависящему, по самому характеру своему, отъ какихъ либо особыхъ условій, напр., школьной программы или подготовки учащихся.

Въ томъ же родѣ, какъ и курсъ Основнаго Богословія о. Тихомирова, въ 1889 году вышелъ въ свѣтъ „Краткій курсъ лекцій по Православному Богословію профессора богословія при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ, протоіерея Александра *Кудрявцева*, въ 3-хъ частяхъ“. Введеніе посвящено на разъясненіе различія между закономъ Божиимъ и Богословіемъ, на указаніе того значенія, какое приличествуетъ Богословію въ университетѣ, и на опредѣленіе метода и плана богословской науки въ университетѣ. Содержаніе первой части составляетъ такъ называемое „естественное богословіе“ (о религіи вообще; объ атеизмѣ; критика атеизма и матеріализма; бытіе Бога, какъ личнаго и безконечнаго духа, и его доказательства; духовность души и ея безсмертіе; о пантеизмѣ и естественныхъ религіяхъ). Во второй части излагается „богословіе ветхозавѣтное“ (о священныхъ книгахъ Вѣтхаго Завѣта, о различныхъ ученіяхъ, только въ некоторую связь имѣющихъ съ истиннымъ ветхозавѣтнымъ ученіемъ—талмудѣ, каббалѣ, ученіи александрійско-египетскомъ, ученіи терапевтовъ и ессеевъ, саддукеевъ, раввинизмѣ и магометанствѣ; объ истинахъ вѣры и благочестія по ветхозавѣтному ученію). Содержаніе третьей части составляетъ библейское новозавѣтное богословіе (о священныхъ книгахъ Новаго Завѣта, о Евангеліяхъ и евангельскомъ ученіи объ ученіи Христа Спасителя въ Его собственныхъ устахъ и объ ученіи Христа Спасителя въ устахъ апостоловъ).—Курсъ профессора Кудрявцева въ его настоящемъ видѣ не вполне законченъ. Изъ введенія видно, что авторъ дѣлитъ свой трудъ не на три части, какъ нанечатано, а на четыре. „Въ четвертой, которая носитъ у насъ названіе „Богословіе патристическое“, говоритъ онъ, мы излагаемъ ученіе сперва о тѣхъ средствахъ, какія употребляла святая Церковь

къ сохраненію и утвержденію воспринятаго Ею отъ Христа Спасителя ученія, а затѣмъ и самое изложеніе и уясненіе истинъ вѣры и благочестія. Въ заключеніе мы предлагаемъ, въ видѣ прибавленія, *шестую* (? а гдѣ же пятая?) часть, которая носитъ у насъ названіе „Апология христіанской нравственности“. На самомъ дѣлѣ въ отпечатанной книгѣ нѣтъ ни „Богословія патристическаго“, ни „Апологии христіанской нравственности“. Ясно, что о. Кудрявцевъ не выполнилъ предначертаннаго плана и перепуталъ его раздѣленія на части. Курсъ Богословія, составленный о. Кудрявцевымъ, нельзя назвать полнымъ и систематическимъ изложеніемъ научныхъ основаній для оправданія предъ разумомъ достоинства богооткровеннаго ученія. Но этотъ упрекъ уже напередъ отклоняетъ отъ себя авторъ. „Въ виду того, что въ составъ богословской науки въ университетѣ должно войти многое изъ разныхъ наукъ богословскихъ, говоритъ онъ, преподаваніе Богословія не можетъ совершаться здѣсь по тому методу, по какому совершается оно въ высшихъ и среднихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Здѣсь нельзя слѣдовать, какъ слѣдуютъ тамъ, методу систематическому“. Такъ ли это или нѣтъ, это—другой вопросъ; но нельзя требовать отъ автора того, чего онъ самъ не можетъ или не хочетъ дать. Во всякомъ случаѣ по обстоятельности и полнотѣ изложенія „Курсъ“ Кудрявцева стоитъ гораздо выше „Курса“ Тихомирова. Въ уразумѣніи богооткровенныхъ истинъ онъ можетъ удовлетворить и читателей болѣе требовательныхъ, чѣмъ какихъ имѣетъ въ виду „Курсъ“ Тихомирова. Въ немъ мы не найдемъ ничего новаго, ничего особеннаго, но что выработано христіанскою апологетическою литературою, то о. Кудрявцевъ сумѣлъ передать въ существенныхъ чертахъ своимъ слушателямъ просто, ясно и живо. Онъ пользовался безупречными источниками и не на одномъ только русскомъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи книга свидѣтельствуетъ объ обширной начитанности автора, основательно владѣвшаго своимъ предметомъ. Критика встрѣтила трудъ о. Кудрявцева весьма радушно и дала выгодный отзывъ о немъ. Вотъ что читаемъ мы въ „Православномъ Обозрѣніи“ за 1889 г. стр. 828: „При своихъ несомнѣнныхъ внутреннихъ достоинствахъ,—краткомъ изложеніи самаго

существеннаго и мѣткой критикѣ встрѣчающихся на пути противоположныхъ мнѣній, чистомъ и красивомъ слогѣ, увлекающемъ мысль и располагающемъ сердце, книга протоіерея А. Кудрявцева производитъ самое отрадное впечатлѣніе и можетъ заинтересовать всякій образованный умъ. Она можетъ быть прекраснѣйшимъ пособіемъ въ духовныхъ семинаріяхъ при изученіи основнаго богословія“. На послѣднюю рекомендацію, какъ мы видѣли, не рассчитывалъ и самъ авторъ.

Въ 1890 году протоіерей Аполлосъ *Знаменскій*, профессоръ богословія въ Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ, издалъ свои „Записки по предмету Православнаго Христіанскаго Вѣроученія“. Эти „Записки“ распадаются на три отдѣла. Въ первыхъ двухъ отдѣлахъ излагается „Основное Богословіе и христіанская Апологетика“, а въ третьемъ— „Догматическое Христіанское ученіе по разумѣнію Православной церкви“. „Записки“ эти имѣютъ свое спеціальное назначеніе, какъ учебное пособіе, и на научное значеніе, конечно, не претендуютъ.

Такимъ же характеромъ учебнаго пособія отличаются и „Краткія Записки по Основному Богословію (для студентовъ Московскаго Университета въ пособіе при подготовкѣ къ экзаменамъ 1895 года), составленныя протоіереемъ Николаемъ *Елеонскимъ*“. Эти „Краткія Записки“ гораздо обстоятельнѣе разсматриваютъ затронутые вопросы, чѣмъ предшествовавшія „Записки“ проф. Знаменскаго. Авторъ ихъ слѣдуетъ чисто научному методу. „Богословскій Вѣстникъ“ привѣтствовалъ появленіе этой книги, какъ серьезнаго ученаго труда въ области русской апологетической литературы. Критикъ „Богословскаго Вѣстника“ (А. И. Введенскій) въ особенности отмѣчаетъ вдумчивость, задушевность и стремленіе автора придать своему курсу возможно жизненный характеръ. „Здѣсь, говоритъ онъ, слѣдуетъ упомянуть о необыкновенной задушевности и, такъ сказать, сердечности тона почтеннаго автора, столь рѣдко характеризующей наши различные богословскіе курсы. На нѣкоторыхъ страницахъ изложеніе положительно возвышается до лирики псалмовъ. Въ книгѣ отобразилась личность автора,—цѣльвая и положительная,—сильная не столько анализомъ

(критическій элементъ въ книгѣ, вообще говоря, значительно слабѣе), сколько синтезомъ, способностью чувствовать и положительно *указывать* истину,—указывать для сердца и непосредственной настроенности. Въ наше расшатанное анализомъ время, конечно, это—немаловажное достоинство. Только при немъ, только благодаря положительнымъ свойствамъ своего ума и своей высокой настроенности, авторъ могъ такъ ясно, просто и возвышенно изобразить свойства безгрѣшной личности Богочеловѣка Христа. Страницы, посвященныя этому предмету (136—168), по нашему мнѣнію, должны быть признаны лучшими въ книгѣ. Конечно, въ книгѣ о. Елеонскаго есть немало неостатковъ, которые мы должны были бы отмѣтить, помимо справедливо указанныхъ въ замѣткѣ „Богословскаго Вѣстника“. Такъ, много можно сказать по поводу самаго плана книги; затѣмъ, нужно было бы отмѣтить и то, что въ своемъ настоящемъ видѣ книга о. Елеонскаго еще не представляетъ собою полной и законченной системы Основнаго или Аполлетическаго Богословія, вслѣдствіе чего нѣкоторыя части ея носятъ на себѣ случайный и отрывочный характеръ. Это въ особенности нужно сказать о двухъ послѣднихъ главахъ этой книги: X—„Буддизмъ“ и XI—„Рабство и его паденіе подъ вліяніемъ христіанства“. Къ чему здѣсь рѣчь о рабствѣ въ древнемъ мірѣ и о возникновеніи рабства въ предѣлахъ христіанскаго міра? Если авторъ хотѣлъ этимъ представить доказательство въ пользу христіанства, какъ религіи, имѣющей благотворное вліяніе на жизнь человѣчества, духовно ее пересоздавшей и обновившей, то развѣ уничтоженіемъ рабства исчерпывается *все* благотворное вліяніе христіанства? Такое вліяніе оно имѣло на всѣ стороны человѣческой жизни—личную, семейную, общественную, политическую, на просвѣщеніе, законодательство и т. д.? Зачѣмъ же останавливать свое вниманіе только на одномъ рабствѣ—римскомъ, американскомъ и африканскомъ,—и совершенно умалчивать о другихъ сторонахъ жизни человѣчества, пересозданныхъ христіанствомъ? То же самое нужно сказать и о буддизмѣ? Почему именно авторъ говоритъ *только* о буддизмѣ? Если въ немъ авторъ видитъ отрицательное доказательство истины христіанскаго ученія, то

такое же доказательство онъ, конечно, усматриваетъ и во всѣхъ другихъ естественныхъ религіяхъ; если онъ говоритъ о немъ потому, что въ послѣднее время часто стремятся поставить христіанство въ генетическую зависимость отъ буддизма; то авторъ знаетъ, что есть попытки увидѣть такую же зависимость христіанства отъ древне-персидской, египетской и даже гречко-римской религіи. Ясно, что книга о. Елеонскаго еще не представляетъ полной и законченной системы Основнаго или Апологетическаго Богословія. Но вопросъ въ томъ, имѣемъ ли мы право только потому, что эта книга явилась въ печати, предъявлять къ ней *общія* требованія нашей науки. Книга предназначена *не для всѣхъ*, а только для студентовъ и именно студентовъ *московскаго* университета и притомъ—готовившихся только къ экзаменамъ 1895 года? Профессоръ предложилъ „пособіе“ своимъ слушателямъ лишь въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ могъ, при извѣстныхъ условіяхъ, преподавать свою науку, и въ какомъ онъ предполагалъ экзаменовать своихъ слушателей. Обстоятельства, очевидно, не дозволили ему предложить своимъ слушателямъ полный и систематическій курсъ Основнаго Богословія; вслѣдствіе этого онъ спѣшилъ сообщить имъ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшее и существенное и этимъ объясняется характеръ его „Записокъ“. Тѣмъ не менѣе на основаніи того, что сдѣлано, можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ достопочтенный профессоръ удовлетворитъ насущной потребности не только своихъ слушателей, но и русскаго общества изданіемъ полного и систематическаго курса той науки, достойнымъ представителемъ которой онъ является въ настоящее время.

Въ томъ же 1895 году, когда явились въ печати „Краткія Записки“ профессора Елеонскаго, редакція „Богословскаго Вѣстника“ начала печатать лекціи, читанныя студентамъ 1-го курса харьковскаго Императорскаго университета заслуженнымъ профессоромъ протоіереемъ В. И. *Добротворскимъ*—„Основное Богословіе или Христіанская Апологетика“. Въ концѣ года явилось и отдѣльное изданіе этихъ лекцій. Содержаніе этой книги слѣдующее: Предисловіе. Введеніе. О религіи. О Божественномъ Откровеніи. Недостаточность естествен-

наго Богопознанія для религіи. О сверхъестественномъ Откровеніи. О способахъ сообщенія Божественнаго Откровенія людямъ или о Божественномъ вдохновеніи. О Священномъ Писаніи. О священныхъ книгахъ Ветхаго Завета. О Ветхозавѣтной религіи. О священномъ преданіи. О церкви, какъ хранительницѣ и провозвѣстницѣ Богооткровеннаго ученія.

Серьезнаго вниманія заслуживаетъ сочиненіе свящ. П. *Свѣтлова*, изданное въ 1897 году—„Опытъ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣроученія“. По своему характеру, трудъ этотъ—*догматико-апологетическій* (стр. VIII). О. Свѣтловъ поставилъ себѣ задачу: дать отвѣтъ лицамъ, желающимъ, подобно графу Л. Толстому, „того, чтобы всякое необъяснимое положеніе представлялось имъ, какъ необходимость разума же, а не какъ обязательство повѣрить“ (стр. IX). И свою задачу онъ находитъ исполнимою, именно потому, что „въ христіанской религіи нѣтъ ни одного догмата, который, при всей своей непостижимости, не былъ бы въ то же время требованіемъ человѣческаго разума, не отрицаемаго, но исправляемаго христіанствомъ“,—разума „нормальнаго и притомъ не логическаго, а практическаго (въ смыслѣ Канта)“. Но посмотримъ, насколько выполнена о. Свѣтловымъ эта достойная всякаго одобренія, но въ то же время чрезвычайно трудная задача? Прежде чѣмъ отвѣтить прямо на этотъ вопросъ, мы познакоимся сначала съ тѣмъ, какъ смотритъ на свой трудъ самъ авторъ, чтобы намъ установить съ нимъ одну и ту же точку зрѣнія.

По собственнымъ словамъ о. Свѣтлова (стр. I) его трудъ есть не что иное, какъ переработка его лекцій по Догматическому Богословію, читанныхъ въ Нѣжинскомъ Историко-Филологическомъ Институтѣ князя Безбородко за 1889—1893 г.г. Издавая въ свѣтъ свое сочиненіе, о. Свѣтловъ хотѣлъ дать *пособіе* къ ознакомленію съ важнѣйшею отраслью богословія—богословіемъ догматическимъ—всѣмъ тѣмъ лицамъ изъ свѣтской образованной среды, которыя, сознавая недостаточность полученныхъ ими въ школахъ *религіозныхъ* (?) познаній, не отказываются и даже стремятся при удобныхъ обстоятельствахъ восполнять эти свои познанія соответственнымъ чтеніемъ“. Такимъ

образомъ о. Свѣтловъ, какъ онъ самъ говоритъ, предназначилъ свой трудъ только „для извѣстнаго класса слушателей или читателей по преимуществу и прежде всего, а не для всѣхъ, хотя (оговаривается онъ далѣе) сочиненіе наше въ то же время и для всѣхъ, поскольку излагаетъ христіанскую истину, для всѣхъ общую“. Въ средѣ своихъ слушателей или читателей, для которыхъ предназначено разбираемое сочиненіе, о. Свѣтловъ предполагаетъ господство невѣрія, нападающаго на истину вслѣдствіе незнакомства съ нею и сознательно или полусознательно переходящаго въ богохульство (стр. III). „Антирелигіозныя и антицерковныя движенія, говоритъ онъ, у насъ въ свѣтскомъ обществѣ причину свою имѣютъ именно въ этомъ недостаточномъ знакомствѣ съ положительнымъ ученіемъ Православной Церкви. Зачастую вожаки этихъ движеній довольствуются гимназическими полузабытыми свѣдѣніями по Закону Божию или же тѣмъ, что можетъ дать независимо отъ серьезнаго систематическаго богословскаго образованія диллетантское начетничество, характеризующееся случайными и беспорядочными знаніями“. Выдающимся представителемъ такого антихристіанскаго и антицерковнаго движенія въ наше время о. Свѣтловъ считаетъ графа Л. Толстого, причемъ истинную причину его отпаденія отъ церкви онъ полагаетъ прямо въ „религіозномъ невѣжествѣ“, въ неимѣніи надлежащихъ свѣдѣній и справокъ по разнымъ догматическимъ вопросамъ, его тревожившимъ“.

Уже изъ приведеннаго ясно, что къ труду о. Свѣтлова не должны быть предъявляемы строго научныя требованія, какъ къ труду безотносительному и преслѣдующему только однѣ научныя цѣли; наши требованія къ этому сочиненію могутъ быть лишь условными и ограниченными; они должны находиться въ зависимости прежде всего отъ прямого назначенія книги. Мы не должны забывать, что о. Свѣтловъ имѣетъ въ виду читателей, собственно говоря, малосвѣдущихъ, „невѣжественныхъ“ и въ то же время невѣрующихъ, *вожаками* которыхъ являются лица съ полузабытыми гимназическими свѣдѣніями по Закону Божию. Вниманію такого рода людей, конечно, нельзя предлагать серьезныхъ научныхъ изслѣдованій въ области православно-

христіанскаго богословія: они ихъ не поймутъ и читать не станутъ. Для такихъ полуобразованныхъ невѣровъ должны быть составляемы апологетическія сочиненія въ возможно-простой, популярной формѣ, доступной для ихъ пониманія. Прибавленіе о. Свѣтлова, что его книга можетъ быть предназначена „и для всѣхъ“, посколькѣ излагаетъ христіанскую истину, для всѣхъ общую,—нисколько не измѣняетъ характера требованій, предъявленныхъ выше: общую истину для всѣхъ излагаютъ и „Начатки христіанскаго вѣроученія“...

И дѣйствительно, „Опытъ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣроученія“, составленный о. Свѣтловымъ, не можетъ быть названъ научнымъ изслѣдованіемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, и ничего новаго онъ не приносить въ нашу богословскую литературу вообще и апологетическую въ частности. Это—учебное пособіе или учебникъ,—что хотите, но только не научное изслѣдованіе.

Кромѣ трудовъ по Догматическому Богословію Макарія, Филарета, Антонія, Сильвестра и Іустина, о. Свѣтловъ нерѣдко пользуется твореніями отцовъ и учителей церкви—Августина, Григорія Богослова, Іоанна Лѣствичника, Василия Великаго, Іоанна Златоуста, Іоанна Дамаскина, Климента Александрійскаго, Тертулліана, Григорія Нисскаго, Аѳинагора и др. Кромѣ того, онъ иногда ссылается на мнѣнія митрополита Филарета, архіепископа Никанора, еп. Іоанна Смоленскаго, еп. Хрисанѳа, о. Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго), В. Д. Кудрявцева, Голубинскаго, Н. П. Рождественскаго,—изъ западныхъ писателей—на о. В. Гетте, Мартенсена, Эбрарда, Вангеманна, Ланге, Маргейнеке, Ширмера, Розенкранца, Фаррара, Дидона, Целлера, М. Перти и т. д. Наконецъ, повсюду цестрятъ у него имена западно-европейскихъ раціоналистовъ—Штрауса, Ренана, Газе, Кейма, Неандера, Вейссе и т. п. Объ одномъ только можно сожалѣть,—что о. Свѣтловъ совершенно не воспользовался тѣмъ обильнымъ и почти необъятнымъ апологетическимъ матеріаломъ въ дѣлѣ разьясненія христіанскаго вѣроученія и нравоученія, которымъ нынѣ чрезвычайно богата западно-европейская литература въ особенности—французская, нѣмецкая и англійская. Но что особенно бросается въ глаза, такъ это то,

что въ книгѣ о. Свѣтлова рядомъ съ святоотеческими именами и именами серьезныхъ русскихъ и западно-европейскихъ ученыхъ богослововъ нерѣдко стоятъ имена свѣтскихъ писателей—поэтовъ: Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Сенкевича, критика Бѣлинскаго и др., при чемъ тексты Св. Писанія иногда перемѣшиваются съ стихотвореніями:

„По небу полуночи ангель летѣлъ“...

илл:

„Даръ напрасный, даръ случайный,

„Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана? и т. д.

Самъ о. Свѣтловъ несомнѣнно сознавалъ неудобство такого смѣшенія св. отцовъ и учителей церкви съ простыми литераторами, изреченій Спасителя съ легкомысленнымъ эпикурсеизмомъ Пушкина или грошовымъ либерализмомъ Тургенева и Бѣлинскаго. Въ свое оправданіе о. Свѣтловъ указываетъ на примѣръ ап. Павла. „Плѣняя всякъ разумъ въ послушаніе Христово (2 Кор. X, 5), ап. Павелъ, говоритъ онъ (стр. XI), находилъ нужнымъ иногда приводить изреченія изъ *языческихъ* поэтовъ—писателей (Д. А. XVII, 28; Тт. 1, 12; 1 Кор. XV, 32); что удивительнаго, если мы иногда также позволимъ себѣ сослаться для той же цѣли на *христіанскихъ* писателей?“ Удивительнаго въ этомъ, конечно, мало; но едва ли есть основаніе для о. Свѣтлова оправдывать себя примѣромъ св. Апостола Павла. Ап. Павелъ, дѣйствительно, приводитъ иногда *оригинальныя* мнѣнія языческихъ писателей. И никто не поставилъ бы въ вину о. Свѣтлову, еслибы и онъ въ своей книгѣ приводилъ *оригинальныя* мнѣнія не только язычниковъ, но и *безбожниковъ*, явныхъ враговъ христіанства въ послѣднее время. Неудивительно, когда христіанскій апологетъ опровергаетъ возраженія Фейербаха, Штрауса, Репана и имъ подобныхъ; но при чемъ здѣсь Тургеневъ? При чемъ здѣсь Бѣлинскій? Неужели о. Свѣтловъ не знаетъ, съ чьего голоса говорили эти писатели? И не лучше ли было бы въ этомъ случаѣ имѣть дѣло прямо съ дѣйствительными виновниками того или другого взгляда, чѣмъ съ простыми популяризаторами ихъ, слѣпо увлекшимися либеральными, но неразумными ученіями западно-евро-

пейскихъ невѣровъ? Что за богословы Бѣлинскій, Тургеневъ, Пушкинъ, Лермонтовъ,—чтобы имъ отводить мѣсто не въ журнальной статьѣ, а въ систематическомъ курсѣ православно-христіанскаго вѣроученія? О. Свѣтлову, конечно, извѣстно, что они не были достаточно знакомы даже съ православно-христіанскимъ катихизисомъ. Вѣдь самъ о. Свѣтловъ увѣряетъ насъ, что вожаки антихристіанскаго и антицерковнаго движенія въ русскомъ обществѣ—люди „невѣжественные и мало знакомые“ съ ученіемъ Православной Церкви. Мы объясняемъ себѣ поведеніе о. Свѣтлова проще: преподавая православно-христіанское вѣроученіе слушателямъ свѣтскимъ (студентамъ нѣжинскаго историко-филологическаго института), своею ссылкою на свѣтскихъ писателей онъ хотѣлъ показать что и ему не чуждо свѣтское образованіе, что и онъ знаетъ общеизвѣстныя стихотворенія Пушкина и Лермонтова, что и онъ читалъ Тургенева и Бѣлинскаго. Такіе приемы, дѣйствительно, производятъ извѣстное впечатлѣніе на свѣтскихъ слушателей; но приносятъ ли они какую либо пользу самому дѣлу?

Книга о. Свѣтлова написана вообще языкомъ серьезнымъ, богословскимъ, книжнымъ; къ сожалѣнію, языкъ о. Свѣтлова не всегда чистъ и правиленъ. Раскрываемъ случайно книгу о. Свѣтлова: стр. III: „... и теперь даже лучшіе люди въ этой средѣ, т. е., искренно ищущіе истины, часто *обрътаются, благодаря* незнанію ученія Православной Церкви (есть за что *благодарить!*) въ положеніи бл. Августина“... „Антирелигіозныя и антицерковныя движенія у насъ въ свѣтскомъ обществѣ причину свою имѣютъ“... Стр. V: „Развѣ оно (лицо, бесѣдовавшее съ Л. Толстымъ) было *воплощеніемъ* Церкви?“... Но особенно слѣдуетъ отмѣтить то, что языкъ Свѣтлова пестритъ чрезвычайнымъ множествомъ иностранныхъ словъ и часто—безъ всякой надобности. Этотъ недостатокъ сознавалъ и самъ о. Свѣтловъ; онъ оправдываетъ себя (стр. XIII), между прочимъ, тѣмъ, что Филаретъ и Сильвестръ также употребляютъ иностранныя слова въ своихъ системахъ догматическаго богословія. Но еслибы это было даже и такъ,—справедливо ли оправдывать себя поведеніемъ другихъ? О. Свѣтловъ увѣряетъ насъ (стр. XIV), что онъ пишетъ „о великихъ вещахъ языкомъ

простымъ, доступнымъ для *предназначеннаго круга читателей*, безъ всякой темноты и напыщенности“. Но въ дѣйствительности языкъ о. Свѣтлова вовсе не такъ простъ и ни въ какомъ случаѣ онъ не можетъ быть названъ легкимъ и разумительнымъ „для назначеннаго круга читателей“ „съ гимназическими полузабытыми свѣдѣніями по Закону Божию“ (стр. IV). И о. Свѣтловъ болѣе искрененъ въ другомъ мѣстѣ (стр. XIV), гдѣ онъ говоритъ: „Мы можемъ жалѣть лишь о томъ только, что этой простоты (языка) въ насъ вообще такъ мало“.

Съ внѣшней стороны книга о. Свѣтлова обращаетъ на себя наше вниманіе тѣмъ, что въ каждомъ параграфѣ въ ней кое-что напечатано крупнымъ шрифтомъ, иное — мелкимъ. По объясненію о. Свѣтлова, это—его домашнее дѣло, вызванное заботами о томъ, чтобы его слушатели не выучили къ экзамену чего либо лишняго; напечатанное мелкимъ шрифтомъ, по его словамъ, „въ учебныхъ (?) дѣляхъ они могутъ и пропускать или сокращать“ (стр. XV). Помнится, и у насъ въ духовномъ училищѣ, въ которомъ мы обучались, былъ когда-то такой сердобольный учитель, который, задавая по книгѣ ученикамъ урокъ, обыкновенно говорилъ: „маленькими можете не учить“. Это „сокращеніе“ учебника намъ, разумѣется, очень нравилось; но конечно, было бы еще пріятнѣе, если бы насъ освободили тогда и отъ изученія всей книги. О. Свѣтловъ выпустилъ изъ виду, кажется, только одно: если „пропустить“ въ его книгѣ все, напечатанное мелкимъ шрифтомъ, то „апологетическое изложеніе православно-христіанскаго вѣроученія“ въ ней окажется настолько сухимъ, безжизненнымъ и обстоятельнымъ, что его лучше было бы „пропустить“ все. Въ такомъ видѣ книга о. Свѣтлова получила бы характеръ простого конспекта и нашла бы для себя читателей развѣ только вынужденныхъ необходимостію и притомъ исключительно—„въ учебныхъ дѣляхъ“.

Что касается содержанія книги о. Свѣтлова, то на стр. XI самъ авторъ по этому поводу говоритъ въ подстрочномъ примѣчаніи слѣдующее: „Въ вопросахъ *второстепенной* важности или въ *мелкихъ подробностяхъ* предмета выборъ содержанія опредѣлялся стремленіемъ автора избѣгать простого повторенія

сказаннаго другими и всѣмъ извѣстнаго и затрогивать (только *затрогивать?*) лишь, по возможности, тѣ предметы, въ разъясненіе которыхъ *нѣкоторую* (?) долю новаго онъ могъ внести и отъ себя“.

И такъ, о. Свѣтловъ старался избѣгать простаго повторенія сказаннаго другими; жалѣемъ, что онъ не опредѣляетъ точнѣе, что именно нужно разумѣть подъ этимъ „сказаннымъ другими и всѣмъ извѣстнымъ“. Но ручается ли онъ, что это „сказанное другими“, т. е., по меньшей мѣрѣ, сказанное Макаріемъ, Филаретомъ, Сильвестромъ, Іустиномъ, было извѣстно также его „невѣжественнымъ и малосвѣдущимъ“ слушателямъ и читателямъ, какими онъ самъ представляетъ студентовъ нѣжинскаго историко-филологическаго факультета? Или онъ стѣнамъ аудиторіи читалъ свои лекціи, или его слушатели не такъ были малосвѣдущи, какъ онъ отрекомендовалъ ихъ, или приведенное примѣчаніе въ его книгѣ сказано на вѣтеръ. Знакомый съ книгою Свѣтлова согласится съ послѣднимъ.

Что разумѣетъ о. Свѣтловъ въ „изложеніи православно-христіанскаго вѣроученія“ подъ „вопросами второстепенной важности“ и „мелкими подробностями“,—трудно сказать: кажется,—бытіе Божіе! По крайней мѣрѣ, бросается въ глаза то обстоятельство, что въ своей книгѣ онъ не далъ мѣста *доказательствамъ бытія Божія*, между тѣмъ какъ вѣра въ бытіе личнаго живаго Бога есть центральный и самый существенный пунктъ какъ для вѣрующихъ, такъ и для невѣрующихъ. Ап. Павелъ учитъ, что всякій приходящій къ Богу прежде всего долженъ вѣровать въ то, что Богъ существуетъ (Евр. XI, 6). Митрополитъ Филаретъ находилъ нужнымъ долгое время помѣщать *все* главнѣйшія доказательства бытія Божія даже въ Катихизисѣ Православной церкви; имъ отводять видное мѣсто въ своихъ системахъ наши ученые догматисты—Филаретъ, Сильвестръ и др.,—вовсе не преслѣдовавшіе въ своихъ трудахъ исключительно апологетическихъ цѣлей, какъ Свѣтловъ. Поведеніе о. Свѣтлова тѣмъ болѣе непонятно, что онъ всегда имѣетъ въ виду читателей свѣтскаго образованія съ полузабытыми гимназическими свѣдѣніями по Закону Божію и въ то же время бравирующихъ своимъ невѣріемъ въ

бытіе личнаго живаго Бога. Самъ Свѣтловъ приводитъ слова Тургенева: „Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога, а вы хотите вѣсть“!... Отсюда ясно, чего требуютъ отъ богослова—апологета люди свѣтскаго образованія. Не видѣть въ „Опытѣ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣроученія“ доказательствъ бытія Божія тѣмъ болѣе странно, что его авторъ довольно подробно говоритъ о дѣйствительномъ бытіи ангеловъ, какъ живыхъ и личныхъ существъ (§ 18 стр. 176—179) и о бытіи злыхъ духовъ (§ 20 стр. 181—187)... Правда, на стр. 14 есть нѣсколько (около 20) строкъ мелкаго шрифта (что, по объясненію о. Свѣтлова, не важно и что „можно пропускать или сокращать“), гдѣ лишь *указывается* на существованіе четырехъ доказательствъ бытія Божія, при чемъ въ скобкахъ объясняется и то, въ чемъ полагается ихъ сущность; на примѣръ, — „космологическое (заключеніе отъ несамостоятельности и условности міра къ Самосущей и безусловной причинѣ его) и телеологическое (заключеніе отъ наблюдаемыхъ во всемъ мірѣ красоты и порядка къ существованію премудрой и разумной первой причины его)“. Но развѣ можно назвать это бѣглое указаніе изложеніемъ доказательствъ бытія Божія, какъ они должны быть предложены читателямъ *свѣтскаго* образованія, хотя бы для того, чтобы послѣдніе увидѣли, насколько вѣра въ бытіе личнаго живаго Бога имѣетъ для себя разумныя и твердыя логическія основанія? Въ Догматическомъ Богословіи преосвящ. Макарія также мы не встрѣчаемъ доказательствъ *бытія* Божія; но Макарій изложилъ эти доказательства въ своемъ „Введеніи въ Православное Богословіе“, почему въ Догматикѣ онъ и не имѣлъ нужды повторять ихъ. Впрочемъ, у Макарія приводятся „доказательства изъ разума (антропологическія, космологическія и онтологическія) *единства* Божія, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ у него и доказательствами *бытія* Божія (Прав. догм. Богосл. т. I. Спб. 1856, стр. 60 и слѣд.). Такимъ образомъ и примѣромъ Макарія нельзя объяснить поведенія о. Свѣтлова.

Далѣе бросается въ глаза, что въ § 10 „О свойствахъ Божіихъ“ о. Свѣтловъ, мало вообще посвятившій труда на разъ-

ясненіе богооткровеннаго ученія о свойствахъ Божіихъ, ничего не говоритъ о вседовольствѣ или блаженствѣ и всемогуществѣ Божіемъ, т. е., не указываетъ даже на то, въ чемъ именно состоитъ сущность этихъ свойствъ, хотя на стр. 117 онъ и называетъ Бога существомъ всемогущимъ и вседовольнымъ. Трудно думать, чтобы его „малосвѣдущіе“ слушатели не нуждались въ раскрытіи этого ученія.

Въ § 22, въ которомъ излагается „библейское сказаніе о происхожденіи видимаго міра и его смыслъ“, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее довольно странное мѣсто (стр. 212—213) въ уясненіи смысла библейскаго повѣствованія о твореніи міра. Сказавъ объ отдѣленіи воды отъ земли въ третій день творенія, о. Свѣтловъ продолжаетъ: „Съ очищеніемъ отъ излишняго количества паровъ, проясняется атмосфера, и на нашей землѣ становятся видимы ближайшія къ ней и важнѣйшія для ея жизни свѣтила небесныя: являются „свѣтило на тверди небесной для освѣщенія земли и для отдѣленія дня отъ ночи, и для знаменій, и время, и дней, и годовъ“... (стр. 14—18). Обиліе влаги на поверхности, до нѣкоторой степени освободившейся отъ нея, и въ атмосферѣ, а также высокая температура, не позволяя пока явиться высшимъ формамъ жизни, чрезвычайно благопріятствуетъ *явленію и развитію жизни растительной*, и вотъ, дѣйствіемъ силы Божіей, земля произращаетъ въ 3-й день всякую зелень (растеніе): траву, кустарники и деревья“. Здѣсь, очевидно, о. Свѣтловъ, въ угоду различнымъ естественно-научнымъ теоріямъ, излагаетъ свои соображенія какъ-то спутанно, неясно, а главное—несогласно съ прямымъ смысломъ библейскаго повѣствованія: свѣтила небесныя (солнце, луна и звѣзды), по его изложенію, не создаются Богомъ, а только *являются* какъ-то или даже только *становятся видимыми на нашей землѣ* вслѣдствіе того, что *прояснилась атмосфера*; послѣ появленія солнца въ четвертый день земля начинаетъ произращать всякую зелень, но это опять совершается какъ-то „заднимъ числомъ“, въ 3-й день... Библия говоритъ *не такъ*. Свѣтловъ ссылается на Макарія; но цитуетъ его неточно и невѣрно: „Прав. Догм. Богосл. Спб. 1850. т. 2“. (страница не указана). Но во 1) Макарій излагаетъ

библейское повѣствованіе о твореніи міра не во 2-мъ, а въ 1-мъ томѣ своего Догматическаго Богословія (срв. стр. 268—352), а во 2) Макарій не представляетъ никакой опоры для выше приведенныхъ туманныхъ соображеній о Свѣтлова; напротивъ вполне согласно съ библейскимъ сказаніемъ Макарій прямо утверждаетъ (стр. 324), что свѣтила небесныя созданы въ 4-й день, а растенія—въ 3-й, причемъ разрѣшаетъ и извѣстное возраженіе по этому поводу: „Какъ могутъ безъ солнца существовать растенія?“. О. Свѣтловъ былъ бы болѣе искрененъ, если бы сослался на „Курсъ Основнаго Богословія“ Тихомирова (стр. 43), откуда именно онъ и заимствовалъ свое „объясненіе“.

Если судить о книгѣ о Свѣтлова въ зависимости отъ ея назначенія для читателей свѣтскаго образованія съ „полузабытыми гимназическими свѣдѣніями по Закону Божію“ и если имѣть въ виду ея апологетическую цѣль, то въ такомъ случаѣ нельзя не отмѣтить ея неполноты изложенія. Такъ, о. Свѣтловъ упоминаетъ (стр. 156 и сл.) о существованіи множества философскихъ и естественно-научныхъ попытокъ объясненія происхожденія или образованія міра и не знакомитъ своихъ слушателей ни съ одною изъ нихъ, не указываетъ ихъ недостатковъ или достоинствъ. Въ этомъ отношеніи несравненно выше стоитъ Догматическое Богословіе Филарета, изъ котораго мы узнаемъ не только о существованіи 80-ти геологическихъ попытокъ объясненія происхожденія міра, но въ которомъ находимъ также и подробное опроверженіе теоріи Дарвина.

То же самое нужно сказать и о философскихъ міровоззрѣніяхъ. О. Свѣтловъ говоритъ, о существованіи множества попытокъ уяснить на началахъ разума христіанскій догматъ о Троичности Лиць въ Богѣ, но не знакомитъ своихъ слушателей даже съ такими выдающимися опытами этого рода, какія мы находимъ въ сочиненіяхъ Каулиха, Эбергарда и Горна. Далѣе онъ часто ссылается на тѣ или другія философскія положенія, какъ на хорошо уже будто бы извѣстныя его слушателямъ. Такъ, напр., на стр. IX о. Свѣтловъ говоритъ, что догматы христіанской религіи вполне удовлетворяютъ требованіямъ человѣческаго разума—нормальнаго и при томъ не до-

гическаго, а практическаго (*въ смыслъ Канта*). Но знаютъ ли его слушатели „съ полузабытыми гимназическими свѣдѣніями“, что разумѣетъ Кантъ подъ именемъ „практическаго“ разума? Точно такъ же поступаетъ о. Свѣтловъ и вездѣ въ своей книгѣ, гдѣ только ему приходится касаться философскихъ міровоззрѣній. Вообще же такого рода способъ изложенія даетъ поводъ думать, что о. Свѣтловъ какъ будто-бы не всегда имѣлъ въ виду тѣхъ читателей, которымъ онъ предназначилъ свою книгу,—лицъ съ гимназическимъ образованіемъ, недостаточно знакомыхъ съ различными философскими міровоззрѣніями, и что онъ мало приравнивался къ ихъ научной подготовкѣ. Мы увѣрены, впрочемъ, что свои лекціи по Богословію студентамъ Нѣжинскаго института о. Свѣтловъ читалъ во все не въ томъ видѣ, какой имѣетъ его книга. Безъ разъясненій и дополненій она мало доступна читателямъ съ теперешнимъ гимназическимъ образованіемъ. Если бы самъ о. Свѣтловъ не объявилъ напередъ, что его книга есть „переработка лекцій по Догматическому Богословію, читанныхъ въ Нѣжинскомъ Историко-Филологическомъ Институтѣ“, то мы скорѣе подумали бы, что она предназначена для воспитанниковъ духовныхъ семинарій или даже для студентовъ нашихъ духовныхъ академій, предварительно ознакомленныхъ съ различными философскими ученіями, чѣмъ для лицъ свѣтскаго образованія „съ полузабытыми гимназическими свѣдѣніями“...

Наконецъ, нельзя не отмѣтить еще одной книги апологетическаго характера, явившейся въ 1898 года. Мы говоримъ о книгѣ протоіерея Іоанна *Петропавловскаго* „Въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія“. Имя Петропавловскаго, бывшаго даровитаго профессора московской духовной академіи по кафедрѣ Основнаго или Апологетическаго Богословія, не ново въ нашей апологетической литературѣ. Его бывшіе слушатели помнятъ его прекрасныя, воодушевленные академическія лекціи, вполне отвѣчавшія требованіямъ тогдашняго труднаго и смутнаго времени и отличавшіяся высокими научными достоинствами. Въ журналахъ—„Православномъ Обзорѣніи“ и „Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“—время отъ времени появлялись его ученныя статьи апологетическаго

характера. Въ 1881 году онъ издалъ въ свѣтъ 1-й *Выпускъ* апологетическихъ статей подъ заглавіемъ: „Общедоступныя статьи въ защиту Христіанской Вѣры“. Здѣсь онъ излагаетъ свое сужденіе о новѣйшемъ невѣріи (его мнимо-научныхъ основаніяхъ и гибельныхъ слѣдствіяхъ), о Богооткровенности Библии, о вѣрѣ въ чудо, о богочеловѣчествѣ Іисуса Христа, о безпримѣрномъ величіи Христіанства въ ряду всѣхъ другихъ явленій въ исторіи человѣчества, о благотворномъ вліяніи Христіанства на земную жизнь человѣчества, объ общеніи имуществъ (мнимомъ коммунизмѣ) въ древней церкви христіанской и о руководственныхъ началахъ въ борьбѣ прогивъ новѣйшаго невѣрія. Учебный Комитетъ при Св. Синодѣ далъ лестный отзывъ объ этой книгѣ. По его справедливому замѣчанію, книга о. Петропавловскаго написана живо и увлекательно, проникнута глубокимъ религіознымъ чувствомъ и непоколебимымъ убѣжденіемъ въ непреложности христіанской вѣры. Св. Синодъ одобрилъ ее для пріобрѣтенія въ ученическія и фундаментальныя бібліотеки духовныхъ семинарій. Въ 1898 году о. Петропавловскій издалъ *второй* выпускъ, который содержитъ въ себѣ „собраніе апологетическихъ статей, оправдывающихъ христіанство въ его главнѣйшихъ основаніяхъ и существенныхъ сторонахъ противъ нападеній на него новѣйшаго невѣрія“. Въ этотъ выпускъ вошли многія изъ академическихъ лекцій о. Петропавловскаго, а также и всѣ его журнальныя статьи изъ „Православнаго Обозрѣнія“ и „Чтеній въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“. Содержаніе этого выпуска весьма разнообразно: атеизмъ и вѣра въ Бога, матеріализмъ и его несостоятельность, два міра—видимый и невидимый, древность и происхожденіе человѣческаго рода, геологическія изслѣдованія о человѣкѣ, человѣкъ и животное, самостоятельность и безсмертіе человѣческой души, религія вообще и христіанство въ частности, сверхъестественное откровеніе, о Промыслѣ Божіемъ, естественныя законы, чудеса и молитвы, Богочеловѣчскій образъ Іисуса Христа, достовѣрность евангельской исторіи, Христось и христіанство, абсолютное удовлетвореніе всѣмъ высшимъ стремленіямъ человѣческаго духа въ христіанствѣ, значеніе крестной жертвы Спасителя, о чудесахъ нашего Гос-

пода, о воскресеніи Іисуса Христа, христіанство, церковь и православіе въ взаимоотношеніи, къ вопросу о публичныхъ богословскихъ чтеніяхъ. Всѣхъ статей—21. О. Свѣтловъ произнесъ слишкомъ суровый и несправедливый приговоръ надъ этою книгою о. Петропавловскаго. Отзывъ, данный въ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“, находящій труды о. Петропавловскаго весьма полезными въ борьбѣ съ невѣріемъ нашего времени, долженъ быть признанъ болѣе вѣрнымъ и болѣе безпристрастнымъ. Мы становимся на его сторону.

И такъ, изъ представленнаго нами очерка историческаго развитія Основнаго или Апологетическаго Богословія ясно видно, что какъ западно-европейская, такъ и наша русская апологетическая литература весьма обширна и богата апологетическими трудами, но, къ сожалѣнію, только—въ видѣ журнальныхъ статей, „учебныхъ курсовъ“, „чтеній“, специальныхъ диссертаций и монографій. Что касается въ частности нашей *русской* литературы, то остается поскорбѣть о томъ, что до настоящаго времени мы не имѣемъ полной и цѣльной системы Христіанской Апологетики, которая, развиваясь на истинно научныхъ началахъ, отвѣчала бы запросамъ нашего времени и была бы надежнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ невѣріемъ. По необходимости, мы должны довольствоваться переводными трудами. Но иновѣрные западно-европейскіе апологеты—чужіе намъ; у нихъ свои интересы и свои задачи; ихъ конфессіональная тенденціозность отталкиваетъ насъ; даже въ Аполוגіи Лютардта переводчикъ вынужденъ былъ дѣлать свои дополненія (стр. 341—346) и „приложенія“ (стр. 671—792). И грустно думать, что этотъ недочетъ въ нашей наукѣ въ видѣ стараго неоплаченнаго долга перейдетъ въ наслѣдство поколѣніямъ XX-го вѣка....

Профессоръ богословія, *Прот. Т. Буткевичъ.*

Воскресеніе Господа и явленія Его ученикамъ по воскресеніи.

(Историко-экзегетическое изслѣдованіе).

(Продолженіе *).

I. Чудесная ловля рыбы учениками по слову воскресшаго Господа.

Іоан. XXI, 1—14.

1. Посемъ явился пакы Іисусъ ученикомъ своимъ, воставъ отъ мертвыхъ, на мори Тиверіадстѣмъ. Явился же сиче:

2. Бяху окупъ Симонъ Петръ, и Тома нарицаемый близнецъ, и Наванамъ, иже бѣ отъ Каны Галилейскія, и сына Зеведеова, и ина отъ ученикъ Его два:

3. Глагола имъ Симонъ Петръ: иду рыбы ловити. Глаголаша ему: идемъ и мы съ тобою. Изыдоша же и встдоша абіе въ корабль, и въ ту ночь не яша ничесоже.

4. Утру же бывшу, ста Іисусъ при брезѣ: не познаша же ученицы, яко Іисусъ есть.

5. Глагола же имъ Іисусъ; дѣти еда что съядно имате; отъшаша Ему: ни.

6. Онъ же рече имъ: вверзите мрежу одесную страну корабля, и обрщете. Вверзоша же и ктому не можаху привлещи ея отъ множества рыбъ.

7. Глагола же ученикъ той, еюже любяше Іисусъ, Петрови: Господь есть; Симонъ же Петръ слышавъ, яко Господь есть, спендитомъ препоясая, бѣ бо нахъ, и ввержеся въ море:

8. А друзии ученицы кораблемъ придоша, не бѣша бо далече отъ земли, но яко двѣсти лактей, влекуще мрежу рыбъ.

9. Егда убо измъзоша на землю, видѣша отъ лежащъ и рыбу на немъ лежащю и хлѣбъ.

10. И глагола имъ Іисусъ: принесите отъ рыбъ, яже ясте нынѣ.

11. Влѣзъ же Симонъ Петръ и извлече мрежу на землю, полну великихъ рыбъ сто и пятьдесятъ и три: и толико суцимъ не проторжесея мрежа.

12. Глагола имъ Іисусъ: приидите, обѣдуйте. Ни единъ же смѣяше отъ ученикъ стязати Его: ты кто еси; вѣдяще, яко Господь есть.

13. Прииде же Іисусъ и приятъ хлѣбъ и даде имъ, и рыбу такожде.

14. Се уже третіе явился Іисусъ ученикамъ своимъ, воставъ отъ мертвыхъ.

Время явленія Господа на морѣ Тиверіадскомъ нельзя опредѣлить точно, такъ какъ евангелистъ не даетъ намъ опредѣ-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1899 г. № 18.

леннаго указанія объ этомъ. Онъ говоритъ: *посемъ—мета таѣта—явися пакы Исусъ* ¹⁾ *ученикомъ своимъ, воставъ отъ мертвыхъ, на мори Тиверіадстѣмъ: явися же сице.* Слово: *посемъ—мета таѣта*—обыкновенно употребляется у Іоанна для соединенія послѣдующаго съ предыдущимъ (III, 22; V, 1—14; VI, 1 и др.); изъ этого слова мы узнаемъ только то, что явленіе Господа на морѣ Тиверіадскомъ послѣдовало послѣ явленія Его Ѳомѣ и другимъ ученикамъ (Іоан. XX, 24—31). Нѣкоторые думаютъ ²⁾, что явленіе это послѣдовало черезъ шесть дней послѣ явленія Ѳомѣ, т. е. во второе воскресеніе послѣ Пасхи Христовой. Конечно, нельзя отрицать того, что Господь воскресные дни могъ по преимуществу избирать временемъ для своихъ явленій; слѣдовательно, можно думать, что явленіе на морѣ Тиверіадскомъ могло послѣдовать въ воскресеніе. Но эта мысль есть не болѣе какъ предположеніе, которое не исключаетъ другихъ догадокъ.

Мѣсто этого явленія обозначено очень точно. Исусъ Христосъ явился семи ученикамъ *на мори Тиверіадстѣмъ—ἐπί τῆς θαλάσσης τιβεριᾶδος* ³⁾. Тиверіадское море находилось въ Галилеѣ и у другихъ евангелистовъ обыкновенно называется Галилейскимъ (Матѣ. IV, 18; XV, 29; Марк. 1—16; VII, 31) или Геннисаретскимъ (Лук. V, 1). У Іоанна въ главѣ VI, 1 это море носитъ два имени: „море Галилеи Тиверіадское“. У этого внутренняго моря, которое вѣрнѣе можно назвать большимъ озеромъ, было еще имя древнѣйшее,—Киннерееъ (или Хиннерееъ или Хиннерееъ, какъ передаютъ въ кн. Исусѣ Навина переводчики русской библіи; въ *Bibl sacra Chinnereth*; въ Греч. Библіи *χευερῆθ*; нынѣ Баръ Табаріе), которое мы находимъ въ книгѣ Числъ (XXXIV, 11) и у Исуса Навина (XII, 3; XIII, 27), и которое, повидимому, измѣнилось въ Геннисаретъ. Тиверіадскимъ это внутреннее море стало называться

1) Слово „Исусъ“—Тшпендорфъ вычерпнулъ изъ текста.

2) Напр. Gerhard, Sepp. и др. См. Auferstehungsgesch. von. Nebe, s. 249.

3) Нельзя думать, что Исусъ Христосъ явился на водѣ Тиверіадскаго моря: предлогъ ἐπί значить не только на, но и возлѣ. Въ русскомъ переводѣ гораздо вѣрнѣе передать греческій текстъ словами: „при морѣ Тиверіадскомъ“, чѣмъ въ славянскомъ. Поэтому нужно полагать, что Исусъ Христосъ явился на берегу Тиверіадскаго моря.

лишь со времени основанія на берегу его города Тиверіады. По сказанію Флавія, городъ этотъ былъ построенъ въ 17 году по Р. Хр. Иродомъ Антипою въ честь императора Тиверія ¹⁾. Тиверіадское море имѣеть живописные берега; во времена Иисуса Христа на берегу его расположено было много городовъ и селъ. Въ этомъ морѣ водилось много рыбы; даже и въ настоящее время Геннисаретское озеро находятъ переполненнымъ рыбою, отчего рыба въ немъ издыхаетъ. Господь не предсказывалъ ранѣе о томъ, что явится въ этомъ мѣстѣ. Онъ говорилъ только, что послѣ воскресенія своего явится ученикамъ въ Галилеѣ. Вѣроятно, окрестности этого моря избраны были Господомъ мѣстомъ явленій потому, что здѣсь жило большинство Его учениковъ. Какъ извѣстно, Петръ, Андрей и Филиппъ происходили изъ Вивсаиды, расположенной около Тиверіадскаго моря, Іаковъ и Іоаннъ Зеведеевы занимались рыболовствомъ вмѣстѣ съ Петромъ и Андреемъ (Лук. V, 10) и, слѣдовательно, жили также при морѣ Тиверіадскомъ. Самъ Господь жилъ на берегу этого моря въ городѣ Капернаумѣ. Онъ любилъ это море и часто плавалъ по немъ.

Ев. Іоаннъ точно указываетъ число учениковъ, которые были при явленіи Господа на морѣ Тиверіадскомъ. *Бяху окупъ, пишетъ онъ, Симонъ, Петръ и Ѳома, нарицаемый близнецъ, и Наинаилъ, уже бѣ отъ Каны Галилейскія, и сына Зеведеева—οἱ υἱοὶ τοῦ Ζεβεδαίου* ²⁾—и ина отъ ученикъ Его два. Ученики собрались въ одно мѣсто, вѣроятно, для того, чтобы подѣлиться своими мыслями. Они жили недалеко другъ отъ друга, такъ что имъ легко было сойтись вмѣстѣ для дружеской бесѣды. Іоаннъ прежде всего называетъ Симона—Петра. Это нисколько не удивительно, такъ какъ ап. Петръ всегда занималъ въ спискѣ учениковъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Послѣ Петра поименованъ Ѳома, называемый Дидимъ. Спрашивается, по какой причинѣ Ѳома поименованъ прежде сыновей Зеведеевыхъ, которые были выдающимися лицами среди апостоловъ.

¹⁾ Древн. 18, 2. 3; 19, 81.

²⁾ Тшендорфъ на основаніи Александрійскаго и Ватиканскаго кодексовъ не принялъ въ текстъ *οἱ υἱοὶ*, между тѣмъ кодексы Синайскій, Кэмбриджскій и Ефремовъ имѣють это слово.

(Матѣ. XVII, 1, XXVI, 37; Марк. V, 37) и въ спискѣ послѣднихъ занимали одно изъ первыхъ мѣстъ? Нѣкоторые (напр. Генгстенбергъ) думаютъ, что Тوما поставленъ рядомъ съ Петромъ ради своего сомнѣнія ¹⁾; но неужели свѣтъ одного долженъ былъ ярче отбѣнить слабость другого? Неужели сомнѣвающийся долженъ былъ стоять подлѣ мужа вѣры, какъ бы подъ защитою его? Все это не могло прійти на мысль евангелисту: Тома въ это время былъ уже не сомнѣвающимся, а вѣрующимъ. Наименованіе его послѣ Петра просто объясняется тѣмъ, что въ предыдущей главѣ шла о немъ рѣчь. Послѣ Тома поименованъ Наоанаилъ отъ Каны Галилейской. Это имя встрѣчается только въ евангеліи Іоанна,—въ началѣ и въ концѣ. Наоанаилъ былъ представленъ Іисусу Христу Филиппомъ, и Іисусъ Христосъ охарактеризовалъ его такимъ человѣкомъ, въ которомъ нѣтъ лукавства (Іоан. 1, 47). У синоптиковъ мы не находимъ этого имени. По изслѣдованію экзегетовъ, Наоанаилъ у синоптиковъ называется Вареоломеемъ по отцу. Судя по тому, что Вареоломей ставится рядомъ съ Филиппомъ (Матѣ. X, 3; Марк. III, 18; и Лук. VI, 14) можно согласиться съ отождествленіемъ Наоанаила съ Вареоломеемъ.

Кромѣ Петра, Тома и Наоанаила, здѣсь находились еще сыновья Зеведеевы и два другихъ ученика Господа. Сыновьями Зеведея были Іаковъ и Іоаннъ (Матѣ. IV, 21; Лук. V, 10). Они были выдающимися лицами среди апостоловъ; Іоаннъ—писатель настоящаго повѣствованія; по своему смиренію онъ не только здѣсь, но и во всемъ своемъ евангеліи не называетъ себя по имени. Онъ не называетъ и другихъ двухъ учениковъ, которые присутствовали съ нимъ въ это время. Основаніе, почему онъ не объявляетъ имена этихъ учениковъ, нужно искать въ основномъ положеніи евангелиста—называть изъ апостоловъ только тѣхъ, которые выступали при какомъ-нибудь поводѣ говорящими или дѣйствующими въ ходѣ евангельской исторіи. Одни (Hengstenberg, Lightfoot, Zampe, Dräseke и друг.) думаютъ, что этими неизвѣстными учениками были апостолы Филиппъ

¹⁾ Das Fvang. des heil. Iohan, erläutert von Hengstenberg, т. 3, стр. 325. Berlin 1870.

и Андрей ¹⁾. Это мнѣніе основывается на томъ, что Филиппъ и Андрей, живя въ одномъ городѣ съ Петромъ, могли скорѣе сойтись съ поименованными апостолами. Это предположеніе довольно основательно, хотя не исключаетъ другихъ догадокъ. Бенгель, Люкке и Годе думаютъ, что эти два неизвѣстныхъ ученика принадлежали къ числу 12-ти апостоловъ ²⁾. Но и это мнѣвіе можно допустить только какъ предположеніе. Слово *ученикъ*—μαθητής—у Іоанна прилагается не къ однимъ апостоламъ изъ числа 12-ти, но вообще, ко всѣмъ послѣдователямъ Христовымъ. Это видно изъ XX гл. 19 ст. его евангелія и другихъ мѣстъ, напр. IV, I, VI, 60 и др.

По сравненію Матѳ. IV, 18, Лук. V, 1—10 и Іоанна I, 44, можно думать, что событіе, описываемое Іоанномъ, происходило подлѣ Вивсаиды на западномъ берегу моря. Если мы обратимъ вниманіе на I гл. 21 и 29 ст. ев. Марка, гдѣ рассказывается, что домъ Петра и Андрея былъ въ Капернаумѣ, то можемъ точнѣе опредѣлить мѣсто этого событія. Такъ какъ Вивсаида и Капернаумъ были сосѣдними городами, отдѣленными другъ отъ друга лишь незначительнымъ разстояніемъ, то можно заключить, что Господь явился ученикамъ на береговой полосѣ между двумя этими городами.

Семь вышеуказанныхъ учениковъ Господа собрались вмѣстѣ не для рыбной ловли. Намѣреніе ловить рыбу было только у Петра. Онъ сказалъ другимъ ученикамъ: *иду рыбы ловити*. Услышавъ объ этомъ, другіе ученики выразили желаніе помочь ему. *Идемъ и мы съ тобою*, сказали они. Спрашивается, какъ нужно понимать это намѣреніе Петра и его товарищей? Показываетъ-ли оно слабость ихъ вѣры, отреченіе отъ призванія проповѣдниковъ Христовой вѣры; или оно вызвано было необходимостью добывать себѣ пищу? Отцы церкви на этотъ вопросъ отвѣчали различно. Теофилактъ и Евфимій, Зигабенъ держались того мнѣнія, что ученики пошли ловить рыбу, вслѣдствіе отсутствія занятій. „Такъ какъ Спаситель, пишетъ Зигабенъ, теперь не постоянно находился съ учениками, а другой

¹⁾ Das Evang. des Ioh. von. Hengst., т. 3, стр. 326; ср. Das Ioh. Evang. von Luthardt, г. 2, стр. 531.

²⁾ Gnomon. N. Testam. стр. 491; Comment. ub. Ev. Ioh. von. Lütcke, ч. 2. 527.

Утѣшитель еще не пришелъ и проповѣдь имъ была еще не совершенно поручена, то они, не имѣя чего дѣлать, обратились къ прежнему своему занятію и занимались рыбною ловлею, но не съ корыстною цѣлію, какъ прежде¹⁾. Противъ этого мнѣнія дѣлаютъ основательныя возраженія. Указываютъ на то, что апостолы никакимъ образомъ не могли оставаться въ праздности. Они только что пришли домой послѣ продолжительнаго отсутствія, слѣдовательно, должны были заняться неотложными домашними дѣлами. Далѣе, они должны были готовиться къ своему апостольскому призванію. Они должны были заняться тщательнымъ изученіемъ Св. Писанія, внимательнымъ обсужденіемъ рѣчей Іисуса Христа. Имъ, затѣмъ, необходимо было измѣнить свой взглядъ на Іисуса Христа, какъ на земного царя,—освободителя еврейскаго народа отъ ига чужеземцевъ. А кому неизвѣстно, что перемѣна прежняго образа мыслей требуетъ громадной умственной работы. Въ виду этого считаютъ невозможнымъ, чтобы апостолы могли хоть нѣсколько часовъ оставаться въ праздности. Блаж. Августинъ высказалъ другое мнѣніе по этому вопросу. Апостолы, по его мнѣнію, занялись рыбною ловлею для добыванія себѣ пропитанія. Съ нимъ согласны Григорій Великій, Генгстенбергъ, Небе и друг.²⁾ Дѣйствительно, вполне можно согласиться съ тѣмъ, что ученики пошли ловить рыбу по необходимости. Они должны были теперь работать, чтобы имѣть пропитаніе. Во время путешествія съ Господомъ апостолы, какъ извѣстно, не имѣли нужды зарабатывать себѣ хлѣбъ. Іисусу Христу многіе дѣлали пожертвованія, вслѣдствіе которыхъ апостолы и могли добывать себѣ пищу. Послѣ воскресенія Господа апостолы лишились этого источника питанія; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они для добыванія пищи обратились къ прежнимъ занятіямъ. Это, однако, нисколько не свидѣтельствуетъ о томъ, что они намѣрены были оставить апостольское призваніе. Они мо-

¹⁾ Зигабенъ,—толк. ев. отъ Іоанна, стр. 303 сравн. Благовѣстникъ Теофил., ч. 4, стр. 476.

²⁾ Tract. 122 in Iohan. стр. 1960. См. Patrologiae cursus completus, т. 35; Das Evangelium des Iohannes erläutert von Hengstenberg, т. 3, стр. 328. Aufersteh. Nebe, s. 267.

гли ревностно приготовляться къ нему и въ то же время трудиться.

Свое намѣреніе ловить рыбу ученики исполнили въ точности. *Изыдоша же, пишетъ евангелистъ, и встдоша абіе въ корабль, и въ ту ночь не яша ничесоже*—ἐξῆλθον καὶ ἀνέβησαν εἰς τὸ πλοτον ¹⁾ εὐθύς, καὶ ἐν ἑκείνῃ τῇ νυκτί ἐπίασαν ²⁾ οὐδέν. Ученики были опытными рыболовами; они знали, что ночью удобнѣ всего ловить рыбу. Но не смотря на все ихъ старанье и умѣнье, они ничего не могли поймать. А между тѣмъ море Тиверіалское изобиловало рыбою. Такой безуспѣшный исходъ дѣла можно объяснить только вѣдѣствіе промысла Божія: Господь этимъ приучалъ ихъ къ терпѣнію и бодрости въ трудахъ и къ упованію на высшую помощь, при которой только и возможенъ хорошій успѣхъ въ дѣлахъ. Этотъ безуспѣшный ловъ рыбы могъ напомнить ученикамъ тотъ случай, когда они, около трехъ лѣтъ тому назадъ, также трудились всю ночь и ничего не поймали, но закинувши сѣть, по слову Господа, уже около полудня, поймали великое множество рыбы (Лук. V, 1—11) ³⁾.

На разсвѣтѣ къ семи ученикамъ, безуспѣшно ловившимъ рыбу, приходитъ на помощь Самъ Господь. *Утру же бывшу*

¹⁾ Это выраженіе нѣкоторые считаютъ несходнымъ съ языкомъ евангелія Іоанна (напр. Люкке), но Мейеръ совершенно правильно указалъ на подобное выраженіе въ I гл. 39 и IX, I и д. Іоанна.

²⁾ Это слово часто встрѣчается въ евангаліи Іоанна см. VII, 30—32. 44; X—39; XI, 57.

³⁾ Штраусъ и другіе послѣдователи Тюбингенской школы думаютъ, что повѣствованіе Іоанна о безуспѣшной ловлѣ рыбъ (XXI, 1—14) есть только пзмѣненая редакція переданнаго намъ повѣствованія Луки. См. Commentar zum Evangelium Iohannis von Godet, стр. 581. Hannover. 1878. Сравнивая эти повѣствованія, мы, дѣйствительно, находимъ между ними нѣкоторое сходство: по обоимъ повѣствованіямъ ученики цѣлую ночь безуспѣшно ловятъ рыбу, но потомъ, утромъ, закинувши сѣть по слову Господа, вытаскиваютъ множество рыбъ. Но при этомъ сходствѣ есть и большое различіе. По евангелію Луки, Іисусъ Христосъ сначала училъ народъ изъ лодки и потомъ уже велѣлъ Петру закинуть сѣть, по Іоанну же, Господь совсѣмъ не входитъ въ лодку. Тамъ Іисусъ велѣлъ отплыть на глубину и закинуть сѣть, здѣсь же Онъ велѣлъ бросить сѣть по правую сторону лодки; тамъ—сѣть прорывалась отъ множества рыбъ, здѣсь—пѣтъ; тамъ Петръ испугался и просилъ Господа уйти отъ него, потому что онъ человѣкъ грѣшный, здѣсь же Петръ бросается къ водѣ и сплываетъ къ Іисусу; тамъ рыба оставлена была въ лодкѣ, здѣсь же она вытащена была на берегъ и была пересчитана и т. д. Такимъ образомъ, изъ этого сравненія ясно, что оба повѣствованія—суть описанія двухъ различныхъ событій.

повѣствуетъ евангелистъ, *ста Исусъ при брези прѡϊας δὲ ἡδῆ γενομένης* ¹⁾ ἔστη ὁ Ἰησοῦς εἰς ²⁾ τὸν αἰγιαλόν. Семь учениковъ не замѣтили, какъ приблизился къ нимъ Исусъ Христосъ. Взглянувши на берегъ, ученики замѣтили здѣсь человѣка, и хотя находились недалеко отъ берега (на 200 локтей), однако не узнали, что это былъ Исусъ Христосъ. *Не познаша же ученицы*, говоритъ евангелистъ, *яко Исусъ есть*. На вопросъ, почему ученики не узнали Исуса Христа, даются различные отвѣты. Зигабенъ выскозалъ объ этомъ слѣдующее мнѣніе: „можетъ быть, пишетъ онъ, видъ Его нетлѣннаго тѣла показался въ большемъ блескѣ, чѣмъ прежде“ ³⁾. Это объясненіе, однако, нельзя назвать удачнымъ. Исусъ Христосъ, какъ извѣстно, являлся ученикамъ въ прежнемъ видѣ. Мы нигдѣ не встрѣчаемъ указанія на явленіе Его въ прославленномъ образѣ. Поэтому болѣе правильно мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что ученики не узнали Господа, вслѣдствіе неожиданности Его явленія. Мысли учениковъ въ это время сосредоточены были на другомъ предметѣ: они обдумывали, какимъ образомъ можно успѣшнѣе ловить рыбу и не предполагали, что могутъ увидѣть здѣсь Исуса Христа. „Заботы житейскія, пишетъ г. Властовъ, часто затуманиваютъ взоръ лучшихъ изъ людей и мѣшаютъ ихъ ясности зрѣнія и пониманія. Можетъ быть, и Господь въ просвѣтленномъ тѣлѣ человѣческомъ былъ узнаваемъ только тогда, когда человѣкъ подымалъ душу свою къ Нему, отрывая ее отъ земли. Марія Магдалина, погруженная въ свое горе, не узнаетъ Господа, доколѣ голосъ Его не выводитъ ее изъ оцѣпененія. Душа ея сначала узнаетъ Господа, тогда и очи ея открываются. Ученики, шедшіе въ Эммаусъ, думали о Господѣ, какъ объ умершемъ, не возвышаясь до мысли о воскресеніи Его и очи ихъ были удержаны; но въ преломленіи хлѣба душа ихъ узнала Господа, и тогда очи ихъ открылись“ ⁴⁾.

1) Это чтеніе согласно съ Синайскимъ и Кембрижскимъ кодексамъ. Тишендорфъ на основаніи кодексовъ: Александрійскаго, Ватиканскаго и Ефремова читаетъ γενομένης.

2) Лахманъ и Тишендорфъ на основаніи кодексовъ: Синайскаго, Александрійскаго и Кембрижскаго вмѣсто εἰς читаютъ ἐκί.

3) Зигабенъ, толк. ев. отъ Іоанна, стр. 303.

4) Опытъ изученія евангелія св. Іоанна Богослова г. Властова, т. 2-й стр. 268—269. С.-Петербургъ 1887.

Ставши на берегу, Господь спрашиваетъ учениковъ: *δύτι* *εδα, что съѣдено имате*—*παῖδια* ¹⁾ *μή τι* ²⁾ *προσφάγιον* ³⁾ *ἔχετε.* Господь называетъ учениковъ словомъ—*παῖδια*, а не *τέχνα*, какъ въ XIII гл. 51 ст., чтобы сейчасъ же не обнаружить Себя *Τέχνα*—выраженіе отеческой любви, *παῖδια*, напротивъ, выражаетъ только дружбу выспаго съ подчиненнымъ. Евфимій Зигабенъ думаетъ, что слово *παῖδια*, обыкновенно, употреблялось для названія работниковъ. „Дѣтьми (*παῖδια*), пишетъ онъ, назвалъ (Господь) учениковъ, воспользовавшись обыкновеннымъ названіемъ работниковъ, и назвалъ такъ потому, что они теперь находились въ цвѣтѣ лѣтъ и были полны силъ для предстоящихъ имъ трудовъ“ ⁴⁾. Своимъ вопросомъ Господь обнаруживаетъ Себя предъ учениками купцомъ или путешественникомъ, которому нужно было купить рыбы. Господь, конечно, зналъ, что апостолы ничего не поймали, но Онъ не говоритъ имъ объ этомъ, чтобы не обнаружить себя. На вопросъ Господа ученики отвѣчаютъ очень кратко: *ни*, говорятъ они. Нѣкоторые думаютъ, что въ этомъ отвѣтѣ выражается досада и неудовольствіе на незнакомаго человѣка, но мы не находимъ этого. Ученики въ это время были утомлены и опечалены безуспѣшною ловлею и потому имъ было не до разговоровъ съ незнакомымъ человѣкомъ.

Узнавъ о томъ, что ученики не имѣютъ ничего съѣстного, Господь говоритъ имъ: *вверзите мрежу одесную страну корабля и обрящете.* Правая сторона всегда считалась счастливѣе лѣвой. Мы видимъ изъ книги Бытія (XLVIII гл.), что тотъ, кто поставленъ на правой сторонѣ, больше благословленъ, чѣмъ стоящій на лѣвой. Господь велѣлъ закинуть сѣть именно

1) Это слово встрѣчается еще въ 1-мъ посланіи Іоанна Богослова, см. II, 13. 18.

2) Этой частицы нѣтъ въ Синайскомъ кодексѣ.

3) *Προσφάγιον* означаетъ вообще съѣстное; въ II. Замѣтъ употребляется только здѣсь, въ другихъ мѣстахъ употребляется для обозначенія кушанья слово *σφάγιον* (XXI гл.; 9. 10. 13; VI, 9. 11). Хотя оба слова употребляются для обозначенія кушанья изъ рыбы, тѣмъ не менѣе между ними есть нѣкоторое различіе. *Προσφάγιον* означаетъ вообще то, что ѣдятъ съ хлѣбомъ; *σφάγιον* же означаетъ приготовленную на огнѣ закуску. Въ данномъ случаѣ *προσφάγιον* было самымъ приличнымъ словомъ, какъ хакъ у учениковъ въ такое раннее время можно было найти только свѣжую рыбу, а не жаренную.

4) Зигабенъ. Толков. ев. отъ Іоанна стр. 304.

съ правой стороны для того, чтобы ловля не показалась случайною. какъ замѣчаетъ Евѳимій Зигабенъ. Ученики быстро исполнили повелѣнiе незнакомца. *Ввергоша же, пишеть евангелистъ, и ктому не можаху—ἰσχυραὶ¹⁾ привлеци ея отъ множества рыбъ.* Повиновенiе апостоловъ Евѳимій Зигабенъ объясняетъ тѣмъ, что ученики сочли Иисуса Христа за опытнаго рыболова, который хорошо зналъ, въ какомъ мѣстѣ находится рыба²⁾. Вѣроятно, и въ тонѣ голоса, съ какимъ Господь сказалъ Свое повелѣнiе, слышалась твердая увѣренность на обильный ловъ рыбы, такъ что ученики ободрились и стали надѣяться на исполненiе Его словъ. Къ своему удивленiю, ученики захватили въ сѣть множество рыбъ, такъ что не могли притянуть ея къ лодкѣ. Такой обильный уловъ рыбы вужно объяснять чудесною силою Иисуса Христа. По Его повелѣнiю рыба собралась по правую сторону лодки апостоловъ и попалась въ сѣть ихъ.

Экзегеты полагаютъ, что повѣствованiе ев. Иоанна о ловлѣ рыбъ исполнено глубокаго смысла. Блаж. Августинъ, напри- мѣръ, думаетъ, что эта ловля указываетъ на будущую судьбу церкви. Вотъ какъ овъ изъясняетъ сказанiе о чудесной ловлѣ рыбъ: *„Вверзните мрежу одесную страну корабля и обрящете. Ввергоша же и ктому не можаху привлеци ея отъ множества рыбъ.* (Иоан. XXI, 6). Здѣсь Господь означаетъ, какова будетъ Церковь въ концѣ вѣка, такъ какъ при другой ловлѣ (Лук. V гл.) означалъ, какова Церковь нынѣ. Первое чудо сотворилъ Онъ въ началѣ Своей проповѣди, а это послѣ Своего воскресенiя, показуя тѣмъ, что первая ловля рыбъ означаетъ добрыхъ и злыхъ, какихъ нынѣ имѣетъ Церковь, а эта—только добрыхъ, какихъ будетъ имѣть вѣчно, когда въ концѣ сего вѣка исполнится воскресенiе мертвыхъ. Тамъ Христось, когда повелѣвалъ ловлю рыбъ, не стоялъ на берегу, когда здѣсь, а взошедъ на одинъ корабль, который принадлежалъ Симону, просилъ его (Симона) отступитъ мало отъ земли, и, сидя на кораблѣ, училъ народъ; когда же пересталъ говорить, сказалъ Симону: *посту-*

¹⁾ Въ Синайскомъ, Ватиканскомъ, Ефремовомъ и Кэмбриджскомъ кодексахъ стоитъ ἰσχυραὶ.

²⁾ Зигабенъ, голгов. св. отъ Иоанна, стр. 304.

ни во глубину, и вверзите мрежи ваша въ ловитву. Притомъ всѣ пойманныя рыбы тамъ были въ корабляхъ, а здѣсь мрежа извлечена на землю. Сими и другими, какіе можно здѣсь найти, признаками, изображена Церковь—въ первомъ случаѣ, какова она въ настоящемъ вѣкѣ, а въ другомъ—какова въ концѣ вѣка: потому первое чудо совершено прежде, а второе послѣ воскресенія Господня; тамъ Христосъ изобразилъ насъ званыхъ, а здѣсь воскресшихъ. Тамъ сѣти опускаются не по одну правую сторону, чтобы не означили однихъ добрыхъ, ни по одну лѣвую, чтобы не означили однихъ злыхъ, а безразлично: *вверзите, говоритъ, мрежи ваша въ ловитву*, дабы мы разумѣли вообще—и добрыхъ и злыхъ, но здѣсь говоритъ: *вверзите мрежу одесную страну корабля*, дабы означить тѣхъ, кои стоятъ одесную, т. е. добрыхъ. Тамъ сѣть для означенія расколовъ проторгалась; а здѣсь, такъ какъ по воскресеніи въ ссвершенномъ мірѣ святыхъ никакихъ расколовъ не будетъ, прилично было сказать евангелисту: *и толико сущимъ не проторжеса мрежа*. Тамъ поймано такое множество рыбъ, что наполненные ими два корабля погружались, т. е. склонялись къ потопленію: они хотя не погрузились, но бѣдствовали. Подобно сему, не оттого-ли происходятъ въ Церкви толикія бѣдствія, нами оплакиваемая, что нельзя воспрепятствовать такому множеству людей, кои съ своими нравами, совершенно удаленными отъ пути святыхъ, входятъ къ намъ, угрожая потопленіемъ (церковному) благочинію?—Но здѣсь ввергли сѣть по правую сторону, *и ктому не можаху привлеци ея отъ множества рыбъ*. Что значитъ—*ктому не можаху привлеци ея*, какъ не то, что принадлежащіе къ воскресенію живота, то есть, къ десной странѣ, и внутрь мрежи христіанскаго имени скончавающіеся, явятся только на берегу, т. е. въ концѣ вѣка по воскресеніи?¹⁾ Это толкованіе Августина заслуживаетъ вниманія, но не исключаетъ другихъ объясненій. По этому приведемъ и другія мнѣнія по этому вопросу. Кальвинъ думаетъ, что черезъ неудачный ловъ рыбы ярче выставялось для учениковъ превосходство Іисуса Христа, по благословенію Котораго было поймано затѣмъ множество рыбы²⁾. Это мнѣніе не

¹⁾ Барсовъ, сборникъ на четвероев. т. 2-й, стр. 549—550.

²⁾ Auferstehungsgeschichte von Nebe, s. 269.

заслуживаетъ такого вниманія, какъ мнѣніе Августина. Превосходство Господа ярко обнаружилось въ воскресеніи Его, такъ что не было никакой необходимости выставлять его. Геягстенбергъ, Годе и др. полагаютъ ¹⁾, что безуспѣшный ловъ рыбы указывалъ ученикамъ на ихъ бесплодную миссію среди іудеевъ. Но и это мнѣніе нельзя считать вполне правильнымъ. Какъ извѣстно, проповѣдь апостоловъ среди іудеевъ была безуспѣшна, на примѣръ въ день Пятидесятницы обратилось ко Христу 3000 іудеевъ (Дѣян. II, 41). Много іудеевъ обратилось ко Христу въ Самаріи и другихъ городахъ (Дѣян. VIII гл.) Вполнѣ можно согласиться только съ тѣми, которые думаютъ, что безуспѣшный ловъ рыбы учениками указываетъ на бесплодность всякой работы безъ благословенія Божія.

Видя обильный уловъ рыбы, ев. Іоаннъ догадался, что на берегу стоитъ Самъ Господь. *Глагола же, пишетъ евангелистъ, ученикъ той, его же любяще Исусъ, Петрови: Господь есть.* Спрашивается, почему Іоаннъ догадался, что незнакомый человекъ, стоящій на берегу, есть Господь? Одни (Neander) думаютъ, что Іоаннъ узналъ Исуса Христа по голосу, другіе (Lange) причину этого видятъ во вѣшнемъ видѣ Исуса Христа. Но въ такомъ случаѣ странно, почему другіе ученики не узнали Господа. Іоаннъ, притомъ, узналъ Господа уже послѣ того, какъ въ сѣть попало множество рыбы. Очевидно, послѣднее обстоятельство было поводомъ къ образованію его догадки. Іоаннъ зналъ, что такой обильный уловъ рыбы можетъ подать только одинъ Господь. Іоанну, быть можетъ, живо припомнился тотъ случай, когда онъ и его товарищи также всю ночь безуспѣшно ловили рыбу, но утромъ, по слову Господа, поймали множество рыбъ (Лук. V, 1—14). Причиною того, что Іоаннъ узналъ Господа ранѣе другихъ учениковъ, служила его горячая любовь къ своему Учителю. Другіе ученики всецѣло предалися рыбной ловлѣ, а Іоаннъ въ это время не переставалъ думать о своемъ любимомъ Учителѣ и Господѣ, который обѣщалъ явиться имъ въ Галилеѣ.—Свою увѣренность въ томъ, что незнакомый человекъ есть Господь, Іоаннъ со-

¹⁾ Das Evang. des Iohan. erläutert von Hengst. т. 3, стр. 330. Comment. zum Evang. Iohan. von Godet, s. 530.

общилъ прежде всего Петру. Очевидно, что Іоаннъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Петромъ. Послѣдній немедленно поспѣшилъ къ Господу. *Симонъ же Петръ*, пишетъ евангелистъ, *слышавъ, яко Господь есть, епендитомъ препоясая, бѣ бо нагъ: и ввержесе въ море*. Изъ этихъ дѣйствій Петра и Іоанна ясно обнаруживается характеръ того и другого. Еще Златоустъ обратилъ на это вниманіе. „Когда они узнали Его, пишетъ онъ, то ученики Петръ и Іоаннъ опять обнаруживаютъ особенности своихъ характеровъ. Тотъ былъ пламеннѣе, а этотъ возвышеннѣе; тотъ стремительнѣе, а этотъ провидательнѣе. Поэтому Іоаннъ первый узналъ Іисуса, а Петръ первый пошелъ къ Нему“ ¹⁾. Съ Златоустомъ согласны Теофилактъ и Евѣмій Зигабень. У Іоанна чувствованія были нѣжнѣе, душа воспримчивѣе; поэтому онъ первый сердцемъ почувствовалъ, что на берегу стоитъ Господь. Между тѣмъ, Петръ былъ рѣшительнѣе его въ дѣйствіяхъ, хотя любовь его была не глубже любви Іоанна. У Іоанна было болѣе спокойствія, онъ не бросается въ море, потому что Господь не требуетъ этого; онъ зналъ, что черезъ нѣсколько минутъ приблизится къ Господу и будетъ наслаждаться лицезрѣніемъ Его. Петръ же, узнавъ, что на берегу стоитъ Господь, былъ не въ состояніи медлить; онъ считалъ бы себя измѣнникомъ Господу, если-бы не тотчасъ поспѣшилъ къ Нему.

Передъ тѣмъ, какъ броситься въ море, Петръ *епендитомъ препоясая, бѣ бо нагъ*. Блаж. Теофилактъ даетъ слѣдующее описаніе этой одежды: „эпендита есть одежда изъ льняного полотна, какою опоясываются финикійскіе и сирійскіе рыбаки, или по вагому тѣлу, или поверхъ одежды, просто сказать, какъ живописцы изображаютъ апостоловъ, опоясанными поверхъ одежды“ ²⁾. Болѣе точное описаніе этой одежды находимъ у Евфімія Зигабена. „Эпендитомъ, говоритъ онъ, называлась льняная одежда безъ рукавовъ, покрывающая тѣло до колѣнъ. Она, обыкновенно, употреблялась рыбаками ради удобства и приличія“ ³⁾. Такимъ образомъ, подъ епендитомъ нужно разумѣть

¹⁾ Златоустъ, толков. ев. на Іоанна, стр. 709.

²⁾ Теофилактъ. Благовѣстникъ. ч. 4-я, стр. 477.

³⁾ Зигабень, толков. ев. отъ Іоанна стр. 305.

рыбачій китель, или блузу, доходящую до колѣнъ. Съ этимъ согласно большинство экзегетовъ, напр. Мейеръ, Годе, Лютардтъ, Гентстевбергъ, Кейль, Небе ¹⁾ и др. Этою одеждою Петръ опоясался. Спрашивается, какъ нужно понимать это дѣйствіе Петра. Многіе экзегеты думаютъ, что Петръ набросилъ на себя эту одежду, прежде же этого онъ былъ совершенно нагимъ. Но невозможно допустить, чтобы Петръ былъ настолько лишенъ стыда, чтобы быть предъ своими товарищами совершенно обнаженнымъ. Нужно допустить ту мысль, что Петръ и ранѣе имѣлъ на себѣ эпендитъ: нагимъ (γυμνός) часто называли у евреевъ и такого человѣка, который имѣлъ только нѣкоторыя части своего тѣла обнаженными, или того, который имѣлъ только нижнее платье, или хитонъ (Іов. XXIV, 7, 10; 1 Цар. XIX, 24; Ис. XX, 2). Можно поэтому думать, что Петръ во время работы имѣлъ эпендитъ распоясаннымъ, такъ что не только руки и ноги доколѣнъ, но и грудь его была обнажена. Услыхавъ же, что на берегу стоитъ Господь, Петръ подпоясалъ эпендитъ. Это мнѣніе высказано было еще Еввимиемъ Зигабеномъ. „Петръ былъ нагъ, пишетъ онъ, т. е. не имѣлъ на себѣ никакой другой одежды, а только одинъ эпендитъ и то не подпоясанный, быть же совершенно нагимъ было ужъ совсѣмъ неприлично. Теперь онъ, подпоясавшись, выразилъ свое почтеніе къ Иисусу Христу ²⁾).

Когда Петръ поплылъ къ берегу, на которомъ стоялъ Иисусъ Христосъ, другіе ученики оставались въ лодкѣ и тянули сѣть съ рыбою. Они приплыли къ берегу спустя нѣсколько времени. *Друзиѣ ученицы, пишетъ евангелистъ, кораблемъ—τῷ πλατάρῳ—придоша, не бѣша бо далече отъ земли, но яко двѣ стѣ локтей,—влекуще мрежу рыбъ.* Іоаннъ называетъ здѣсь уменьшительнымъ именемъ тотъ корабль (πλατῶν)—ст. 3), на которомъ находились ученики. Очевидно, что у учениковъ была небольшая парусная рыбачья лодка. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что они плыли на большомъ морскомъ

¹⁾ Comment. ub. das N. Test. von Meyer, ч. 2-я стр 280; Commentar. zum Ev. Ioh. von Godet, стр. 581; Das Iohan. Evang. erklärt von Luthardt, ч. 2, стр. 534; Comn. uber Ev. Iohan. von Keil, s. 583.

²⁾ Зигабенъ,—толков. ев. отъ Іоанна, стр. 305.

суднѣ, которое обыкновенно называется у насъ кораблемъ. Имущественное состояніе учениковъ было, какъ извѣстно, небольшое, такъ что они не могли построить большого судна. Да и не было никакой необходимости строить большое судно: для рыбной ловли на морѣ (точнѣе—озерѣ) Тиверіадскомъ достаточно было парусной лодки.—Ученики тащили съѣсть съ рыбой двѣсти локтей, т. е. по нашей мѣрѣ около 300 футовъ, или 43 саженей. Спрашивается, кто болѣе достоинъ похвалы, Петръ, бросившійся въ воду, чтобы скорѣе прійти къ Іисусу Христу, или другіе ученики, оставшіеся оканчивать рыбную ловлю. На этотъ вопросъ нужно сказать, что Петръ и другіе ученики поступили правильно. Петръ поступилъ хорошо, что бросился въ воду, такъ какъ это дѣйствіе соответствовало его темпераменту, данной ему отъ Бога индивидуальной способности. И другіе ученики поступили правильно, оставшись въ лодкѣ. Они любили Іисуса Христа не менѣе, чѣмъ Петръ, и также сильно желали видѣть Его; но такъ какъ они не обладали такимъ рѣшительнымъ характеромъ, какъ Петръ, то должны были остаться въ лодкѣ и терпѣливо ожидать того момента, когда они приблизятся къ берегу. Кромѣ того, они справедливо полагали, что нужно докончить ловлю рыбъ. Ученики получили богатый уловъ рыбы, вслѣдствіе благословенія Божія, онъ былъ для нихъ небеснымъ даромъ. Неужели же они должны были пренебречь этимъ Божиимъ даромъ? Мы думаемъ, что Спаситель не похвалилъ бы ихъ за ревностное стремленіе къ Нему не по разуму.

Новое чудо ожидало учениковъ, когда они вышли на берегъ. *Едва убо излъзоша на землю, видѣша огнь ¹⁾ лежащъ и рыбу на немъ лежащу, и хлѣбъ.* На вопросъ, сколько находилось здѣсь рыбъ, экзегеты даютъ разные отвѣты. Одни (де-Ветте, Мейеръ, Лютардтъ) думаютъ, что здѣсь находилось нѣсколько рыбъ, такъ какъ Іисусъ Христосъ, по ихъ мнѣнію, не могъ напитать одною рыбою семь учениковъ ²⁾. Но это основаніе ихъ

¹⁾ Точнѣе—горячіе уголья, какъ это видно изъ греческаго слова *ἀνθρακιά*.

²⁾ *Kurze Erklärung des Evangeliums Iohannis von de Wette*, стр. 219. Leipzig. 1846. *Comment. ab. N. Test. von Meyer*, ч. 2, стр. 292; *Das Iohan. Ev. erklärt von Luthardt*, ч. 2, 535.

очень шаткое. Напитавшій 5 тысячъ человекъ пятыю хлѣбами и двумя рыбами не могъ-ли напитать семь учениковъ одною рыбою и хлѣбомъ? Въ виду этого болѣе правильно мнѣніе другихъ (Герарда, Кюнѣля, Года), которые думаютъ, что здѣсь находилась только одна рыба. Они не безъ основанія ссылаются на 13 ст. этой главы, гдѣ слово — ὀψάριον — (рыба) поставлено съ членомъ τὸ, изъ чего ясно вытекаетъ, что здѣсь былъ только одинъ экземпляръ рыбы. Появленіе этой рыбы ученики должны были счесть за чудо: они знали, что утромъ не кому было разводить огонь и жарить рыбу. Но рационалисты стараются объяснить это чудо естественнымъ образомъ. Они думаютъ, что Іисусъ Христосъ послѣ того, какъ приказалъ ученикамъ опять закинуть сѣть, или самъ успѣлъ поймать рыбку и зажарить ее (Кюнѣль) или сдѣлалъ это чрезъ чужія руки (Мейеръ), можетъ быть черезъ Петра, который, зная окрестности Тиверіадскаго моря, легко могъ достать самое необходимое къ завтраку (Вейссъ). Это мнѣніе неправильно. Іисусъ Христосъ не имѣлъ никакой нужды прибѣгать къ помощи другихъ. Онъ, какъ всемогущій, могъ изъ ничего приготовить кушанье. „Все это, пишетъ Евѣимій Зигабенъ, Іисусъ Христосъ создалъ изъ ничего, чтобы показать ученикамъ свое могущество и, представляя имъ возможность подкрѣпить свои силы послѣ трудовъ, высказать свою любвеобильную заботу о нихъ“¹⁾. Іисусъ Христосъ приготовилъ для учениковъ самую простую пищу. На востокѣ до сихъ поръ ведется обычай готовить въ дорогѣ на огнѣ свѣжій хлѣбъ и рыбу. Хотя то и другое при печеньѣ загораетъ и рыба теряетъ часть своего жира, но вкусъ этого кушанья бываетъ приятенъ.

Прежде чѣмъ пригласить учениковъ къ обѣду, Іисусъ Христосъ говоритъ имъ: *принесите отъ рыбъ, яже ясте нынѣ*. По мнѣнію Евѣимія Зигабена, это сдѣлано Іисусомъ Христомъ для того, „чтобы самое дѣло—обильный уловъ рыбы—не показалось какимъ-либо призракомъ“²⁾. Но развѣ ученики сомнѣвались въ своемъ дѣлѣ? Развѣ они не видѣли рыбъ и не испы-

¹⁾ Зигабенъ, толков. ев. отъ Іоанна, стр. 305.

²⁾ Зигабенъ, толков. ев. отъ Іоанна стр. 306.

тывали тяжести отъ сѣти, которую они тащили? Въ виду этого другіе экзегеты несогласны съ Евф. Зигабеномъ. Weiss думаетъ, что повелѣніе Иисуса Христа принести часть пойманной рыбы—обусловливалось необходимостью: для напitanія учениковъ будто бы недостаточно было находящейся на угольяхъ рыбы ¹⁾. Противъ этого нужно сказать, что Иисусъ питаетъ учениковъ, по сказанію евангелиста (ст. 13), только тою пищею, которая находилась на берегу до прибытія апостоловъ. Такимъ образомъ, не было никакой нужды въ пойманной апостолами рыбѣ. По мнѣнію Бенгеля, ученики должны были сдѣлать сравненіе между пойманной ими рыбой и рыбой, лежащей на огнѣ, чтобы послѣдняя не казалась призракомъ ²⁾. Съ этимъ тоже трудно согласиться. Ученики, какъ извѣстно, ѣли рыбу, предложенную Господомъ и, слѣдовательно, могли убѣдиться, что она не призрачный предметъ. Поэтому основательнѣе полагать, что Господь черезъ это хотѣлъ благословить добрыя усилія апостоловъ и съ благоволеніемъ принять приношенія отъ трудовъ ихъ. И та рыба, которая была на огнѣ, и та, которая находилась въ сѣти, составляла собственность Господа и даръ Его благодати. Но Господь желаетъ принять отъ учениковъ дары, которые самъ далъ, чтобы дать имъ возможность высказать Ему благодарность и наградить ихъ за тѣ чувства, съ какими они привесли ихъ.

Ученики быстро исполнили повелѣніе Господа. *Влѣзъ же Симонъ Петръ*, говоритъ евангелистъ, *и извлече мрежу на землю, полну великихъ рыбъ сто и пятьдесятъ и три—ἀνέβη* ³⁾, *Σίμων* ⁴⁾ *Πέτρος καὶ εἰλκυσε τὸ δίκτυον ἐπὶ τῆς γῆς* ⁵⁾, *μεστοῦ ἰχθύων μεγάλων ἑκατὸν πεντήκοντα τριῶν*. Сообразно своему темпераменту, Петръ первый поспѣшилъ исполнить повелѣніе Господа, онъ первымъ влѣзъ въ лодку и началъ вытаскивать сѣть изъ воды. Хотя евангелистъ ничего не говоритъ объ участіи

¹⁾ См. Comment. ub. ev. Ioh. von. Keil, s. 585.

²⁾ Gnomon. Novi Testamenti, стр. 492.

³⁾ Въ Синайскомъ кодексѣ стоитъ—ἀπέβη.

⁴⁾ Тишендорфъ на основаніи Синайскаго, Ватиканскаго и Ефремова кодексовъ передъ этимъ словомъ вставлялъ частицу οὐν.

⁵⁾ Въ кодексахъ Синайскомъ, Александрійскомъ, Ватиканскомъ и Ефремовомъ стоитъ εἰς τὴν γῆν.

въ этомъ дѣлѣ прочихъ учениковъ, тѣмъ не менѣе нужно думать, что послѣдніе помогали Петру, такъ какъ повелѣніе принести рыбъ было сказано Іисусомъ Христомъ не одному Петру, но всѣмъ апостоламъ и, притомъ, одинъ Петръ не въ силахъ былъ вытащить сѣти изъ воды. Если ранѣе эту сѣть тащило 6 человѣкъ, то какъ же могъ одинъ Петръ вытащить ее на берегъ? Ясно, что всѣ апостолы вытаскивали сѣть изъ воды. Послѣ этого они пересчитали пойманныхъ ими рыбъ; оказалось, что они поймали 153 большихъ рыбы. Это число рыбъ издавна обращало на себя вниманіе экзегетовъ; они старались найти въ этомъ символическій смыслъ. Приведемъ нѣкоторыя мнѣнія относительно этого.

Блаженный Теофилактъ объясняетъ число 153, слѣдующимъ образомъ: „Когда возсіяло утро солнца правды и распростерта сѣть апостольская, ученіе по истинѣ правое въ сравненіи съ которымъ законъ и пророки представляются лѣвою стороною, тогда неводъ вытаскивается, и ко Христу приводятся не одни язычники, которыхъ можно назвать *стою*, но и израильтяне, которыхъ можно назвать *пятьюдесятью*. Ибо, когда войдетъ полнота язычниковъ, тогда и Израиль спасется (Рим. XI, 25. 26). Три (рыбы) означаютъ вѣру въ святую Троицу. Ибо сто и пятьдесятъ, т. е. язычники и іудеи пойманы не безъ трехъ, такъ какъ безъ вѣры въ Троицу никто не называется уловленнымъ“ ¹⁾. Съ этимъ объясненіемъ согласенъ и Евфимій Зигабенъ. Оно, нужно сказать, лучше изъ всѣхъ символическихъ объясненій числа 153-хъ. Блаж. Іеронимъ думаетъ, что число 153 означаетъ число всѣхъ породъ рыбъ, причемъ онъ ссылается на Киликійскаго поэта Опсіана, по которому будто-бы число всѣхъ породъ рыбъ простирается до 153-хъ. Противъ этого ²⁾ взгляда, защищаемаго въ наше время Кöstlin'омъ и Hilgenfeld'омъ ³⁾, уже Лампре замѣтилъ, что Опсіанъ этого числа не показывалъ. Въ древности породы рыбъ обозначались не этимъ числомъ. Такъ Плиній, обладавшій по своему времени большими познаниями, говоритъ, что существуетъ 174

¹⁾ Теофилактъ, — Благовѣстникъ, ч. 4, стр. 479.

²⁾ Keil—Commentar ub. s. Ev. Ioh. s. 586.

³⁾ Theol. Jahrbücher 1851, 195. Ibid, 1868, 446.

рода рыбъ ¹⁾. Блаж. Августинъ находилъ слѣдующій символическій смыслъ въ числѣ 153: десять есть число закона, семь—число даровъ Духа Святого, безъ благодати котораго законъ не благодѣлываетъ, а убиваетъ. Животворить число $10+7=17$. Но сумма ряда цифръ отъ одного до семнадцати составитъ именно 153, такъ что эта цифра есть символъ всѣхъ тѣхъ, которые сподобились спасенія ²⁾. Эту мысль развиваетъ далѣе св. Григорій Двоесловъ. По его мнѣнью, ветхозавѣтная жизнь управлялась десятью заповѣдями; новозавѣтная жизнь управляется семью дарами Духа Святого, поэтому вся жизнь и дѣятельность людей управляется числами $10+7=17$. Но освящается эта дѣятельность вѣрою въ Святую Троицу; 17 умноженное на 3, составляетъ цифру 51, которая представляетъ собою покой юбилейнаго года (Лев. XXV, 8—12), достигаемый еще въ настоящей жизни душами преданными Богу. Умножая же число 51 еще на 3, на число Св. Троицы, мы получаемъ число 153, выражающее собою неизмѣримую и извѣстную только Богу сумму душъ, достигшихъ и имѣющихъ достигнуть вѣчнаго блаженства ³⁾. Нельзя не замѣтить, что мнѣнїя Августина и Григорія Двоеслова слишкомъ произвольны. Также несостоятельно мнѣнїе тѣхъ, которые думаютъ, что число рыбъ, пойманныхъ апостолами, указываетъ на имя Петра. Такъ, Dr Egli число 153 находитъ въ словахъ Schimeon Tohanna, Фолькмаръ въ словахъ Schimeon (71), bar (22) Iona (31) Kerpa (29), Кеймъ—въ словахъ—Schimeon (71) Iochanna (53), Kerpa (29). Спрашивается, почему число 153 нужно относить къ Петру? Для того-ли, чтобы видѣть въ Петрѣ ловца человѣковъ κατ' ἐξουχίαν? Но, какъ извѣстно, Петръ не былъ такимъ. Онъ былъ равенъ другимъ апостоламъ. Поэтому трудно согласиться, что число 153 указываетъ на имя Петра.

Не смотря на то, что апостолы поймали множество рыбы,

¹⁾ Peracta aquatiliū dote, non alienum videtur indicare per tot maria, tam vasta et tot millibus passuum terrae infusa, extraque circumdata mensura paene ipsius mundi, quae intelligentur animalia centum septuaginta quatuor omnino generum esse eaque nominatim complecti, hist an. 32, 53. См. Nebe Auferst 287 стр.

²⁾ Властовъ, опытъ изученія ев. св. I. Богослова стр. 274—275.

³⁾ Вѣсѣды на евангелїя, ч. 2, стр. 40.

неводъ ихъ не разорвался. *И только суцимъ* (рыбамъ), пишетъ евангелистъ, *не проторжесе мрежа*. При первой чудесной ловлѣ рыбъ, которая произошла передъ призваніемъ Петра (Лук. V, 6), неводъ послѣдняго отъ обилія пойманной рыбы прорывался. Теперь же неводъ остался цѣлымъ. Толковники не безъ основанія видятъ въ этомъ новое чудо. По мнѣнію Евфимія Зигабена, „не проторжесе мрежа не потому, что она была крѣпка, но потому, что Господь такъ устроилъ“ ¹⁾.

Послѣ того, какъ апостолы перечислили рыбъ, Иисусъ Христосъ говоритъ имъ: *приидите обѣдуйте* ²⁾ *δεῦτε, ἀριστήσατε*. Ученики молча пошли къ тому мѣсту, гдѣ была приготовлена чудесная пища. Они не осмѣливались разговаривать съ Господомъ: *ни единъ же смѣяше отъ ученикъ истязати—ἐξετάσαι—его, ты кто еси, вѣдаяще, яко Господь есть*. Въ присутствіи Иисуса Христа апостолы испытывали святой страхъ, такъ какъ теперь они знали, что Онъ—Господь. Это было вполнѣ естественно. Если ангелы и архангелы испытываютъ трепеть, созерцая величіе Бога, то тѣмъ болѣе люди, хотя бы и святые, должны со страхомъ и трепетомъ созерцать величіе Божіе. Изъ благоговѣйнаго трепета апостолы не могли спросить Иисуса Христа, кто—Онъ. „Видя измѣнившееся лице, исполненное необычайнаго величія, пишетъ Златоустъ, апостолы были очень изумлены и хотѣли бы что нибудь спросить объ этомъ, но страхъ и сознаніе, что это былъ не другой кто, а именно—Онъ, удерживали ихъ отъ вопроса“ ³⁾. Испытывая священный страхъ, апостолы не рѣшались сами приступать къ пищѣ. Тогда Иисусъ Христосъ Самъ роздалъ имъ пищу. *Прииде же, повѣствуетъ Іоаннъ, и пріятъ хлѣбъ и даде имъ и рыбу такожде*. Нѣкоторые экзегеты находятъ страннымъ, почему евангелистъ ничего не сообщаетъ здѣсь о молитвѣ передъ принятіемъ пищи. Златоустъ, Теофилактъ и Евѣмій Зигабенъ думаютъ, что Иисусу Христу, какъ Воскресшему, неприлично было дѣлать ничего человѣческаго. „Теперь, пишетъ Зигабенъ,

1) Зигабенъ, толков. ев. отъ Іоанна, стр. 306.

2) Точнѣе: идите завтракать, такъ какъ слово τὸ ἀριστον означало у грековъ завтракъ. Нот. од. 16, 2: ἐν τούτου τοῦ ἀριστον ἀμ. ἡοῖ.

3) Златоустъ, 87 бес. на ев. отъ Іоанна, стр. 710.

Иисусъ Христосъ уже не взираетъ на небо и не дѣлаетъ ничего другого, что Онъ дѣлалъ прежде, при подобныхъ случаяхъ, какъ человекъ, показывая ученикамъ, что и все находящееся передъ ихъ глазами, Онъ Самъ устроилъ съ особою премудрою цѣлю¹⁾. Ученики, вѣроятно, раздѣляли пищу вмѣстѣ съ Иисусомъ Христомъ. Хотя нѣкоторые экзегеты (Бенгель, Генгстенбергъ, Кейль) утверждаютъ²⁾, что ѣли одни только апостолы, такъ какъ Иисусъ Христосъ не нуждался теперь въ пищѣ, тѣмъ не менѣе изъ вопроса Иисуса Христа: *дѣти, еда что снѣдно имате*, ясно видно, что Онъ Самъ вамѣревался вкусить пищи. Конечно, Иисусъ Христосъ по Своемъ воскресеніи не нуждался въ пищѣ, однако, для увѣренія учениковъ въ дѣйствительности своего воскресенія и утѣшенія ихъ, Онъ неоднократно раздѣлялъ съ ними трапезу. Не говорилъ-ли ап. Петръ, что они, апостолы, ѣли и пили съ Иисусомъ Христомъ по воскресеніи Его изъ мертвыхъ? (Дѣян. X. 41). Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что Господь въ данномъ случаѣ ѣлъ рыбу и хлѣбъ вмѣстѣ съ учениками.

Къ повѣствованію о ловлѣ рыбъ евангелистъ Іоаннъ присоединяетъ: *се уже третіе явися Иисусъ ученикамъ своимъ воставъ отъ мертвыхъ*—тоѣто³⁾ ἤδη τρίτον ἐφανερώθη ὁ Ἰησοῦς τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ⁴⁾ ἐγερθεὶς ἐκ νεκρῶν. Явленіе на морѣ Тиверіадскомъ Іоаннъ считаетъ третьимъ, между тѣмъ, по общепринятому счету, оно было седьмымъ⁵⁾. Отрицательная критика находитъ въ этомъ непримиримое противорѣчіе другимъ сказаніямъ евангелій. Но мы не найдемъ никакого противорѣчія, если обратимъ вниманіе на то, что Іоаннъ считаетъ только тѣ явленія, которыя происходили передъ собраніемъ учениковъ, на

1) Зигабенъ, толк. ев. отъ Іоанна, стр. 306.

2) Gnomon Novi Testamenti, стр. 492. Das Evangelium des heil. Iohannes erläutert von Hengstenberg, т. 3, стр. 341; Commentar ub. ev. Iohan. Keil, s. 586.

3) Въ Синайскомъ кодексѣ послѣ этого слова стоитъ δέ.

4) Въ кодексахъ; Синайскомъ, Александрійскомъ, Ватиканскомъ и Ефремовомъ слова αὐτοῦ нѣтъ.

5) Вотъ порядокъ явленій Христа: 1) явленіе Маріи Магдалинѣ, 2) женамъ мироносицамъ, 3) эммаусскимъ ученикамъ, 4) Петру, 5) ученикамъ вечеромъ 1-го дня, 6) ученикамъ спустя 8 дней въ Іерусалимѣ, 7) на морѣ Тиверіадскомъ, 8) ученикамъ на горѣ Галилейской, 9) Іакову брату Господню и 10) явленіе на горѣ Елеонской; закончившееся возпесеніемъ.

что указываютъ слова его: *явился ученикомъ своимъ* (Іоан. XXI 14), а такихъ явленій ранѣе было только два и, такимъ образомъ, Галилейское является третьимъ. Если бы Іоаннъ принималъ во вниманіе всѣ явленія, то онъ не могъ-бы сказать, что Галилейское явленіе было третьимъ, такъ какъ онъ самъ ранѣе сказалъ уже о трехъ явленіяхъ (Іоан. XX, 14—17; XX, 19—23; XX, 26—29). Такъ объясняютъ это замѣчаніе всѣ лучшіе экзегеты, напр. Евѣимій Зигабенъ: „Въ первый разъ, пишетъ онъ, Іисусъ Христосъ явился вечеромъ въ тотъ же день, въ который воскресъ (Іоан. XX, 19), во второй черезъ восемь дней послѣ того (Іоан. XX, 26), а въ третій разъ теперь... Являлся Іисусъ Христосъ и женамъ, которыя были какъ-бы ученицами Его, и двумъ тѣмъ, о которыхъ упоминается у евангелиста Марка (XVI, 12), и Петру, но всѣмъ вмѣстѣ ученикамъ Онъ явился теперь уже въ третій разъ ¹⁾.”

Ив. Глѣбовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Толков. ев. отъ Іоанна, стр. 307.

ДОНЕСЕНІЕ

Высокопреосвященнѣйшему Амвросію, Архіепископу Харьковскому,

Епархіальнаго Миссіонера (о поѣздкѣ въ Старобѣльскій уѣздъ).

Во исполненіе приказанія Вашего Высокопреосвященства, 3-го октября сего года, я отправился въ Старобѣльскій уѣздъ. Я побывалъ въ городѣ Старобѣльскѣ на Миссіонерскомъ съѣздѣ 1-го благочинническаго округа; лично убѣдился въ томъ, что приходы этого округа продолжаютъ пребывать въ религіозномъ мирѣ; затѣмъ, 6-го числа, утромъ, выѣхалъ въ слоб. *Трехизбянскъ*. Сюда пріѣхалъ я позднимъ вечеромъ. Здѣсь меня уже поджидали командированные Епархіальнымъ Миссіонерскимъ Совѣтомъ единовѣрческій священникъ гор. Харькова, о. Михаилъ Колышкинъ, и его псаломщикъ или „установщикъ“ Григорій Филимоновъ. Разговорились о мѣстныхъ дѣлахъ. Приходскій протоіерей о. Павловъ сообщилъ намъ, что въ самомъ Трехизбянскѣ раскольниковъ нѣтъ. Осталось ихъ немного въ деревнѣ Кряковкѣ, да и тѣ находятся въ настоящее время въ полномъ разстройствѣ. Глава или „наставникъ“ этихъ деревенскихъ раскольниковъ, старикъ Кряковцовъ, упорно держится безпоповщины, но его дѣти извѣрились уже въ правотѣ раскола. Напрасно онъ кулачнымъ боемъ силится привязать ихъ къ своему толку: мѣра эта не достигаетъ цѣли. Одинъ изъ сыновей старика—„наставника“ безпоповцевъ, по имени Анисимъ, открыто исповѣдуетъ истинность православной Церкви. Онъ ходитъ въ храмъ, искренно молится предъ православными иконами и лишь медлитъ формально присоединиться къ нашей

Церкви. Ему хотѣлось бы обратитъ въ православіе своихъ безпоповцевъ и потомъ соединиться съ нами на началахъ или правилахъ единовѣрія. Въ этомъ смыслѣ Анисимъ Кряковцовъ подалъ умно составленное прошеніе на имя о. протоіеря Павлова.—Другіе два брата Анисима колеблются; однако и они склонны къ соединенію съ православною Церковью.

При такихъ условіяхъ миссіонерскія бесѣды для семьи Кряковцовыхъ оказывались крайне своевременными и необходимыми. О. протоіерей отъ души радовался нашему пріѣзду въ Трехизбянскъ.

Бесѣда съ раскольниками была назначена на 7-е октября, о чемъ ихъ увѣдомили еще днемъ, 6-го числа.—Въ назначенное время раскольники исправно собрались въ зданіи церковно-приходской школы. Мы сомнѣвались: будетъ-ли на бесѣдѣ самъ старикъ Кряковцовъ?—Но интересъ къ слушанію миссіонерской проповѣди побѣдилъ въ немъ упрямство раскольника, и онъ пришелъ въ Трехизбянскъ вмѣстѣ съ своими колеблющимися дѣтьми. Сошлось довольно и православныхъ послушать, что будетъ „отвѣчать“ самоувѣренный старикъ.

Бесѣду мы заранѣе уговорились вести о Церкви Христовой. Этотъ вопросъ—самый главный въ полемикѣ съ раскольниками, особенно безпоповцами, не имѣющими у себя ни священства, ни таинствъ и, однако, мнящими составлять изъ себя Апостольскую Церковь. Бесѣду началъ о. Михайлъ Колышкинъ. На основаніи старопечатныхъ книгъ онъ постарался раскрыть слушателямъ, что Церковь Христова есть собраніе не однихъ мірянъ, а „всѣхъ вѣрныхъ Божіихъ, иже... принимаютъ божественныя, святыя и совершенныя тайны, и иже находятся... подъ правленіемъ совершенныхъ святыхъ отъ Христа поставленныхъ“... Безпоповщивская община не имѣетъ въ себѣ указанныхъ свойствъ истинной Церкви и, слѣдовательно, она *не есть* Церковь Христова, а самочинное скопище людей, „чуждыхъ вѣры“.

Это печальное положеніе сознаютъ и безпоповцы, но въ свое оправданіе они придумали ученіе о прішествіи антихриста, который будто бы истребилъ священство Христово, а съ нимъ и церковныя таинства.

Чтобы устранить подобное умствование безпоповцевъ и показать всю его суетность, въ помощь о. Михаилу, я на основаніи св. Писанія раскрылъ ученіе о вѣчности и неодолимости Церкви „вратами ада“ (Мѡ. 16, 18). Это ученіе я подтвердилъ потомъ словами св. Златоуста, вычитанными мною изъ Благовѣстника. Всѣмъ было очевидно, что ратовавшіе противъ церкви „погибоша“,—что ова „небесъ выспи, земли ширши“ и *„не подлежатъ времени тлѣнію“*. Если такъ, какимъ родомъ безпоповцы говорятъ о погибели истиннаго священства въ Церкви? Они, значить, не вѣруютъ словамъ Господа нашего Іисуса Христа (Мѡ. 28, 18—20 ср. Еф. 4, 11—13), а всѣ невѣрующіе въ Евангеліе уже осуждены (Іо. 3, 18).

Старикъ Кряковцовъ, по своему невѣжеству, былъ безсиленъ сказать что нибудь серьезное противъ изложеннаго ученія о вѣчности Церкви Христовой. На мой вопросъ: согласенъ-ли онъ съ этимъ ученіемъ?—онъ отвѣтилъ:—Какое теперь священство... Священники въ среду и пятницу ѣдятъ скоромное и по правиламъ Петра и Павла они подлежатъ за это анаемѣ.

Напрасно я старался выяснитъ „слѣпому вождю слѣпыхъ“, что не всѣ православные священники по средамъ и пятницамъ ѣдятъ скоромное, что несоблюдающіе постовъ—рѣдкость и исключеніе среди пастырей Церкви; если же въкоторые священники нарушаютъ церковные каноны, то за это они осудятся Богомъ, а Церковь черезъ нихъ не порочится и не умаляется въ своей святости и чистотѣ.—Эту мысль я развилъ на основаніи притчъ Господнихъ о полѣ, засѣянномъ пшеницею, среди которой потомъ выросли плевелы,—о неводѣ, званыхъ на вечерю и о десяти вѣдвахъ. Приводилъ я и другіе библейскіе примѣры, напр. исторію сыновей Ілія первосвященника (1 Цар. 2, 12—17, 22—36 ст.), Іуды—Предателя, откуда слѣдовало, что порочность отдѣльныхъ священниковъ въ православной Церкви не растлѣваетъ ея святости,—но старикъ твердилъ свое. Онъ не слушалъ и старопечатныхъ свидѣтельствъ, вычитываемыхъ ему о. Михаиломъ. Очевидно, старику стыдно было признаться въ своихъ заблужденіяхъ и онъ упорствовалъ, къ удивленію всѣхъ слушателей и особенно его сына Анисима...

Но всему бываютъ свои естественныя границы. И старикъ

Кряковцовъ, появившись на придуманномъ имъ возраженіи, перебѣжалъ потомъ на излюбленный раскольниками вопросъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія. Въ измѣненіи перстовъ для этого знаменія онъ видѣлъ погибель нашей Церкви, коренной ея грѣхъ.—Старика горячо поддержалъ еще какой-то странній раскольникъ, бывшій на бесѣдѣ.

Тогда я еще разъ поставилъ на видъ слушателямъ, что раскольники не доказали намъ, будто бы Церковь Христова на землѣ нѣкогда прекратитъ свой богоучрежденный порядокъ и будетъ существовать безъ священства и таинствъ. Слѣдовательно, собесѣдники наши косвенно признали себя находящимися *отъ* Церкви Христовой. Затѣмъ мы перешли на вопросъ о перстахъ. Я показалъ слушателямъ различіе между догматомъ и обрядомъ,—сказалъ, что въ троеперстіи нѣтъ никакой ереси. Ибо еретикъ, по словамъ Василія Великаго, тотъ, „иже вѣрою чуждъ“. А православные, складывая три первыхъ перста для крестнаго знаменія, исповѣдуютъ тѣмъ самымъ свою вѣру въ Трїединого Бога и въ два естества во Христѣ—двумя пригнутыми пальцами.—Какіе же они еретики? Слѣдовательно, и раздѣляться христіанамъ изъ-за обрядовъ, изъ-за второстепенныхъ и подлежащихъ измѣненію вещей—„стыдъ и срамъ“, по словамъ того же Василія Великаго.

Для большей убѣдительности этого вывода, о. Михаилъ сталъ разсуждать о троеперстіи и двуперстіи на основаніи старопечатныхъ книгъ. Онъ показалъ раскольникамъ, что въ старыхъ книгахъ нѣтъ *однообразнаго* приказанія насчетъ перстовъ. Явно, что предкамъ нашимъ вопросъ о перстахъ не представлялся такимъ неподвижнымъ, какимъ сдѣлали его раскольники. Посему и мы должны молиться такъ, какъ Церковь благословляетъ...

Эта мысль крайне понравилась Анисиму Кряковцову. Онъ словами и жестами подтвердилъ, что „вся суть въ Церкви“,— „что Церковь велитъ, то надо исполнять“, а худому она не научитъ. Она всѣмъ желаетъ спасенія: хочешь—молись троеперстно, не хочешь двуперстно, „только не отбивайся отъ Церкви“, заключилъ свою рѣчь Анисимъ. О. Михаилъ одобрилъ понятія Анисима и вопросъ о перстосложеніи оказался исчерпаннымъ.

Въ это время изъ среды раскольниковъ былъ предъявленъ новый вопросъ: какъ надо смотрѣть на австрійское священство?

О. Михаилъ съ канонической точки зрѣнія показалъ, что это священство безблагодатное и незаконно. Оно такимъ является себя и въ жизни. При этомъ о. Михаилъ рассказалъ, какъ онъ самъ былъ австрійскимъ „попомъ“ въ Кавказской станицѣ, какъ онъ ужасался, глядя на дѣйствія австрійской лжеіерархіи, вродѣ Силуана. Этотъ Силуанъ, бывший Ставропольскій раскольникій „архіерей“, кости некрещенныхъ черкесовъ выдалъ за мощи Дада, Гавидая и Коздоя—персидскихъ мучениковъ. Произвѣлъ тѣмъ великій соблазнъ въ своемъ обществѣ,—за что и былъ обличенъ австрійскимъ же лже-архіереемъ Анастасіемъ...

Сообщеніе о. Михаила произвело потрясающее дѣйствіе на раскольниковъ. Они, молча, слушали и ничего не возражали. Въ глазахъ Анисима стояли слѣзы...

Я повторилъ вкратцѣ содержаніе всей нашей бесѣды, призвалъ раскольниковъ къ покаянію и соединенію съ Православною Церковью,—и мы закончили бесѣду.—На прощанье, о. Михаилъ съ своимъ псаломщикомъ пропѣли древнимъ напѣвомъ „Достойно есть“,—чѣмъ въ высокой степени умилили сердца старообрядцевъ. Они до самого вечера не уходили домой и всё разсматривали старопечатныя книги. Даже старикъ Кряковцовъ—и тотъ размякъ, и хотя спорилъ съ нами и съ другими православными, но безъ воодушевленія, больше изъ самолюбія.

Проведенная нами въ Трехизбянскѣ бесѣда окончательно расположила Анисима Кряковцова присоединиться къ Церкви. Онъ готовъ былъ сдѣлать это тотчасъ же, но отложилъ свое присоединеніе до воскресенья, въ надеждѣ склонить за собою другихъ раскольниковъ.

На слѣдующій день, 8 октября, въ пятницу, мы отправились изъ Трехизбянска въ сосѣднюю слободу *Райгородку*, гдѣ раскольниковъ значительно больше. Между ними, однако совершенно нѣтъ начетчиковъ, такъ что въ духовныхъ дѣлахъ они руководствуются указаніями старика Кряковцова.—Не отличаются райгородскіе раскольники и строгостью жизни. Они

пьютъ водку, а молодежь ихъ даже курить. Среди православныхъ они не имѣютъ соблазнительнаго значенія, они держатся своего упованія по преданію: „отцы—моль наши крестились двуперстно, и мы должны поступать такъ же. Нечего ломаться...“.

Слухъ о рѣшеніи Анисима Кряковцова присоединиться къ Церкви Православной подѣйствовалъ тѣмъ не мѣнѣе возбуждающе на райгородскихъ раскольниковъ. Среди нихъ пошли толки по поводу этого обстоятельства, вслѣдствіе чего наша бесѣда могла глубоко интересоваться многихъ изъ нихъ.

Такъ и случилось. Когда оповѣстили село о нашемъ пріѣздѣ и заблаговѣстили въ колоколь, церковно-приходское училище быстро набилось народомъ. Раскольниковъ пришло много и даже съ женами. Среди нихъ былъ Анисимъ Кряковцовъ, пріѣхавшій слѣдомъ за нами „подивиться“ на свою братію и послушать еще нашу проповѣдь.—Бесѣда опять шла о Церкви Христовой—этомъ изначальномъ полемическомъ вопросѣ. По просьбѣ о. Михаила, бесѣду началъ я рѣчью. Я держался прежде и больше всего св. Писанія; о. же Михаилъ вычитывалъ потомъ къ сказанному мной старопечатныя свидѣтельства. Райгородскіе раскольники ничего намъ не возражали. Имъ помогъ Анисимъ. Онъ спросилъ:

— Чесо ради люди будутъ удаляться изъ Церкви?

На это я ему прочелъ нѣкоторыя мѣста изъ Апостольскихъ посланій, напр. 1 Тим. 4, 1—3; 2 Тим. 3, 1—9 и др. Анисимъ не вполне удовлетворился. Онъ попросилъ „всетаки“ прочитать изъ Большаго „Катихисиса“. О. Михаилъ прочиталъ и своими словами передалъ содержаніе прочитаннаго. Въ Катихисисѣ говорилось, что трехъ ради винъ люди будутъ уходить изъ Церкви: во 1), по причинѣ „мерзости заустѣнія“, которая будетъ вторгаться въ Церковь, во 2), вслѣдствіе дурной и соблазнительной жизни иныхъ христіанъ и 3)—по причинѣ ересей, которыя распространятся среди христіанъ.

Послѣ о. Михаила, я пространно доказывалъ вароду, что никакая „мерзость заустѣнія“ окончательно не погубитъ Христовой Церкви, согласно целожному обѣтованію ся Божественнаго Главы (Мѣ. 16, 18). Если же раскольники 9 гл. 27 стр. пророчества Даниила прилагаютъ къ Церкви православной, то

они жестоко ошибаются. По толкованію Св. Отцевъ, у Даниїла пророка рѣчь идетъ о ветхозавѣтномъ святилищѣ и ветхозавѣтной жертвѣ, которыя, дѣйствительно, истреблены и опустошены въ наказаніе за невѣріе іудеевъ.—При этомъ я вычиталъ соотвѣтствующія доказательства изъ твореній Св. Златоуста и Θεодорита. Также выяснилъ я, что грѣхи людей не порочать Церкви и что ереси будутъ свойственны *отдѣльнымъ* христіанамъ и даже ихъ пастырямъ (Дѣян. 20, 30), но не *всей* Христовой Церкви, которую „врата ада не одолѣютъ“. Слѣдовательно, убѣгать изъ Церкви—малодушіе и грѣхъ непростибельный. Этому научаютъ темныхъ людей разные злонамѣренныя раскольничьи „двѣтники“, которымъ не слѣдуетъ вѣрить, ибо они противны слову Божію...

Когда я продолжалъ еще свою рѣчь, меня перебилъ одинъ раскольникъ. Онъ сказалъ:

— Вотъ мы слушаемъ васъ съ душевнымъ удовольствіемъ и будемъ всегда радостно слушать... Ну только пусть Анисимъ Кряковцовъ не сбиваетъ насъ съ толку. Онъ прежде тащилъ насъ изъ Православной Церкви—и мы его слушались, а теперь зовётъ туда обратно. Какъ намъ слушать его?..

По рядамъ раскольниковъ пошелъ говоръ. Видно было, что они питаютъ вражду къ Анисиму за его склонность къ православію. Иные и открыто высказали эту вражду.

Я сталъ успокаивать раскольниковъ. Я посоветовалъ имъ слушать прежде всего законно поставленныхъ пастырей Церкви, а потомъ уже вникнуть въ то, что говорить, примѣрно, Кряковцовъ. Если онъ будетъ учить противно Св. Писанію и Православной вѣрѣ,—надо бѣжать отъ него, а если согласно,—надобно вѣрить ему. Злобу же отложите. Она неприлична христіанамъ (Еф. 4, 31; 1 П. 2, 1).

Раскольники, успокоенные, заговорили о перстахъ. О. Михаилъ выяснилъ имъ всё, что нужно было, и мы закончили бесѣду. Я, по обычаю, повторилъ ея содержаніе и спросилъ раскольниковъ:

— Согласны-ли они съ тѣмъ, что говорилось нами о Церкви, о мерзости запустѣнія и о перстахъ?

Кто-то отвѣтилъ, что „согласны“.

— Если согласны, такъ зачѣмъ же вы разъединяетесь отъ насъ?

Одинъ раскольникъ, пріятный по виду, сказалъ:

— Вы вотъ учили насъ. Мы съ удовольствіемъ слушали. Послѣ обдумаемъ всё и, можетъ быть, Богъ дастъ—соединимся съ вами...

На этомъ мы разошлись съ райгородскими раскольниками. Бесѣда съ ними произвела на православныхъ сильное впечатлѣніе,—что они, не скрывая своихъ чувствъ, и высказали намъ.—Можно надѣяться, что съ просвѣщеніемъ райгородскихъ раскольниковъ,—послѣ ознакомленія ихъ съ прав. ученіемъ,—многіе изъ нихъ побросаютъ темный расколъ безпоповщины.

Къ вечеру 8 октября, я уѣхалъ изъ Райгородка въ Трехизбянскъ. Мнѣ необходимо было, по сектантскимъ дѣламъ, спѣшить въ Изюмскій уѣздъ. По дорогѣ разговорились съ ямщикомъ о правахъ раскольниковъ. Онъ сказалъ мнѣ, что райгородскіе старовѣры бранятъ табачниковъ, а если дать имъ вина, да подмѣшать въ него толченаго табаку,—будутъ пить. Табакъ они считаютъ зломъ, а пьянства не осуждаютъ. Темные люди!...

О. Михаилъ заночевалъ въ Райгородкѣ и еще разъ, частно, бесѣдовалъ здѣсь въ домѣ одного раскольника. Въ субботу же, 9 октября, онъ переѣхалъ въ Трехизбянскъ. Было условлено, что въ воскресенье именно онъ, по желанію Анисима, присоединитъ его къ правосл. церкви.—Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по слободѣ. Въ воскресенье, за утреней, народу въ храмѣ было множество. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на чинъ присоединенія Анисима къ церкви. Кряковцовъ покидалъ расколъ съ полнымъ убѣжденіемъ и радостью. Послѣ присоединенія, передъ исповѣдью, готовясь къ св. Причастію, онъ со слезами каялся въ своихъ грѣхахъ передъ православными. Онъ громко и трогательно повѣдалъ имъ о томъ, какъ онъ хулилъ церковь православную, называлъ ее „сѣдалищемъ антихриста“,—какъ онъ бранилъ четырехконечный крестъ Христовъ и троеперстное сложеніе руки для крестнаго знаменія. Теперь онъ позналъ свои заблужденія и съ готовностью спѣшитъ стать прав. христіаниномъ. „Помолитесь обо мнѣ, братцы, и простите меня

ради Христа“!—говорилъ взволнованный Анисимъ, кланяясь народу до земли.

Всѣ находящіеся въ храмѣ были потрясены трогательною исповѣдью Анисима и съ умиленіемъ молились о немъ.—Это рѣдкое церковное торжество надолго останется памятнымъ для православныхъ трехизбянцевъ; не пройдетъ оно безслѣдно и для раскольниковъ...

Вмѣстѣ съ Анисимомъ рѣшилъ присоединиться къ церкви и еще одинъ его дальній родственникъ. Этотъ пожелалъ принять чинъ присоединенія къ православной церкви въ раскольничьей моленной, въ деревнѣ Кряковкѣ. О. Михайлъ охотно уступилъ его желанію, имѣя въ виду показать раскольникамъ, что при присоединеніи къ православію не требуется отрекаться отъ родителей и проклинать ихъ,—что распускаютъ про этотъ чинъ раскольничьи главари.

Когда о. Михайлъ съ своимъ псаломщикомъ и Анисимомъ, послѣ обѣдни, пріѣхали въ моленную, мать и жена Анисима встрѣтили ихъ враждебно. Онѣ говорили, что „ни за что не станутъ щепотницами“. О. Михайлъ кротко успокоилъ возбужденныхъ раскольницъ. Онъ заявилъ имъ, что троеперстіе бываетъ „щепотью“ лишь тогда, когда кто нюхаетъ имъ табакъ. А развѣ можно три первыхъ перста обзывать „щепотью“, если этими перстами выражается вѣра въ Троичнаго Бога? Такъ—православная Церковь не къ „щепоти“ призываетъ раскольниковъ, не къ нюханію табаку, а къ выраженію, посредствомъ пальцевъ, вѣры въ Бога. Кромѣ того, если кому не нравится троеперстіе,—молись двуперстно, но не хули православный обрядъ. Это грѣхъ.

Раскольницы успокоились. Мать Анисима сказала, что она хотѣла проклясть его, да пожалѣла. Видно такъ тому быть...

О. Михайлъ убѣждалъ всѣхъ присоединиться къ Церкви православной. Два брата Анисима не прочь были это сдѣлать, но мать слезно умоляла ихъ повременить присоединеніемъ, пока они не стоворятъ и старика къ тому.—Самого же старика не было дома. Онъ уѣхалъ въ Райгородку, желая, можетъ быть, избѣжать семейныхъ волненій по поводу присоединенія Анисима, а можетъ быть, правда, его повлекли туда „дѣла“. Какъ

бы ни то ни было, но братья, мать и жена Анисима остались пока раскольниками, давь о. Михаилу слово присоединиться къ Церкви „разомъ“. Будемъ объ этомъ молиться!...

Во время присоединенія къ православію родственника Анисима, въ моленной были всѣ Кряковскіе раскольники. Когда по старообрядчески о. Михаилъ и его псаломщикъ запѣли: „Господь—просвѣщеніе и Спаситель мой, Кого убоюся“,—всѣ раскольники подхватили слова этого прокимна. Чувствовалось, что ихъ сближаетъ лучше словъ съ нашей церковью допущеніе старообрядческаго пѣнія за православнымъ богослуженіемъ. Теперь въ моленной уже не замѣтно было вражды къ о. Михаилу и Анисиму. На ектеніяхъ о присоединяемомъ раскольники молились, а послѣ подходили подъ благословеніе къ о. Михаилу.—Это—большой успѣхъ для нашей миссіи. Очевидно, кряковскіе раскольники, благодаря бесѣдамъ съ ними, посмякли и могутъ уже молиться съ православными, а также брать благословеніе у православнаго священника.

Будемъ надѣяться, что недалеко уже то время, когда они всѣ станутъ чадами Православной Церкви и, подобно Анисиму, слезно будутъ просить прощенія за свои хулы на православныя святыни...

Харьковскій Епархіальный Миссіонеръ

Димитрій Боголюбовъ.

Критическій обзоръ ученія Бэкона объ индукціи.

Omnia genera idolorum constanti et solenni decreto sunt obneganda et renuntianda, et intellectus ab iis liberandus est et expurgandus, ut non alius fere sit aditus ad regnum hominis, quod fundatur in scientiis, quam ad regnum coelorum, in quod, nisi sub persona infantis, intrare non datur (Novi Organi, liber 1, 68).

Eine empirische Naturforschung in dem gewöhnlichen Sinn existirt gar nicht. Ein Experiment, dem nicht eine Theorie, d. h. eine Idee, vorhergeht, verhält sich zur Naturforschung wie das Rasseln mit einer Kinderklapper zur Musik. (Liebig „über Bacon von Verulam“, S. 49).

Маколей въ своемъ разсужденіи о лордѣ Бэконѣ между прочимъ говоритъ: „индуктивный методъ прилагался отъ начала міра каждымъ человѣкомъ къ познанію природы, онъ въ ходу и у некультурнаго поселанина, и у дитяти школьнаго возраста, даже у груднаго ребенка“. Это замѣчаніе Маколей ¹⁾ показываетъ, что онъ относился скептически къ заявленію Бэкона въ предисловіи къ его посвященному обзору индуктивнаго метода труда, что этотъ методъ долженъ послужить *новымъ* базисомъ для всѣхъ наукъ, не только для имѣющихъ своимъ предметомъ изученія внѣшнюю природу, но и внутренній духовный міръ человѣка. Однако Маколей смѣшиваетъ научную индукцію съ простой механической ассоціаціей представленій: каждому поселанину извѣстно, что въ лунныя лѣтнія ночи обычно растенія и предметы, лежащіе на землѣ, покрываются

¹⁾ Apelt. Die Theorie der Induction, s. 41.

росой, у него механически ассоціируется представленіе луннаго свѣта съ представленіемъ влажныхъ отъ выпавшей росы предметовъ, на извѣстной низкой ступени развитія человѣкъ даже можетъ приписать лунному свѣту способность вызывать образованіе росы, но что подобная индукція далека отъ научнаго метода,—очевидно каждому. Научная индукція, говоря словами Бэкона, обращается къ природѣ съ вопросомъ и даже со строгостью инквизитора подвергаетъ молчаливую природу пыткамъ—эксперименту,—чтобъ вынудить у нея правдивый отвѣтъ. Бэконъ не отрицаетъ, что индуктивный методъ заключенія былъ весьма распространенъ до выступленія его на арену естественно-научной философіи, онъ только хочетъ его измѣнить радикальнымъ образомъ и изолировать индукцію, какъ научный методъ, отъ той спутанной формы, какую она имѣетъ въ житейской практикѣ: первая должна идти медленнымъ путемъ подъ руководствомъ рефлексіи, а поэтому Бэконъ замѣчаетъ, что намѣренъ подвязать людямъ не крылья, но свинецъ, съ тѣмъ чтобы сдѣлать ихъ не столь поспѣшными въ выводахъ и обобщеніяхъ. Справедливо Бэконъ считалъ, что только хорошо понятыя факты могутъ быть матеріаломъ для научной индукціи, а не случайныя наблюденія съ ихъ шаткими результатами (N. O. 1, 32), только изъ хорошо изученныхъ фактовъ наука въ состояніи развивать полезныя аксіомы, становящіяся въ свою очередь руководящимъ началомъ для цѣлыхъ серій новыхъ опытовъ (N. O. 2, 81). Однако нѣкоторые критики возрѣвній Бэкона считаютъ его методъ антинаучной, обычной житейской индукціей (Liebig Op. cit. s. 47); этотъ взглядъ главнымъ образомъ обусловленъ естественно-научными промахами Бэкона, лишеннаго эрудиціи, необходимой для выступающаго въ роли истолкователя явленій природы, и поэтому искажившаго свою теорію ея неискуснымъ приложеніемъ къ рѣшенію практическихъ вопросовъ, такъ что его безславіе какъ экспериментатора набрасываетъ невыгодную для него тѣнь на самую теорію, хотя впрочемъ и она, какъ увидимъ далѣе, не свободна отъ крупныхъ погрѣшностей. Сочиненіе Бэкона, рассматривающее новый методъ, рекомендуемый для изученія природы, названо авторомъ *орґанонъ*,—это названіе должно опредѣлить наше

отношеніе къ анализируемому труду, если мы пожелаемъ стать на точку зрѣнія самого автора на значеніе его произведенія: на него нужно смотрѣть, какъ на опытъ дать новую теорію изслѣдованія явленій, представляющуюся *орудіемъ* для приобрѣтенія точнаго знанія, приложенія же теоріи къ практикѣ здѣсь являются аксесуаромъ (не то на примѣръ въ *Silva Silvarum* Бэкона). Первое изданіе „*Novi Organum*“ въ 1620 году имѣетъ на заглавномъ листѣ виньетку, гдѣ изображенъ корабль, плывущій съ распущеннымъ парусомъ къ какимъ-то каменнымъ столбамъ, съ надписью по бордюру виньетки: *multi pertransibunt et augebitur scientia*“, кажется, изъ этихъ словъ вполне ясно, что *Novum Organum* долженъ былъ по идеѣ автора вести другихъ (*multos*) къ познанію природы (*augebitur scientia*), выводя ихъ за Геркулесовы столбы на полный океанический просторъ. Что заставило Бэкона обратить столь серьезное вниманіе на изученіе природы и указать естественно-научной философіи задачи, несовмѣстимыя съ ея средневѣковымъ призваніемъ „*ancillae theologiae*?“—Въ вѣкъ Елизаветы Тюдоръ и сына несчастной Маріи Стюартъ, Іакова, въ Англіи, дотогдѣ ничѣмъ не дарившей научный міръ Европы, появились два крупныхъ таланта на научномъ горизонтѣ, это были Гарвей и Джильбертъ: Гарвей извѣстенъ, какъ физиологъ, открывшій циркуляцію крови и опровергнувшій гипотезу произвольнаго зарожденія организмовъ въ извѣстномъ афоризмѣ: „*omne vivum e vivo*“; Джильбертъ—физикъ, признаваемый всѣми за отца ученія объ электричествѣ и магнетизмѣ. Опыты послѣдняго выставляются Бэкономъ, какъ примѣръ плодотворнаго изученія природы ¹⁾ въ сравненіи съ бесплодной индукціей, господствующей въ житейскомъ обиходѣ, каковая презираетъ долгій путь тщательныхъ экспериментовъ и стремится на основаніи немногихъ случайныхъ наблюденій дѣлать преждевременныя обобщенія,—люди, подобно дѣтямъ, раскрываютъ нераспустившіеся бутоны цвѣтовъ, радуются своей удачѣ, а бутоны къ вечеру уже вянутъ. Гарвей и Джильбертъ, смѣлые піонеры зарождавшейся эмпирической науки, неутомимо помогавшіеся

¹⁾ Kirchtman, примѣчанія къ нѣмецкому переводу *Novi Organum*, s. 103.

расшевелить природу, этого угрюмаго сфинкса, и заставить ее рассказать свои тайны, приковывали къ себѣ вниманіе знатнаго диллетанта соотечественника, мало интересовавшагося работами ивоземныхъ современниковъ: Галилея, Кеплера и другихъ. По мнѣнію Бэкона, заслуга этихъ натуралистовъ туманнаго Альбіона въ томъ, что они вступили на тернистый путь самоотверженнаго служенія общей пользѣ, ибо истиннонаучныя открытія (*interpretatio naturae*) съ трудомъ распространяются и мало находятъ сочувствія, тогда какъ ложныя теоріи, опирающіяся на обычную индукцію, (*anticipatio naturae*) встрѣчаются съ удовольствіемъ: матеріалистическая теорія теплоты, рассматривающая ее какъ какое-то невѣсомое вещество, присутствующее въ нагрѣтомъ тѣлѣ и переходящее изъ тѣла въ тѣло, подобно жидкости, переливающейся изъ сосуда въ сосудъ, скорѣе встрѣтитъ сочувствіе, чѣмъ болѣе правдоподобная теорія волнообразнаго движенія атомовъ. Естественно, что Бэконъ долженъ былъ показать причину такого страннаго противорѣчія между стремленіемъ каждаго познать истину и отклоненіемъ отъ самой истины, когда она предлагается другимъ: Бэконъ винитъ во всемъ человѣческой интеллектъ. Сравненіе интеллекта съ вогнутымъ зеркаломъ, неправильно отражающимъ внѣшній міръ, могло бы дать поводъ считать Бэкона творцемъ субъективнаго идеализма (*Kirchmann Op. cit. s. 94*), но для Канта несоотвѣтствіе нашего представленія съ „*Ding an sich*“—не хроническій недугъ человѣческаго интеллекта, излѣчиваемый какимъ-либо новымъ методомъ индукціи, а ничѣмъ не устранимое условіе познанія внѣшняго міра, не патологическая форма, а нормальная, для Бэкона же человѣческое познаніе не адекватно дѣйствительнымъ объектамъ познанія, но не по природѣ своей, а по небрежности людей, предпочитающихъ широкой путь антинаучной индукціи узкой стезѣ научной, слѣдующей *системѣ* наблюдений. У человѣка есть стремленія обнять разумомъ все существующее, однако таковой самъ по себѣ безсиленъ преодолѣть темноту явленій,—подспорьемъ для него является наблюденіе; но, производимое внѣ строгой систематичности, оно ведетъ нерѣдко къ образованію антираціональныхъ представленій о природѣ вещей, къ

„idola“. Бэконъ при этомъ ссылается на Гераклита, говорившаго, что люди ищутъ науку (*scientiam*) въ своихъ мірахъ, а не въ общемъ. Чистый свѣтъ, падающій отъ предметовъ при посредствѣ органовъ чувствъ въ разумъ, попадаетъ въ неблагоприятную среду, которая своимъ преломленіемъ грубо его искажаетъ, человѣческій интеллектъ является не безцвѣтной призмой, равно преломляющей всѣ падающіе на нее отовнѣ лучи, но окрашенной, пропускающей лишь сродные себѣ по колориту элементы, а всѣ остальные задерживающей, поэтому Бэконъ совѣтуетъ обезцвѣтить интеллектъ, привести его къ виду по возможности близкому къ *tabula rasa*, искоренивъ изъ него многочисленныя враждебныя для здраваго изученія природы общія понятія, являющіяся продуктомъ близорукой индукціи, практикуемой въ повседневной жизни. Такія понятія (*idola*) отчасти составляютъ печальное наслѣдство заблужденій, передаваемое предками потомству (*idola tribus*, апіорныя понятія для индивидуума и апостеріорныя для рода „*homo*“), отчасти являются, такъ сказать, *in statu nascenti*: усваются изъ сношеній съ людьми на жизненномъ рынкѣ (*idola fori*), или изъ чтенія псевдонаучныхъ книгъ (*idola theatri*), эти заблужденія окрашиваются колоритомъ индивидуальности, обусловливаемымъ воспитаніемъ даннаго лица, его психофизическимъ складомъ и т. п. (*idola specus*). Довѣряясь себѣ и не зажигая свѣточа научной индукціи, прежде истину искали оцупью, на подобіе путника, застигнутаго темнотою, напрасно презирая опытъ, какъ вѣчто унижающее разумъ и приковывающее его къ обыденному (*N. Org. I* кн. 84 аф.).

Первая часть *Novi Organі* служитъ какъ бы оправданіемъ появленія на свѣтъ второй части: Бэконъ въ мрачныхъ краскахъ рисуется своему читателю современное положеніе естествознанія: въ рѣзкомъ контрастѣ съ расширеніемъ общаго кругозора человѣка, благодаря открытію новыхъ земель, оно робко держится авторитета древности и съ самообольщеніемъ воображаетъ, что достигла большихъ успѣховъ, забывая, что *opinio soriae est causa inopiae*“ (87 аф. I кн.). Древніе не могутъ быть признаны авторитетными учителями въ дѣлѣ из-

слѣдованія природы: въ Египтѣ ¹⁾, гдѣ былъ обычай ставить памятники тѣмъ, которые открыли что-либо общепользное, чаще встрѣчались почтенныя такими знаками благодарности животныя, чѣмъ люди,—все это особенно выдвигаетъ опытъ и отодвигаетъ на задній планъ спекуляцію, къ каковой, конечно, животныя не способны. Даже великій умъ Эллады, Платонъ, мало сдѣлалъ для практической пользы человечества, и Діонисій Сиракузскій былъ правъ, отвѣтивъ съ насмѣшкой на утопію государственнаго переустройства, предложенную ему Платономъ: „οἱ λόγοι σου γερουσιῶσι“ (Nov. Org. I кв. аф. 73). Многие держатся старины и ея авторитетомъ санкціонируютъ свои познанія, но въ отношеніи естествознанія древность совсѣмъ не компетентна: она въ возрѣніи на природу юнѣ современности: углубляясь въ даль прошедшаго, мы находимъ простѣйшій и грубѣйшій взглядъ на причины явленій, приличествующій людямъ, младенчеству душой и не способнымъ разобратъ въ хаосѣ впечатлѣній, порождаемыхъ явленіями внѣшняго міра; въ тѣ отдаленныя времена было „wüste und rohe Erfahrung“ (Kirchmann стр. 151). Бэконъ разсматриваетъ индукцію, предлагаемую имъ въ видѣ павадеи отъ многообразныхъ недуговъ естествознанія, какъ регрессивный методъ заключенія, такъ какъ въ этомъ случаѣ *отступаютъ* къ общему отъ изученнаго частнаго, къ закону отъ эмпирическаго факта. Обычно заключенію по индукціи предпосылаются 2 предложенія, изъ которыхъ первое представляетъ собраніе и извѣстную группировку частныхъ фактовъ, а второе открываетъ въ нихъ новый общій признакъ, возводимый въ заключительномъ предложеніи въ законъ. Бэконъ неправильно считалъ, что центръ тяжести индуктивнаго метода лежитъ въ области 1-го предложенія, собирающаго факты съ возможной полнотой, а не 2-го непосредственно предшествующаго выводу., т. е., предложенія, элементами для построенія котораго являются данныя опыта. Пояснимъ сказанное примѣромъ изъ области рудиментарныхъ истинъ современной теоріи теплоты: 1) газы, жидкости, металлы способны нагреваться (нѣтъ необходимости пересмат-

¹⁾ Kirchmann, стр. 122; афоризмъ 731 кв. N. O.

ривать *все* виды этихъ веществъ) и 2) при нагрѣваніи они расширяются, т. е., увеличиваются въ объемѣ; 3) значить, неизвѣстная намъ непосредственно причина термическихъ ощущеній—молекулярное движеніе въ подвергнутомъ нагрѣванію тѣлѣ; таковъ современный путь индукціи, Бэконъ же неправильно полагалъ методичность своего приѣма въ стремленіи обозрѣть *не нѣкоторые, но все случаи*, гдѣ проявляется дѣйствіе подлежащаго изученію фактора, и осторожно относился къ отрицательнымъ инстанціямъ, на которыя наталкивался при обозрѣніи извѣстной группы фактовъ, принимая таковыя инстанціи въ соображеніе при построеніи конечнаго вывода. *Instantiae contradictoriae* по Бэкону—жало для поспѣшной индукціи, уявляющее ее въ Ахиллесову пятую чрезъ указаніе на такія явленія, которыя отвергаютъ возможность сдѣланнаго объясненія или незыблемость открытаго по индукціи закона. Значеніе отрицательныхъ инстанцій въ процессѣ заключенія по индукціи Бэконъ разъясняетъ на такомъ примѣрѣ: положимъ, въ храмъ нѣкотораго языческаго божества зашелъ человекъ для поклоненія идолу: по выставленнымъ изображеніямъ спасшихся отъ кораблекрушенія (такъ называемыя *ex voto*) онъ долженъ убѣдиться въ міроправленіи благого божества, но эти *ex voto* не обезпечиваютъ правильности вывода по индукціи, какой онъ сдѣлаетъ, такъ какъ въ капищѣ отсутствуютъ изображенія тѣхъ, которые, несмотря на мольбы къ этому божеству, нашли смерть въ волнахъ бурнаго моря,—изображенія послѣднихъ были бы въ разбираемомъ случаѣ отрицательными инстанціями, игнорированіе которыхъ, по мнѣнію Бэкона,—корень всѣхъ ошибокъ житейской индукціи, такъ какъ даже одна отрицательная инстанція гораздо болѣе вліяетъ на выводъ, чѣмъ цѣлый рядъ положительныхъ, потому что послѣднія указываютъ только на правдоподобность извѣстнаго заключенія, а не его истинность, а одной изъ первыхъ достаточно, чтобы его опровергнуть. Это мнѣніе съ теоретической точки зрѣнія правильно, но приложеніе его къ практическому рѣшенію индукціонныхъ задачъ крайне щекотливо и далеко не всегда сообщаетъ сдѣланному съ принятіемъ въ соображеніе этихъ инстанцій выводу незыблемости, такъ какъ

въ большинствѣ случаевъ при индукціи нельзя пересмотрѣть *всѣхъ* явленій, гдѣ обнаруживаетъ свое дѣйствіе изучаемый факторъ, и тѣмъ устранить появленіе опровергающихъ извѣстный выводъ непредусмотрѣнныхъ отрицательныхъ инстанцій. Для подтвержденія сказаннаго разберемъ случай ложнаго вывода по схемѣ Бэконовскаго метода, приведенный Маколеемъ: причиной якобинизма въ Англіи является обычай давать новорожденнымъ по 3 имени (очевидно, что политическій идеалъ извѣстной партіи и 3 имени, нареченныя при крещеніи, вѣтъ какой-либо генетической связи). Нѣсколько фамилій лицъ, замѣшанныхъ въ якобинизмъ, являются по терминологіи Бэкона какъ *instantiae convenientes*, нѣсколько фамилій, чуждыхъ якобинизма,—*instantiae absentiae in proximo*. Наблюденіе, что параллельно съ обычаемъ давать дѣтямъ по 3 имени усиливался и якобинизмъ, и что въ Америкѣ при господствѣ этого обычая болѣе республиканцевъ, чѣмъ въ Англіи, гдѣ терпится король и аристократическій режимъ палаты лордовъ, даетъ *instantiae secundum magis et minus*. Приводя въ дѣйствіе механизмъ Бэконовскаго метода, стремимся найти причину якобинизма путемъ исключенія неправдоподобныхъ объясненій указаніемъ на отрицательныя инстанціи, дискредитирующія эти объясненія: въ числѣ фамилій республиканцевъ есть ирландцы, они же попадаются и среди фамилій роялистовъ, но вліянію этой отрицательной инстанціи причина якобинизма ничего общаго не имѣетъ съ національностью. Среди республиканцевъ и роялистовъ есть священники, присутствіе таковыхъ въ роялистической партіи препятствуетъ признать за источникъ якобинизма увлеченіе христіанскими идеалами, приличествующее лицу, облеченному въ священный санъ. Среди тѣхъ и другихъ политикановъ находятся и лица, получившія образованіе въ Кэмбриджѣ, значитъ очагомъ якобинизма не служитъ эта высшая школа, продолжая идти путемъ такого постановленія отрицательныхъ инстанцій, мы доходимъ до сбора плодовъ сдѣланной индукціи (*vindemiatio*), и оказывается, что обычай давать по 3 имени причина якобинизма. Конечно, справедливо мнѣніе Маколея, что можно избѣжать ошибочнаго вывода чрезъ умноженіе числа инстанцій, тогда по всей вѣроятности мы

встрѣтимъ лицъ въ той и другой партіи, носящихъ по 3 имени, и это выдвинетъ новую отрицательную инстанцію противъ сдѣланнаго по индукціи вывода, но во всякомъ случаѣ изъ приведеннаго примѣра видно, что введеніе въ сферу наблюдаемыхъ явленій отрицательныхъ инстанцій, не имѣющихъ прямого отношенія къ изучаемому фактору (напримѣръ лучи луны и звѣзды при изученіи термическихъ явленій) лишь регулируетъ житейскую индукцію¹⁾, но еще оставляетъ желать много лучшаго. Самое понятіе—отрицательная инстанція—у Бэкона сбивчиво и туманно: положимъ, мы изучаемъ проявленія силы тяготѣнія, которое въ сферѣ притяженія землею предметовъ на ея поверхности—сила тяжести, яблоко, висящее на деревѣ, по методу Бэкона, должно быть признано отрицательной инстанціей, нарушающей всеобщность тяготѣнія, тогда какъ то же яблоко, достигнувъ зрѣлости и падая на землю, попадаетъ въ число положительныхъ инстанцій,—Бэконъ ошибочно думалъ, что явленія—обнаруженія дѣйствія *одного* фактора, а не возникаютъ на почвѣ взаимодействія многихъ силъ, при чемъ преобладающее вліяніе одной можетъ совершенно затемнить участіе другой, такъ въ разбираемомъ случаѣ сдѣпленіе элементовъ плодовой ножки съ сучкомъ парализуетъ дѣйствіе тяжести, и свободно висящее яблоко, на которое дѣйствуетъ комплексъ силъ, отнюдь не отрицательная инстанція для правильной индукціи; подобныя метаморфозы инстанцій у Бэкона вполне возможны: падающее тѣло—положительная инстанція при примѣненіи индуктивнаго метода къ явленіямъ тяжести, но то же тѣло, упавъ при своемъ движеніи на какой-либо предметъ и приходя въ покой, уже должно быть относимо въ разрядъ отрицательныхъ инстанцій, даже болѣе, за нимъ признается право опровергнуть весь стоившій долгой работы выводъ о всеобщности закона тяготѣнія. (Kirchmann стр. 208). Сентъвальмскій огонь, показывающійся на остроконечіяхъ земныхъ предметовъ въ влажныя ночи, преимущественно въ экваторіальныхъ странахъ и на морѣ (на мачтахъ) и свѣченіе гнилаго дерева, а равно фосфоресценція Иванова червячка считаются отрица-

¹⁾ Афоризмъ 105 1 кн. N. O.

тельными инстанціями, препятствующими признать въ свѣтовыхъ явленіяхъ соучастіе теплоты, тогда какъ во всѣхъ свѣтовыхъ явленіяхъ она присутствуетъ, только въ приведенныхъ явленіяхъ въ минимальномъ количествѣ, недоступномъ для обнаруженія ни примитивнымъ термоскопамъ Бэконова времени, ни непосредственнымъ термическимъ ощущеніямъ экспериментатора, минимумъ тепла здѣсь обусловленъ слабой оксидацией, и горѣніе дровъ въ горячѣ печи съ обильнымъ отдѣленіемъ лучистаго тепла только по недоразумѣнію можетъ относиться не въ одну группу съ этими явленіями. Бэконъ въ этомъ случаѣ поступаетъ тѣмъ удивительнѣе, что нѣсколько далѣе прямо говоритъ, что гвѣніе развиваетъ теплоту, и указываетъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія на кладбища, гдѣ быстрѣе разлагаются трупы, чѣмъ въ случаѣ отдѣльнаго погребенія въ склепѣ, благодаря присутствію въ землѣ большаго количества тепла, генераторомъ котораго является разложеніе органической матеріи. Посмотримъ, къ какимъ результатамъ приходитъ Бэконъ путемъ принятія въ соображеніе отрицательныхъ инстанцій. Съ сознаниемъ человѣка, исполнившаго свое дѣло, онъ объявляетъ, что теплота—особое движеніе атомовъ тѣла и демонстрируетъ это положеніе на угасаніи угля при давленіи на него ногой, отчего останавливается движеніе частицъ, и на разжиганіи угля, мерцающаго въ золѣ, путемъ примѣненія мѣховъ, умножающихъ движеніе частицъ въ массѣ угля чрезъ быстрое движеніе частицъ окружающаго воздуха. Но противъ перваго демонстрирующаго случая легко выставить 2 отрицательныхъ инстанцій, непредусмотрѣнныхъ Бэкономъ: 1) порохъ отъ давленія воспламеняется, 2) уголь угасаетъ и тогда, когда его прикрываютъ, *не касаясь*, кускомъ сукна, а противъ 2 случая одну: слишкомъ сильная струя воздуха гаситъ пламя, т. е., прекращаетъ движеніе частицъ, вмѣсто слѣдующаго по Бэкону умноженія этого движенія. Правильность вывода Бэкона о теплотѣ, какъ молекулярномъ движеніи, случайна, однако даже обзоръ немногихъ случаевъ расщепленія отъ тепла далъ бы достаточный матеріалъ для правильной индукціи, и Бэконъ близко подходилъ къ такому пути для рѣшенія занимавшаго его вопроса, замѣчая, что желѣзные гвозди при морозѣ выпа-

даютъ изъ стѣны, а воздухъ въ каналѣ трубки Дребелева термоскопа при нагрѣваніи его резервуара выталкиваетъ кверху подвижную пробку изъ капли окрашенной жидкости.

Болѣе подробное ознакомленіе съ индукціей по Бэкону открываетъ новыя ошибки диллетанта-натуралиста. Разсмотримъ, чѣмъ руководствовался Бэконъ при составленіи таблицы положительныхъ инстанцій,—къ нашему удивленію онъ слѣдуетъ обычной житейской индукціи, тѣмъ „*idola fori specusque*“, которыя осмѣивались имъ въ первой части *Novi Organі*: онъ включаетъ въ число генераторовъ тепла: перья, пухъ, мѣхъ животныхъ, крѣпкій уксусъ, купоросное масло (*Vitriolöl*), даже нѣкоторыя травы. Относительно перьевъ и мѣха достаточно простаго наблюденія,—выставленія ихъ на морозный воздухъ, чтобы убѣдиться, что въ нихъ нѣтъ никакой теплоты, а если про нихъ въ повседневномъ быту говорятъ, что они грѣютъ, то это представленіе „*idolon*“: указанные предметы, будучи худыми проводниками тепла, изолируютъ покрытое ими тѣло отъ массы окружающаго воздуха и тѣмъ препятствуютъ потерѣ внутренней теплоты чрезъ ея излученіе, перья и пушистый мѣхъ грѣютъ живыя существа, а при угасаніи внутренняго очага тепла покрытыя ими тѣла вскорѣ охлаждаются. Крѣпкая уксусная кислота, вызывающая жженіе въ ротовой полости и купоросное масло, выжигающее ткани, прямо занесены Бэкономъ въ число генераторовъ тепла по недоразумѣнію; дѣло въ томъ, что нашъ языкъ бѣднѣе нашихъ понятій, и мы часто вынуждены употреблять слова въ метафорическомъ смыслѣ: уксусная кислота *жжетъ* языкъ и мягкое нѣбо, купоросное масло *выжигаетъ* ткани, эти выраженія—простыя метафоры, и вносить подобныя инстанціи для обзора съ цѣлью придти къ научному индуктивному выводу о природѣ тепла по справедливому замѣчанію: „*Liebig*“-а походило бы на то, если бы нѣкто, желая опредѣлить природу звука, включилъ въ число подлежащихъ обзору инстанцій картины и узоры для вышиванія, такъ какъ и въ нихъ мы различаемъ тоны. Даже поэтическое выраженіе Виргилія: „*aut Boreae penetrabile frigus adurat*“ (*Georgicon* lib. 1, 23) даетъ Бэкону возможность составить одну положительную инстанцію для изслѣдованія природы тепла: холодный

сѣверный вѣтеръ (sic). Что касается до наполняющаго большую половину 2 части *Novi Organі* разсужденія о прерогативныхъ инстанціяхъ, то оно прежде всего покоится на недоразумѣніи Бэкона, предполагавшаго, что извѣстный факторъ въ одномъ явленіи открываетъ себя полнѣе, чѣмъ въ другомъ; причиной этого неправильнаго мнѣнія Бэкона является признаніе имъ явленій производимыми изолированно дѣйствующими силами ¹⁾, тогда какъ современное естествознаніе видитъ въ каждомъ явленіи результатъ дѣйствія комплекса силъ, а поэтому въ опытѣ, гдѣ создаются искусственныя условія для явленія по волѣ экспериментатора, каждое явленіе можетъ быть прерогативной инстанціей. Пояснимъ сказанное примѣромъ: Бэконъ признаетъ ртуть (*argentum vivum*) за прерогативную инстанцію при изученіи силы тяжести, основываясь на ея быстромъ паденіи вслѣдствіе значительнаго удѣльнаго вѣса, но опытъ даетъ возможность изучать паденіе тѣлъ въ пустотѣ (запаянная трубка, изъ которой вытѣпуть воздухъ), при этомъ падаютъ съ *одной скоростью*: пухъ, пробковый и свинцовый шары, а слѣдовательно всѣ эти тѣла являются прерогативными инстанціями. Ошибка Бэкона въ томъ, что онъ считалъ, что сила тяжести различно дѣйствуетъ на легкіе и вѣскіе предметы, тогда какъ медленное паденіе пуха и быстрое ртути обусловливаются дѣйствіемъ не принятаго имъ къ соображенію фактора—сопротивленія воздуха, каковое устранимо въ опытѣ, нивелирующемъ разницу между прерогативной и простой положительной инстанціей. (Должно затѣтить, что Бэконъ употребляетъ „*instantia*“ въ смыслѣ англійскаго *instance*, а не латинскаго *instantia*, Kirchmann переводитъ это слово *Beweismittel*). Номенклатура прерогативныхъ инстанцій (27 названій) у Бэкона совершенно субъективна и лишена всякаго научнаго значенія, здѣсь онъ прямо нарушаетъ „*legem parsimoniae*“, требующій, чтобы причины явленій по возможности были сводимы къ единству, т. е., выводимы одна изъ другой (*causas praeter necessitatem non esse multiplicandas*); Бэконъ же наводняетъ 24-ю часть своего труда какъ первопричинами явленій всевозможными

1) Böhmig. Критическій разборъ книги Liebig стр. 11, тамъ цитаты изъ Милля).

motus, съ самыми причудливыми эпитетами, кромѣ того въ этой части, оперируя надъ разными аналогіями (напримѣръ сравненіе человѣка съ растеніемъ, растущимъ вверхъ корнемъ—*planta inversa*), Бэконъ окончательно покидаетъ путь *interpretationis naturae*: замѣчая, что гармоничная жизнь природы раздроблена имъ на черезчуръ мелкіе автономные участки, англійскій мыслитель стремится найти единство плана мірозда-нія въ аналогіяхъ, но на этомъ скользкомъ пути преобразуется въ средневѣковаго схоластика, изучающаго явленія внѣшняго міра слишкомъ *anticipando*. Къ недостаткамъ Бэконова пред-ставленія объ индукціи относится еще недостаточно ясное различеніе ея отъ абстракціи, тогда какъ послѣдняя имѣетъ дѣло съ *phenomen observatum*, а первая съ *phenomen demon-strationibus enucleatum* ¹⁾,—такъ Бэконъ выводитъ, что те-плота—особый родъ движенія матеріальныхъ частицъ, не по ин-дукціи, а скорѣй по абстракціи ²⁾. Положимъ, мы видимъ 2 бруска, которые взаимно пересѣкаются, мы можемъ представить себѣ вмѣ-сто нихъ 2 нити, 2 паутинки, 2 перекрещивающихся линейки и, отвлекаясь отъ конкретныхъ образовъ, составить общее поня-тіе, что двѣ прямыхъ линіи, пересѣкаясь въ одной точкѣ, при продолженіи своемъ уже не встрѣчаются (слѣдствіе первой аксіомы Эвклида). Бэконъ наблюдаетъ колебанія въ пламени, движеніе въ массѣ кипящей воды и, отвлекаясь отъ чувствен-ныхъ образовъ, говоритъ, что теплота—особый родъ молеку-лярнаго движенія,—не ясно ли, что въ этомъ случаѣ индукція сводится къ простой абстракціи, въ полномъ соотвѣтствіи съ вышеприведеннымъ примѣромъ таковой. Вообще у Бэкона за-мѣчается крупная методологическая погрѣшность: онъ прямо хочетъ „*regum cognoscere causas*“ ³⁾, тогда какъ современная научная индукція отъ изученія дѣйствія нѣкоторой причины X стремится придти къ познанію самой причины X, т. е., сна-чала желаетъ „*regum cognoscere effectus*“, и плодотворность этого приѣма ясно открывается въ научныхъ теоріяхъ совре-менности, не страшящихся роста науки, благодаря накопленію

1) Apelt стр. 58.

2) Apelt стр. 153.

3) Böhmer стр. 12.

новыхъ наблюдений, такова напримѣръ теорія свѣтоваго эѳира, вытѣснившая гипотезу истеченія. Вопреки Бэкону современное естествознаніе не отрицаетъ значенія и неполной индукціи. Казалось бы, что правомъ гражданства въ наукѣ должна пользоваться только полная индукція, т. е., основывающаяся на всѣхъ фактахъ извѣстнаго рода. Что въ самомъ дѣлѣ побуждаетъ ученаго строить выводы на индукціи, заложенной на зыбучемъ фундаментѣ немногихъ случаевъ, лежащихъ въ сферѣ его наблюденія? Часто стимуломъ для подобной неполной индукціи бываетъ практическій интересъ: врачъ у постели трудно больного можетъ рискнуть при назначеніи лѣкарства на примѣненіе неполной индукціи, матеріаломъ для которой являются его немногочисленныя прежнія наблюденія; въ чисто теоретической сферѣ знанія мотивомъ для неполной индукціи признается стремленіе разума къ систематизаціи изученнаго, къ возведенію частныхъ измѣненій въ извѣстныя правила (Arelt стр. 157). Индукція у самого Бэкона является неполной, такъ какъ таблица положительныхъ инстанцій, содержащая въ себѣ всевозможные случаи даннаго явленія, не можетъ заключать *всѣхъ* возможныхъ случаевъ, поэтому нельзя признать *de facto*, что экспериментаторъ, слѣдующій указаніямъ Бэкона, способенъ исчерпать весь матеріалъ для извѣстнаго индукціоннаго вывода. Бэконъ самъ косвенно склоняется къ разсмотрѣнію вмѣсто множества фактовъ немногихъ, гдѣ данное явленіе обрисовывается особенно выпукло, мы разумѣемъ его прерогативныя инстанціи. Весь балластъ случаевъ, собираемый съ такой тщательностью, оказывается у самого Бэкона при анализѣ природы тепла выброшеннымъ за бортъ къ концу индукціи, и заключеніе опирается на немногіе случаи, именно 3: 1) кипѣніе воды, 2) видъ пламени, 3) раздуваніе угольевъ мѣхами. Что же заставляетъ распространять заключеніе по неполной индукціи на лежащія внѣ произведенныхъ наблюдений и опытовъ подобныя явленія?—Бэконъ отвѣчаетъ—отсутствіе отрицательныхъ инстанцій, но съ одной стороны отсутствіе таковыхъ можетъ быть мнимымъ, съ другой стороны нѣкоторыя явленія, представляющіяся на первый взглядъ отрицательными инстанціями, при извѣстномъ развитіи и

умѣньш экспериментатора могутъ оказаться лишь въ кажущемся противорѣчїи съ извѣстнымъ выводомъ. Такъ вполне правиленъ индуктивный выводъ, что тѣла отъ нагрѣванія расширяются, а отъ охлажденія сжимаются, а между тѣмъ вода составляетъ исключеніе изъ общаго правила: достигая maximum плотности при $+4^{\circ}$, она расширяется при дальнѣйшемъ охлажденїи (какъ извѣстно, ледъ, который всегда болѣе низкой температуры чѣмъ вода, носится на ея поверхности, благодаря своему меньшему удѣльному вѣсу), значитъ по Бэкону она должна быть признана отрицательной инстанціей и вести къ оспариванію закона, что тѣла отъ охлажденія сжимаются, т. е., уплотняются. Ясно, что появленіе нѣкоторыхъ отрицательныхъ инстанцій можетъ оставаться безъ рѣшительнаго вліянія на выводъ по индукціи. Глина и каучукъ отъ нагрѣванія сжимаются,—для поверхностнаго эксперимента это новыя отрицательныя инстанціи въ разбираемомъ случаѣ, но проницательный ученый сейчасъ же усмотритъ, что здѣсь лишь мнимое уклоненіе отъ общаго правила, такъ какъ въ первомъ случаѣ испаряется изъ нагрѣваемой глины содержащаяся въ ней вода, а во второмъ—расширяется воздухъ въ парахъ каучуковаго стержня, что растягиваетъ его въ ширину и укорачиваетъ въ длину. Самъ Бэконъ дѣлаетъ одинъ шагъ, невыгодный для его теорїи отрицательныхъ инстанцій, мы разумѣемъ его *instantiae foederis seu unionis*,—эти инстанціи служатъ къ устраненію мнимыхъ противорѣчїй, т. е., мнимыхъ отрицательныхъ инстанцій: такъ лоза, растущая у стѣны сильно нагрѣваемаго помѣщенія, даетъ болѣе обильные плоды, чѣмъ растущая въ иныхъ условїяхъ. Это наблюденіе устраняетъ тѣ враждебныя для вывода о благотворномъ дѣйствїи теплоты на прозябаніе инстанціи, гдѣ огонь, этотъ важнѣйшій агентъ тепла, разрушаетъ органическія ткани,—въ этомъ и подобныхъ случаяхъ самъ Бэконъ признаетъ за силой способность разнообразно проявляться, при чемъ разница явленій, производимыхъ однимъ факторомъ, можетъ простираться до ихъ діаметральной противоположности. Такъ магнитъ, притягивающій желѣзо, отталкиваетъ мѣдь, и нѣтъ основаній, наблюдая послѣднее явленіе, отрицать возможность перваго или наоборотъ.

Отъ критики теоріи инстанцій обратимся къ анализу принциповъ Бэконова метода. Индукція по Бэкону представляется строго эмпирической, а поэтому и не можетъ считаться научной ¹⁾. Во первыхъ рассмотримъ, можетъ ли раціональная индукція обойтись безъ апріорныхъ идей (по Бэкону *idola tribus*). Лежащій на солнцѣ камень нагрѣвается его лучами, то же происходитъ съ металлическими предметами, кускомъ мѣха, обломкомъ дерева,—изъ этихъ примѣровъ мы имѣемъ право заключить по методу индукціи, что солнечные лучи обладаютъ термической энергіей, но можно ли данное заключеніе считать возникшимъ исключительно на почвѣ эмпириі? Конечно, нельзя, и вотъ доказательство: нагрѣваніе и паденіе солнечныхъ лучей на предметъ мы рассматриваемъ какъ слѣдствіе и причину, и въ сужденіи „солнце нагрѣваетъ предметъ“, котораго элементы и связь ихъ даны повидимому только эмпирией, *implicite* заключается идея причинности не опытнаго происхожденія. формулирующаяся такъ: каждое измѣненіе имѣетъ свою причину. Не опытное происхожденіе этой идеи можно открыть уже по атрибуту „каждое“, соединяемому съ понятіемъ, „измѣненіе“: переменны въ земныхъ предметахъ мы наблюдаемъ, но идея причинности руководитъ нами и при изысканіяхъ въ области всего универса, мы посимъ внутреннее убѣжденіе, что при каждомъ измѣненіи *долженъ* быть измѣняющій факторъ. Одинъ изъ адептовъ сенсуализма, Юмъ ²⁾ стремится вывести идею причинности изъ воспоминанія и ожиданія подобнаго ранѣ видѣнному нами: часто наблюдая, какъ одно явленіе слѣдуетъ за другимъ, мы *привыкаемъ* ожидать послѣ совершенія одного возникновенія другаго, что формулируется въ нашемъ сознаніи, какъ слѣдующее понятіе о причинной связи: *post hoc—ergo propter hoc*. Неосновательность подобнаго мнѣнія о генезисѣ идеи причинности вскрываетъ Apelt на слѣдующемъ примѣрѣ: положимъ, нѣкто привыкъ, гуляя по рѣчному берегу, встрѣчать на извѣстномъ пунктѣ человѣка, перевозящаго его съ готовностью на противоположный берегъ,—на основаніи ожиданія подобныхъ случаевъ, не размышляя, для чего здѣсь бываетъ этотъ человѣкъ, онъ можетъ

¹⁾ Apelt, стр. 152—155.

²⁾ Kuno—Fischer стр. 448: die Causalität als product der Erfahrung

предполагать встрѣчу съ нимъ, выходя на обычную прогулку, но рискуетъ и ошибиться въ своемъ ожиданіи, если дѣла этого человѣка, не лодочника по профессіи, повлекутъ его въ другое мѣсто. Въ подобномъ же положеніи можетъ явиться и ученый, строящій свои индуктивные выводы на зыбкой почвѣ ожиданія подобныхъ случаевъ. Изъ приведеннаго ясно, что слѣпое слѣдованіе за тожествомъ предыдущихъ случаевъ не устанавливаетъ никакой идеи причинной связи, и что вообще эмпирія даетъ только механическое преемство явленій, а внутренняя связь между ними устанавливается интеллектомъ съ помощью апріорныхъ идей. Въ примѣрѣ „Arelta“ ошибка индуктивнаго вывода наблюдателя объясняется смѣшеніемъ имъ случайнаго совпаденія съ необходимымъ слѣдствіемъ, механической связи съ органической, благодаря его большой довѣрчивости къ эмпирическому факту и отсутствію его раціональнаго выясненія. Вообще ожиданіе появленія подобныхъ результатовъ послѣ подобныхъ процессовъ покоится болѣе на бессознательной ассоціаціи представленій (бессознательное здѣсь берется не въ абсолютномъ, но въ относительномъ смыслѣ, какъ *minimum* сознанія) и репродуцирующей силѣ фантазіи, чѣмъ на размышленіи, необходимомъ предшественникѣ и надежномъ спутникѣ опытовъ, ведущихъ къ научнымъ выводамъ. Ожиданіе подобныхъ случаевъ можетъ управлять индуктивными заключеніями дитяти или простеца, но не ученаго; конечно, иногда индуктивные заключенія простеца и ученаго совпадаютъ, такъ первый ожидаетъ послѣ ночи наступленія разсвѣта, потому что привыкъ къ чередованію такихъ явленій, а второй ожидаетъ того же на основаніи ему извѣстнаго суточного вращенія земнаго шара, но чаще они разнятся: зная изъ наблюденій, что зажженная спичка воспламеняетъ фитиль лампы, ирофанъ будетъ ожидать того же и въ атмосферѣ чистой углекислоты, тогда какъ ученому извѣстно, что главнымъ факторомъ здѣсь является не спичка, а кислородъ атмосфернаго воздуха. Ученый, извлекая звукъ изъ струны, знаетъ, что его прикосновеніе къ ней—причина звука, не потому, что послѣдній *слѣдуетъ* за прикосновеніемъ, а на основаніи той внутренней связи между видимыми вибраціями струны и ощущеніемъ звука, какую

устанавливаетъ его интеллектъ при пособіи данныхъ опыта, сообщающихъ ему свѣдѣнія о колебаніи воздуха, вызванномъ вибраціей струны, и о толчкахъ, получаемыхъ отъ этого колеблющагося воздуха его барабанной перепонкой, передающей это движеніе съ небольшою трансформаціей лимфѣ ушнаго лабиринта. Такъ опытъ теряетъ свое принципиальное значеніе въ индуктивномъ методѣ и занимаетъ болѣе скромное мѣсто совѣтника разума, между тѣмъ какъ Бэконъ хотѣлъ его сдѣлать законодателемъ для послѣдняго, обращая чрезъ это свой методъ при разумѣ, очищенномъ отъ апріорныхъ идей, въ индукцію „per enumerationem simplicem“.

Итакъ, съ одной стороны Бэконово требованіе, чтобы индуктивный выводъ опирался на наблюденіе *всѣхъ* случаевъ даннаго явленія, не исполнимо на практикѣ, съ другой стороны, даже при предположеніи осуществимости этого требованія, индуктивный выводъ совсѣмъ не пріобрѣтаетъ значенія аподиктической истины, а остается простымъ обобщеніемъ данныхъ эмпирическихъ фактовъ, заслуживающимъ по своей ненадежности остракизма изъ области научныхъ истинъ, однако и допущеніе неполной индукціи въ число научныхъ путей для изслѣдованія природы должно находить въ чемъ-либо оправданіе, поэтому рассмотримъ генезисъ индуктивнаго вывода по 2 методамъ: Бэконовскому (эмпирическому) и современно-научному (раціональному). Заключение отъ пемногихъ случаевъ ко всѣмъ подобнымъ, отъ бывающаго къ долженствующему быть по эмпирическому методу является просто заключеніемъ по вѣроятности, и конечно степень точности вывода прямо зависитъ отъ количества разсмотрѣнныхъ инстанцій, отъ объема *tabulae graduum* по терминологіи Бэкона, но въ раціональномъ методѣ заключеніе отъ частнаго къ общему опирается на раскрытіе закона, господствующаго въ сферѣ изученныхъ явленій, что дѣлаетъ возможнымъ переходъ къ другимъ подобнымъ явленіямъ по аналогіи, — предположеніе обнаруженія извѣстнаго закона въ каждой группѣ однородныхъ явленій — душа раціональнаго индуктивнаго метода. 100 наблюденій разныхъ положеній какой-нибудь планеты остаются 100 отдѣльными явленіями, пока разумъ не откроетъ возможности ихъ объединить на основаніи предпо-

ложенія известной законѣрности въ движеніи свѣтила по небосклону, а это предположеніе—продуктъ самодѣятельности разума въ познаніи вѣшняго міра (Apeit стр. 179),—разумъ, какъ искусный ваятель, формирующій статуи изъ мягкой аморфной массы гипса, пользуется данными опыта лишь какъ сырымъ матеріаломъ, между разумомъ и эмпирическими элементами то же отношеніе, какое имѣетъ мѣсто между $\mu\omega\rho\phi\eta$ и $\omicron\lambda\eta$ въ теоріи гилломорфизма (Apeit стр. 136—138). Остановимъ свое вниманіе на слѣдующемъ примѣрѣ научной индукціи. Брэдлей, плывя на суднѣ при вѣтрѣ, замѣтилъ, что направленіе флюгера на вершинѣ мачты не совпадаетъ съ направленіемъ, въ какомъ движутся воздушные массы; разсуждая о причинѣ замѣченнаго имъ явленія, онъ остановился на движеніи судна, мѣшающемъ флюгеру стать въ плоскость направленія вѣтра, отъ этого наблюденія, повтореннаго нѣсколько разъ при иныхъ обстоятельствахъ, упомянутый астрономъ пришелъ къ заключенію, что движеніе земли вокругъ солнца не можетъ быть безъ вліянія на направленіе, въ какомъ мы видимъ звѣзды: такъ открыта по индукціи известная въ астрономіи aberracia свѣта, исходящаго отъ звѣздъ. Подумаемъ, возможна ли для разума, доведеннаго до состоянія *tabulae rasaе*, подобная индукція, при которой онъ смѣло выходитъ за предѣлы данныхъ эмпириі, и не подкапываютъ ли случаи блестящихъ научныхъ открытій по индуктивному методу увѣренія Бэкона, что для научной индукціи безразличны геніальность или бездарность наблюдателя. Если справедливо замѣчаніе Бэкона, что разумъ самъ по себѣ не можетъ преодолѣть темноты предметовъ, то не менѣе справедливо, что данныя опыта еще менѣе способны ее преодолѣть, будучи изолированы отъ апріорныхъ идей разума: опытъ указываетъ на существующую связь явленій, разумъ же возводитъ эту связь въ необходимую и ведетъ къ признанію законосообразности во всемъ совершающемся въ природѣ, поэтому если разумъ нерѣдко обвиняется, какъ виновникъ различныхъ $\epsilon\acute{\iota}\delta\omega\lambda\omega\nu$, то и никакое научное знаніе ($\epsilon\pi\iota\sigma\tau\acute{\eta}\mu\eta$) не можетъ создаться на почвѣ однихъ чувственныхъ воспріятій и представленій, являющихся результатомъ ихъ обобщенія, вопреки мнѣнію Бэкона (45 афор.

1 книги).—Касаясь вопроса объ отношеніи апріорнаго знанія къ апостеріорному, мы должны сначала показать, что первое имѣетъ самостоятельность. Какъ на примѣръ апріорнаго знанія, укажемъ на математическія истины: невозможность обоснова- нія ихъ при помощи опыта очевидна. Извѣстная теорема, что сумма угловъ въ треугольникѣ равна 180° ($2 d$), не допу- скаетъ опытной повѣрки, а всякому занимавшемуся геометри- ческимъ черченіемъ приходилось собственнымъ опытомъ убѣж- даться въ этомъ. Apelt указываетъ еще на другой примѣръ подобнаго рода: уголъ, имѣющій вершину на окружности и опирающійся на діаметръ,—прямой (90°), это слѣдуетъ на основаніи теоретическихъ соображеній, но графическое рѣше- ніе проблемы никогда не даетъ этой величины, а всегда немного менѣе (89° и минуты съ секундами). Не ясно ли изъ сказаннаго, что эти истины не дапы опытомъ и оставались бы вѣчно скрытыми отъ интеллекта, если бы онъ слѣпо слѣ- довалъ только за указаніями чувствъ. Раціональныя истины оказываются имѣющими аподиктическое значеніе, тогда какъ по словамъ самого Бэкона эмпирическая истина—дочь вре- мени (84 афор. I книги). Смѣшеніе истинъ того и другаго рода проходитъ по всѣмъ англійскимъ работамъ въ области философіи до Уэвелля; послѣдній—первый англійскій мысли- тель, отдавшій себѣ отчетъ въ различномъ генезисѣ человѣ- ческихъ познаній, въ разницѣ между эмпирическими и апо- диктическими истинами: первыя открываются изъ показаній чувствъ, вторыя изъ чистаго мышленія. Основой для логиче- ской переработки сыраго матеріала, даннаго опытомъ, по на- званному автору, являются первоначальныя представленія чело- вѣческаго духа (*fundamental ideas*): экспериментаторъ вноситъ въ простой агрегатъ фактовъ связывающій ихъ принципъ (*principle of connexion*), являющійся столь же необходимымъ, какъ свуръ для объединенія отдѣльныхъ перловъ въ ожерелье. Такъ какъ понятія, связывающія элементы опыта, даются не эмпиріей, но разсудкомъ, то ясно, что Бэконъ, стремившійся все основать на одной эмпириіи и тѣхъ положеніяхъ, какія могутъ быть извлечены изъ нея, не могъ придти ни къ ка- кимъ серьезнымъ индуктивнымъ выводамъ, даже при помощи

своей концепціи *tabularum graduum*. Эмпирическая индукція ищетъ закона изъ случаевъ, раціональная же стремится случаи подвести подъ законъ; если для эмпириковъ идея причинности выводится изъ случайныхъ наблюдений, то по раціоналистамъ наоборотъ идея причинности руководитъ анализомъ явленій природы (Aepelt стр. 185). Индукція по эмпирическому методу пользуется такой формулой: когда присутствуетъ явленіе А, то обычно за нимъ слѣдуетъ явленіе В,—А имѣется въ наличности, значить должно появиться и В. Понятно, что при такой схемѣ умозаключенія связь А съ В можетъ быть и случайной, а не необходимой, т. е., причинной. Индукція по раціональному методу формулируетъ свой выводъ по слѣдующей схемѣ: дано А, безъ котораго В произойти не можетъ, значить въ каждомъ случаѣ наличности В ему должно предшествовать А. Отсюда выясняется коренное различіе обоихъ методовъ индукціи: въ эмпирическомъ по причинѣ ищется слѣдствіе, въ раціональномъ по слѣдствіямъ ищется причина (Aepelt стр. 37). Бэконъ хотѣлъ, какъ уже замѣчалось ранѣе, прямо извлечь изъ данныхъ опыта представленіе о причинѣ изучаемаго явленія, такъ къ признанію теплоты за особый родъ молекулярнаго движенія онъ приходитъ непосредственно, замѣчая движеніе въ пламени, а не косвенно путемъ изученія расширенія тѣлъ отъ тепла, послѣднее онъ выводитъ, какъ слѣдствіе своего представленія о причинѣ термическихъ ощущеній. На основаніи изложеннаго можно относить Бэконовъ методъ къ эмпирическимъ и сближать его индуктивные выводы съ встрѣчающимися въ житейскомъ быту.

Каковы причины неудачной попытки Бэкона реформировать естествознаніе? Liebig указываетъ, что самъ Бэконъ былъ плохимъ экспериментаторомъ ¹⁾, и только лавры, пріобрѣтенные другими на этомъ пути, заставили его обратить вниманіе на экспериментальный методъ изученія природы. Потребность противодѣйствовать спекуляціи сказалась въ Бэконѣ его рѣзкими нападками на *idola*, но реакція прежнему направленію науки, какъ это часто бываетъ, перешла границы умѣренности и спра-

¹⁾ Liebig стр. 8—13.

ведливости: кромѣ требованія очищенія интеллекта отъ *idolon specus forique*, Бэконъ настаиваетъ и на изгнаніи апріорныхъ законовъ мышленія „*idolon tribus*“, между тѣмъ это требованіе походитъ на то, еслибы нѣкто посовѣтовалъ воину разоружиться въ виду непріятельской крѣпости. Прежде чѣмъ сражаться съ природой ея оружіемъ, нужно у ней его вырвать, а это можетъ сдѣлать только интеллектъ, обладающій своими средствами нападенія. Бэконъ призналъ бы несомнѣнно свой методъ ненадежнымъ, если бы серьезно занялся изученіемъ природы, но его естественно-научный трудъ *Silva silvarum* открываетъ въ своемъ авторѣ простаго диллетанта. Liebig удачно указываетъ на такіе эксперименты Бэкона, которые были созданы его пылкой фантазіей, а въ дѣйствительности не осуществимы: въ налитую спиртомъ чашку вставляется зажженная свѣчка, отъ которой воспламеняется спиртъ,—въ этомъ случаѣ пламя свѣчи будетъ окружено огненной атмосферой горящаго спирта и приметъ сферическій видъ, не испытывая толчковъ отъ сосѣдняго воздуха, каковыя обыкновенно придаютъ ему видъ конуса, такъ передаетъ Бэконъ о своемъ опытѣ, но для современнаго ученаго ясно, что свѣча должна загаснуть, а шарообразное пламя—продуктъ живой фантазіи Бэкона. Всякому извѣстно, что средняя часть пламени свѣчи темна, благодаря отсутствію достаточнаго количества кислорода, а въ мнимомъ опытѣ Бэкона пламя свѣчи совсѣмъ закрыто для доступа воздуха (примѣръ ss. 3). Соль въ соляномъ растворѣ по Бэкону быстрѣе растворяется, чѣмъ въ чистой водѣ, такъ какъ соль въ растворѣ притягиваетъ къ себѣ нерастворенную соль; фантастичность этого утвержденія можно доказать тѣмъ, что въ крѣпкомъ растворѣ соль совсѣмъ не растворяется,—почти каждому извѣстно, что въ стаканѣ воды нельзя растворить неограниченнаго количества соли, и что по образованіи насыщеннаго раствора избытокъ растворенной соли осѣдаетъ и кристаллизуется (ss. 883). Воздухъ въ погребахъ зимой имѣетъ болѣе высокую температуру, чѣмъ лѣтомъ,—въ этомъ выводѣ Бэконъ прямо вступаетъ на путь житейской осмѣянной имъ индукціи, такъ какъ изъ одного ему же принадлежащаго наблюденія легко извлечь раціональное объясненіе причины этой иллюзіи:

рука, опущенная въ сосудъ со водой, можетъ получить разныя ощущенія: тепла и холода въ зависимости отъ температуры того пространства, гдѣ она находилась ранѣе,—полный „rep-dant“ къ этому составляетъ разбираемый случай, такъ какъ мы входимъ въ погребъ то изъ лѣтняго воздуха высокой температуры, то изъ зимняго—низкой, по контрасту зимній погребной воздухъ можетъ показаться теплѣе лѣтняго (ss. 885). Приведеннаго достаточно, чтобы видѣть, какъ экспериментировалъ Бэконъ, для котораго „*leo in via*“, страшный для житейской индукціи, являлся не менѣе серьезнымъ препятствіемъ для движенія въ глубину научнаго изслѣдованія природы. Бэконъ не присталъ къ эмпирикамъ, потому что болѣе собиралъ опыты по наслышкѣ (по „*Kirchmann*“-у nach dem Hörensagen) или изъ книгъ, забывая сказанное имъ во 1-ой части *Novi Organі* объ *idolis theatri*, но онъ остался далекимъ и отъ начертаннаго имъ идеальнаго образа трудолюбивой пчелы, заботливо собирающей цвѣточную пыль и перерабатывающей ее въ своемъ организмѣ въ медъ,—натуралистъ, подражающій пчелѣ,—*rium desiderium* Бэкона, для реализаціи же этого идеала онъ не сдѣлалъ ни одного вѣрнаго шага; Бэкопъ, обѣщавшій своему читателю провести его чрезъ лабиринтъ явленій природы съ новой Ариадниной нитью, его методомъ индукціи, къ познанію истинныхъ причинъ всѣхъ переменъ въ тѣлахъ, на дѣлѣ не исполняетъ своего намѣренія,—такъ часто ручей, орошающій на своихъ верховьяхъ прекрасные луга, течетъ въ мрачную пустыню ¹⁾).

Резюмируемъ до сихъ поръ сказанное относительно принциповъ Бэконова метода: Бэконъ, отвергая основныя первоначальныя понятія разума (по „*Apelt*“-у *Urbegriffe des Verstands*), не могъ дать научной постановки индукціи, которую онъ смѣшиваетъ съ абстракціей, заставивъ ее выполнять не свойственное ей дѣло выработки основныя истинныя знанія. Исключительно качественный характеръ выводовъ Бэкона объясняется тѣмъ, что онъ не подозрѣвалъ, что явленія природы управляются математически формулируемыми законами,—называя при-

¹⁾ Liebig стр. 14.

чину какого-либо явления движениемъ, онъ упустилъ изъ виду необходимость измѣренія этого движенія, что приводитъ современное естествознаніе къ математической формулировкѣ рѣшеній различныхъ механическихъ и химическихъ проблемъ, такъ сказать къ переложенію языка эмперіи на языкъ апіорнаго знанія. Насколько цѣненъ вкладъ, внесенный Бэкономъ через *Novum Organum* и сходный по содержанію съ нимъ трудъ, „*Cogitata et visa*“, въ сокровищницу человѣческихъ познаній? Полятіе объ эмпирической наукѣ (*ἐπιστήμη*) въ древней Элладѣ, этой колыбели зарождавшагося научнаго мышленія, было весьма различно: Платонъ, поглощенный мыслью о трансцендентныхъ идеяхъ, какъ единственномъ реальномъ объектѣ познанія, и считавшій тѣла за ихъ тѣневые образы (силуэты), долженъ былъ пренебрегать индукціей, опирающейся на наблюденіи явленій въ мірѣ призраковъ ¹⁾. Аристотель недостаточно выяснилъ генезисъ аподиктическихъ истинъ, т. е., происходятъ ли онѣ отъ разума (*νοῦς*), или изъ обобщенія данныхъ опыта (*ἐμπείρια*) и хотя онъ искалъ въ явленіяхъ вызывающую ихъ причину (*ἀρχὴ τῆς κινήσεως*), но не полагалъ ея въ нематеріальномъ законѣ природы, обуславливающимъ явленіе и открываемомъ въ его внѣшнемъ видѣ, такъ что изысканіе причинъ явленій въ перипатетизмѣ походитъ на то, если бы нѣкто пожелалъ объяснить форму струи жидкости, вытекающей изъ какого-либо сосуда, качественными особенностями самой жидкости, а не дѣйствіемъ силы тяжести. Бэконъ не смѣшивалъ апіорныхъ идей съ апостеріорнымъ знаніемъ, онъ не сенсуалистъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, хотя по мнѣнію Куно-Фишера и даль английской философствующей мысли толчекъ въ этомъ характеризующемъ ее направленіи; ошибкой Бэкона должно быть признано отрицаніе имъ значенія апіорныхъ идей для раціональной индукціи. Съ методологической стороны отличительной чертой Бэконовой индукціи является введеніе отрицательныхъ инстанцій въ обзоръ фактовъ, служащихъ основаніемъ для извѣстнаго индуктивнаго вывода, по у *Schleiden* въ его капитальномъ трудѣ: „*die*

¹⁾ Apelt стр. 130: Die Körperwelt beoteht nach. Platon ohne Materie (ἄλη). Der Körper ist keine palpable Masse, sondern ein Schattenbild der Idee.

Pflanze und ihr Leben“ встрѣчается такой примѣръ, показывающій, съ какой осторожностью должно примѣнять этотъ способъ къ построению научнаго вывода: извѣстно изъ наблюдений и лабораторныхъ опытовъ, что неорганическое вещество не превращается въ организованную материю животныхъ и растительныхъ тканей, и что стремленіе произвести клѣточку въ ретортѣ походить на изысканія алхимиковъ, желавшихъ открыть панацею не только отъ старости, но и безденежья. Такъ устававливаются рядъ отрицательныхъ инстанцій противъ возможности предположенія перехода неорганической матеріи въ органическую. Между тѣмъ ростъ органической матеріи на землѣ очевиденъ: организмы размножаются въ геометрической прогрессіи, напримѣръ растенія образуютъ множество сѣмянъ, изъ которыхъ весьма многія даютъ начало самостоятельнымъ особямъ. Откуда берется новое органическое вещество? Индукція открываетъ, что животный міръ существуетъ на счетъ растительнаго или прямо (травоядныя), или косвенно (хищники, питающіеся травоядными), поэтому обращаемся къ изслѣдованію, какой источникъ для новообразованія органической ткани въ растительномъ мірѣ: альпійскіе луга, питающіе ежегодно тысячи головъ рогатаго скота, не бѣднѣютъ изъ года въ годъ травой, между тѣмъ какъ образованіе въ почвѣ перегноя устраняется постояннымъ снѣтіемъ пасущимся скотомъ растущей травы, значитъ, источникъ для образованія растительности не въ каменистой малопродуктивной почвѣ, а въ атмосферѣ. Дѣйствительно, физиологическая химія констатируетъ, что растеніе зелеными частями поглощаетъ углекислый газъ и, раскисляя его, ассимилируетъ углеродъ, изъ котораго строятъ новообразующіяся части. Такъ несмотря на массу отрицательныхъ инстанцій, встрѣченныхъ нами на прямомъ пути, двигаясь по косвенному, мы приходимъ къ вполне точному выводу о переходѣ неорганической матеріи въ органическую, каковая метаморфоза обуславливается жизненной силой растительныхъ организмовъ (Arelt стр. 79—82). Природа столь богата, что ея явленія не исчерпаешь никакими *tabulis graduat*, въ которыхъ Бэконъ хотѣлъ дать индукціи твердое основаніе.

Многіе видятъ въ Бэконѣ пропагандиста идеи утилитаризма:

hominis autem *imperium* sola scientia constare, tantum enim *potest*, quantum scit, изъ приведеннаго отрывка „*Cogitata et visa*“ Бэконъ является утилитаристомъ по крайней мѣрѣ въ сферѣ научныхъ изысканій. Оглядываясь въ глубину средних вѣковъ, когда экспериментами занимались только немногіе праздные люди, Бэконъ не столько скорбитъ объ умственномъ мракѣ, ступившемся надъ человѣчествомъ, сколько о приниженности послѣдняго предъ природой, которой оно призвано быть властелиномъ; совѣтуя перенести центръ тяжести научныхъ изысканій изъ сферы воѵс въ таковую эмпирию, Бэконъ жаждетъ не духовнаго свѣта, а практическихъ удобствъ жизни,—утилизациа разгаданныхъ силъ природы для него какъ бы затмѣваетъ чистую радость и наслажденіе въ сознаніи открытой истины, разоблаченной тайны природы. Природа является по Бэкону какъ бы подсудимой, скрывшей отъ человѣчества большой кладъ, послѣднее должно всячески добиваться отъ нея указанія, гдѣ его разыскать, тайны же этой подсудимой могутъ его лишь настолько интересовать, насколько онѣ относятся къ этому кладу,—не болѣе. Однако справедливость требуетъ замѣтить, что у Бэкона по временамъ являлись порывы иного свойства, чуждые меркантилизма, такъ въ 129 афоризмѣ 1 книги *Novi Organі* онъ говоритъ: *ita certe ipsa contemplatio rerum, prout sunt, sine superstitione et impostura, errore aut confusione, in se ipsa magis digna est quam universus inventorum fructus.* Въ „*Cogitata et visa*“ Бэконъ сравниваетъ науку съ свѣтомъ солнца, который не только необходимъ въ экономіи органической жизни на земномъ шарѣ, но и радуетъ каждое живое существо своими лучами. Индукціа по методу Бэкона, несмотря на ея несовершенство во многихъ отношеніяхъ, на каковое указывалось ранѣе, была шагомъ впередъ для естествознанія, привыкшаго довольствоваться фиктивными объясненіями явленій природы на подобіе Мольерова медика, который на вопросъ больнаго, почему усыпляетъ маковый сокъ, ему съ серьезностью представителя науки отвѣчаетъ: *c'est parce qu'il a la vertu dormitive*,—потому, что у него есть способность усыплять.

Въ заключеніе сдѣлаемъ замѣчаніе о вліяніи Бэконова метода на послѣдующую англійскую философію: считаютъ, что на почвѣ, засѣянной сѣменами Бэконовыхъ идей, выросъ эмпиризмъ Локка и скептицизмъ Юма; справедливо, что одностороннее восхваленіе опыта и недовѣрчивое отношеніе къ разуму характеризуютъ *Novum Organum* и *Cogitata et visa*, но, кажется, изъ предыдущаго ясно, что Бэконъ не отрицалъ апріорныхъ идей, только отвергалъ ихъ значимость въ индуктивномъ методѣ. Если можно разсматривать *idola specus, fori et theatri*, какъ результаты неудачныхъ обобщеній опытныхъ данныхъ, приписывать имъ генезисъ изъ показаній чувствъ (сенсоріальныхъ), то *idola tribus* неоспоримо—апріорныя схемы, по какимъ мы изучаемъ и группируемъ эмпирической матеріаль.— Если съ точки зрѣнія естествознанія введеніе отрицательныхъ инстанцій не обезпечиваетъ правильности индуктивнаго вывода, а устраненіе апріорныхъ идей лишаетъ методъ Бэкона серьезнаго значенія въ философіи, то все же за англійскимъ мыслителемъ нужно признать ту заслугу, что онъ указалъ правильный путь къ разрушенію предрасудковъ, къ какой-бы области знанія они ни относились. Дѣло въ томъ, что неразрывныя ложныя ассоціаціи представленій (*idola*), возникшія благодаря частому и долгому повторенію извѣстныхъ воспріятій въ неизмѣнномъ порядкѣ, не могутъ быть иначе разрушены, какъ образованіемъ такъ называемыхъ контръ-ассоціацій: создавая контръ-ассоціаціи, т. е., удерживая по возможности отчетливо въ сознаніи факты, противорѣчащіе установившимся ассоціаціямъ (*instantiae contradictoriae*), мы ихъ мало-по-малу ослабляемъ и наконецъ совсѣмъ разрываемъ. Вернемся для поясненія къ уже упомянутому ранѣе примѣру, гдѣ образованіе росы объясняется луннымъ свѣтомъ: частое наблюденіе, что въ свѣтлыя ночи выпадаетъ роса, можетъ произвести ложную ассоціацію представленій о росѣ и лунномъ свѣтѣ, въ которой лунный свѣтъ займетъ мѣсто причины, а роса—слѣдствія, однако наблюденіе образованія обильной росы въ ночи, когда при отсутствіи облаковъ нѣтъ и луннаго свѣта (напримѣръ вслѣдствіе селенической фазы, когда весь лунный дискъ погруженъ въ тѣнь земли), должно дать начало образованію контръ-ассо-

ціаціи, въ которой представленіе о росѣ будетъ сочетаться съ таковымъ темнаго безлуннаго неба, а эта ассоціація несомнѣнно ослабитъ и даже совсѣмъ вытѣснитъ прежнюю;—въ виду изложеннаго, критика Бэконова метода съ психологической точки зрѣнія должна быть ему благоприятна. Въ заключеніе должно замѣтить, что Бэконъ вполне достоинъ занимать мѣсто на страницахъ исторіи индуктивныхъ наукъ, несмотря на несовершенства своего метода: на языкахъ всѣхъ народовъ слышится сужденіе, что каждое начало трудно,—теоретическое обоснованіе индукціи, не могло составлять исключенія, а Бэконъ по справедливому отзыву Милля и „Apelt“-а былъ „begeisterter Apostel der Induction“, воодушевленный проповѣдникъ новаго научнаго метода, обогатившаго человѣчество множествомъ великихъ открытій и радикально измѣнившаго хозяйственный бытъ европейскаго общества.

Е. А. Воронцовъ.

Размышленія Декарта о первой философiи, въ коихъ доказывается существованіе Бога и отличіе души отъ тѣла.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО.

(Окончаніе *).

Размышленіе шестое: О существованіи матеріальныхъ вещей и о реальномъ отличіи души отъ тѣла.

Мнѣ остается изслѣдовать, существуютъ-ли матеріальныя вещи. Я уже вполне знаю, что онѣ могутъ существовать какъ предметъ чистой математики, потому что я ихъ въ такомъ случаѣ воспринимаю ясно и раздѣльно. И, конечно, нѣтъ сомнѣнія, что Богъ можетъ произвести все, что я могу воспринимать; и если я когда либо что нибудь считалъ для него невозможнымъ, то только потому, что это противорѣчило моему ясному воспріятію. Кроме того, существованіе матеріальныхъ вещей слѣдуетъ, повидимому, и изъ способности воображенія, которою—я знаю—я пользуюсь, когда имѣю дѣло съ ними, ибо для всякаго, съ большею внимательностію разсматривающаго, что такое воображеніе, оно оказывается нѣкоторымъ обращеніемъ познавательной способности къ тѣлу, которое внутреннимъ образомъ предстоитъ ей (*ipsi intime praesens*) и потому существуетъ. Чтобы послѣднее соображеніе было ясно, я прежде всего разсмотрю разницу, которая существуетъ между воображеніемъ и чистымъ разумѣніемъ (*pura intellectio*). Когда, напр., я воображаю трехугольникъ, я не только понимаю, что это фигура ограниченная тремя линіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 19.

умственнымъ взоромъ созерцаю эти три линіи, какъ будто находящіяся предо мною. Это собственно я и называю воображеніемъ. Но если я желаю мыслить тысячегранникъ, то я такъ же хорошо понимаю, что это есть фигура, состоящая изъ тысячи сторонъ, какъ понимаю о трехугольникѣ, что онъ фигура, состоящая изъ трехъ сторонъ; но я не могу такимъ-же образомъ представить эти тысячу сторонъ или созерцать ихъ какъ бы находящимися предо мною. И хотя вслѣдствіе привычки всякій разъ что-нибудь воображать, когда я мыслю о тѣлесной вещи, мнѣ и въ данномъ случаѣ будетъ представляться *смутно* нѣкоторая фигура, но очевидно, что эта фигура будетъ не тысячегранникъ, ибо нисколько въ сущности не будетъ отличаться отъ той фигуры, какую я представлялъ-бы себѣ, если бы думалъ о десятитысячегранникѣ или о другой какой угодно фигурѣ съ очень большимъ количествомъ сторонъ, и она нисколько не поможетъ мнѣ открыть свойства, которыми тысячегранникъ отличается отъ другихъ многогранниковъ. Когда же дѣло идетъ о пятигранникѣ, то я не только могу и безъ помощи воображенія понять его фигуру, какъ и фигуру тысячегранника, но могу даже воображать её, обращая умственный взоръ на пять его сторонъ, а вмѣстѣ и на заключенную между ними площадь. Здѣсь я ясно вижу, что мнѣ нужно нѣкоторое особое напряженіе духа, чтобы воображать, коимъ я не пользуюсь, чтобы уразумѣвать и понимать. Это новое напряженіе ясно показываетъ разницу между воображеніемъ и чистымъ разумѣніемъ. При этомъ я замѣчаю, что присущая мнѣ сила воображенія, насколько оно отличается отъ силы разумѣнія, нисколько не необходима для моей сущности, т. е., для сущности моего ума, ибо хотя бы ея у меня не было, я несомнѣнно остался бы тѣмъ-же самымъ, каковъ я теперь. Отсюда, кажется, слѣдуетъ, что она зависитъ отъ нѣкоторой отличной отъ меня вещи. И я хорошо понимаю, что если существуетъ нѣкоторое тѣло, съ коимъ мой умъ имѣетъ такое отношеніе, что можетъ по желанію обращаться къ его разсмотрѣнію, то возможно, что именно этимъ способомъ я *воображаю* тѣлесныя вещи. Такъ что этотъ способъ мышленія отличается отъ чистаго разумѣнія только тѣмъ, что умъ при

разумѣніи обращается нѣкоторымъ образомъ къ самому себѣ и разсматриваетъ какую-нибудь изъ идей, присущихъ ему самому, а при воображеніи обращается къ тѣлу и разсматриваетъ въ немъ что-нибудь согласно идеѣ или непосредственно имъ уразумѣваемой или полученной чрезъ чувства. Я понимаю, что воображеніе можетъ возникать такимъ образомъ, если конечно существуютъ тѣла, и такъ какъ никакой другой способъ не представляется болѣе удобнымъ для его объясненія, то я съ вѣроятностью предполагаю, что тѣла существуютъ. Это только *вѣроятное* заключеніе, потому что хотя я и тщательно все изслѣдую, однако еще не вижу, какой аргументъ можно получить изъ той раздѣльной идеи о тѣлесной природѣ, какую я нахожу въ моемъ воображеніи, чтобы съ необходимостью заключать къ существованію какого нибудь тѣла.

Кромѣ той тѣлесной природы, которая служитъ предметомъ чистой математики, я обыкновенно воображаю и многое другое, напр., цвѣта, звуки, вкусы, боль и под. И такъ какъ подобныя идеи я воспринимаю лучшее чувствомъ, чрезъ посредство котораго, повидимому при помощи памяти, онѣ становятся предметомъ воображенія, то чтобы удобнѣе говорить о нихъ, я думаю, должно вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдовать, что такое чувство, и посмотрѣть, не могу ли я получить достовѣрнаго доказательства въ пользу существованія тѣлесныхъ вещей изъ идей, воспринимаемыхъ тѣмъ способомъ познанія, который я называю чувствомъ. Прежде всего я здѣсь припомню все то, что изъ полученнаго мною чрезъ чувства я до сихъ поръ считалъ истиннымъ и по каковымъ причинамъ считалъ это таковымъ, потомъ я взвѣшу причины, въ силу которыхъ я усумнился во всемъ этомъ, и наконецъ посмотрю, что я объ этомъ самомъ долженъ принимать за достовѣрное теперь.—Итакъ сначала я чувствовалъ, что имѣю голову, руки, ноги и прочіе члены, изъ которыхъ состоитъ это тѣло, которое я разсматривалъ какъ часть самого себя. Я чувствовалъ далѣе, что тѣло мое находится среди многихъ другихъ, отъ которыхъ оно можетъ получать разныя удобства и неудобства. Удобства я замѣчаю чрезъ нѣкоторое чувство удовольствія, а неудобства чрезъ чувство боли. Кромѣ удовольствія и боли я ощу-

щаль въ себѣ голодъ, жажду и другіе подобнаго рода позывы (appetitus), а также нѣкоторыя тѣлесныя расположенія къ веселости, къ грусти, къ гнѣву и другимъ подобнымъ аффектамъ. Виѣ-же меня, кромѣ протяженія, флгуры и движенія тѣлѣ, я замѣчалъ въ тѣлахъ твердость, теплоту и другія осязаемыя (познаваемыя чрезъ прикосновеніе) качества. Кромѣ того, замѣчалъ свѣтъ, цвѣта, запахи, вкусы, звуки; разнообразіе ихъ позволяло мнѣ различать небо, землю, море и прочія тѣла. Разсматривая идеи всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя открывались моему мышленію и кои однѣ я въ собственномъ смыслѣ и непосредственно ощущалъ, я не безъ основанія полагалъ, что ощущаю нѣкоторыя вещи, совершенно отличныя отъ моего мышленія, а именно—тѣла, отъ которыхъ приходятъ эти идеи. Ибо я по опыту зналъ, что послѣднія представляются мнѣ безъ всякаго моего соизволенія, такъ что я, хотя бы и желалъ, не имѣлъ возможности ощущать какого-нибудь предмета, если онъ не подлежалъ какому-нибудь органу чувствъ, и не въ моей власти было его не ощущать, когда онъ подлежалъ. И такъ какъ идеи, получаемыя чрезъ чувство, были гораздо живѣе, впечатлительнѣе и въ своемъ родѣ даже раздѣльнѣе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кои я, какъ одаренный умомъ и знаніемъ, образовывалъ чрезъ размышленіе или находилъ запечатлѣнными въ моей памяти, то мнѣ казалось, что не можетъ быть, чтобы эти чувственные идеи происходили отъ меня самого. Оставалось поэтому, чтобы онѣ привходили ко мнѣ отъ другихъ какихъ-то вещей, а вслѣдствіе того, что кромѣ этихъ самыхъ идей я не получалъ больше ни откуда никакого познанія объ указанныхъ вещахъ, мнѣ не могло придти на мысль что-нибудь другое, какъ только то, что эти идеи подобны вещамъ. Вспоминая при этомъ, что чувствомъ я пользовался раньше, чѣмъ разумомъ, и замѣчая, что идеи, которыя я самъ образовывалъ, уступаютъ въ живости и впечатлительности идеямъ, получаемымъ чрезъ чувства, и что весьма многія изъ первыхъ (идей) слагаются даже изъ частей послѣднихъ, я легко убѣждался, что у меня нѣтъ въ разумѣ рѣшительно ничего, чего бы прежде я не имѣлъ въ чувствахъ. Не безъ основанія также это тѣло, которое я называлъ моимъ по нѣкоторому особен-

ному праву, я считалъ принадлежащимъ мнѣ болѣе, чѣмъ что нибудь другое: я, вѣдь никогда не могъ отдѣлиться отъ него, какъ отъ всего другого, въ немъ и чрезъ него я чувствовалъ всѣ позывы и волненія; наконецъ, въ его частяхъ, а не въ какихъ-то находящихся внѣ его, я ощущалъ боль и удовольствіе отъ щекотанія. Почему же изъ этого, не знаю какого, ощущенія боли возникала нѣкоторая душевная печаль, а изъ ощущенія щекотанія нѣкоторое удовольствіе, или почему это, не знаю какое, сосаніе въ желудкѣ, которое я называю голодомъ, побуждаетъ меня къ принятію пищи, а сухость въ глоткѣ къ питью и такъ далѣе—для этого я, конечно, не имѣлъ другого основанія, кромѣ того, что такъ указываетъ мнѣ природа, потому что нѣтъ рѣшительно ни какой связи (по крайней мѣрѣ которую я могъ бы повимать) между этимъ сосаніемъ и желаніемъ принять пищу или между ощущеніемъ причиняющей боль вещи и происходящимъ отъ этого ощущенія душевнымъ явленіемъ, называемымъ печалью. И относительно всего прочаго, что я думалъ объ объектахъ чувствъ, меня, казалось, научила природа, ибо я убѣдился, что это такъ, прежде чѣмъ взвѣсилъ основанія, которыми это именно доказывается. Впослѣдствіи многіе опыты мало по малу расшатали все довѣріе, какое я имѣлъ къ чувствамъ. Я замѣтилъ, что иногда башни, которыя издали казались круглыми, вблизи оказывались четырехугольными, а стоящія на ихъ фронтонахъ громадныя статуи смотрящимъ съ земли представлялись небольшими. При помощи такихъ и другихъ подобныхъ наблюденій, я понялъ, что мои сужденія о вещахъ, подлежащихъ внѣшнимъ чувствамъ, бываютъ ложны, и не только, несомнѣнно, о вещахъ подлежащихъ внѣшнимъ чувствамъ, но и внутреннимъ. Какое чувство можетъ быть болѣе внутреннимъ, чѣмъ боль? И однако я слышалъ нѣкогда отъ лицъ, у которыхъ была отнята нога, или рука, что имъ казалось, будто они еще иногда чувствуютъ боль въ недостававшей у нихъ части тѣла, такъ что оказывалось, что я не могу быть увѣренъ въ томъ, что у меня болитъ какой-нибудь органъ, хотя бы я чувствовалъ въ немъ боль. Къ этимъ двумъ общимъ причинамъ сомнѣнія я недавно (см. I разм.) прибавилъ и другія. Первая была та, что изъ

ощущаемаго мною когда-нибудь въ бодрственномъ состояніи, я не нашель ничего, чего не могъ бы, повидимому, чувствовать во снѣ, а такъ какъ я не вѣрю, чтобы то, что я, какъ мнѣ кажется, чувствую во снѣ, имѣло причину въ вещахъ внѣ меня находящихся, то я не вижу, почему я съ большимъ основаніемъ думалъ-бы это о томъ, что я, какъ мнѣ кажется, чувствую въ бодрственномъ состояніи. Вторая была та, что такъ какъ я еще не зналъ виновника моего происхожденія или по крайней мѣрѣ воображалъ, что не знаю Его, то я не видѣлъ никакого препятствія, въ силу котораго я по самой природѣ не могъ бы быть таковымъ, чтобы ошибаться даже въ томъ, что мнѣ представлялось самымъ истиннымъ. Что-же касается тѣхъ основаній, по которымъ я былъ раньше убѣжденъ въ истинности чувственныхъ вещей, то я отвѣчалъ на нихъ безъ затрудненія. Ибо такъ какъ оказывается, что природа побуждаетъ меня ко многому, отъ чего удерживаетъ разумъ, то я полагалъ, что не особенно должно довѣрять тому, чему учитъ она. И хотя бы воспріятія чувствъ не зависѣли отъ моей воли, однако поэтому не слѣдуетъ, думалъ я, заключать, что они происходятъ отъ вещей отличныхъ отъ меня, такъ какъ можетъ и во мнѣ самомъ быть нѣкая способность—ихъ виновница, мнѣ еще пока неизвѣстная.—Теперь-же, послѣ того какъ я приобрѣлъ нѣкоторое познаніе о себѣ самомъ и о виновникѣ моего происхожденія, я думаю, что хотя не все изъ того, что я имѣю повидимому чрезъ чувства, должно слѣпо принимать, но и не все съ другой стороны должно подвергать сомнѣнію. И прежде всего такъ какъ я знаю, что все представляемое ясно и раздѣльно можетъ быть создано Богомъ именно такъ, какъ я это себѣ представляю, то достаточно, если я могу представить ясно и раздѣльно одну вещь безъ другой, чтобы быть увѣреннымъ, что одна дѣйствительно отлична отъ другой, ибо по крайней мѣрѣ Богомъ она можетъ быть создана особо. И чтобы считать ихъ различными, не важно, какая сила производитъ это различіе. Поэтому изъ того самаго, что я убѣждалъ въ своемъ существованіи и что я въ то-же время не замѣчаю рѣшительно ничего другого относящагося къ моей природѣ или сущности, кромѣ того одного, что я вещь мысля-

щая, я правильно заключаю, что моя сущность въ томъ одномъ и состоитъ, что я вещь мыслящая. И хотя, можетъ быть (или лучше, какъ я скажу послѣ—несомнѣнно) я имѣю тѣло, тѣснѣйшимъ образомъ со мной соединенное, но такъ какъ я съ одной стороны имѣю ясную и раздѣльную идею о самомъ себѣ, какъ о вещи только мыслящей, не протяженной, а съ другой раздѣльную идею о тѣлѣ, какъ о вещи только протяженной, не мыслящей, то достовѣрно, что я на самомъ дѣлѣ отличенъ отъ моего тѣла и могу существовать безъ него.

Кромѣ того, я нахожу въ себѣ способности съ присущими имъ нѣкоторыми особыми способами познанія, разумѣю способность воображенія и чувствованія, безъ которыхъ я могу представлять ясно и раздѣльно себя, но не наоборотъ—не могу представить ихъ безъ меня, т. е. безъ субстанціи разумной, которой онѣ принадлежатъ, ибо по своему формальному понятію (*in suo formali conceptu*) онѣ заключаютъ нѣкоторую степень разумнія, отсюда я вижу, что эти способности различаются отъ меня, какъ модусы отъ вещи. Я замѣчаю также нѣкоторыя другія способности, какъ то: перемѣнять мѣсто, принимать различныя положенія и под.; онѣ, конечно, не болѣе предъидущихъ могутъ быть поняты безъ нѣкоторой субстанціи, которой бы онѣ принадлежали, а потому и не могутъ существовать безъ нея. Но очевидно, что эти послѣднія способности, если онѣ, конечно, существуютъ, должны принадлежать субстанціи тѣлесной или протяженной, а не разумной, потому что въ ясномъ и раздѣльномъ понятіи о нихъ содержится нѣкоторое протяженіе, но рѣшительно никакого разумнія. Итакъ, безъ сомнѣнія есть во мнѣ нѣкоторая пассивная способность ощущенія или воспріятія и познанія идей чувственныхъ вещей, но я не могъ бы дать ей никакого приложенія, если бы не существовала или во мнѣ, или въ комъ-нибудь другомъ нѣкоторая активная сила произведенія или образованія идей. Эта активная сила, безспорно, не можетъ быть во мнѣ, такъ какъ не предполагаетъ рѣшительно никакого разумнія, и идеи эти возникаютъ безъ всякаго моего участія и даже часто противъ воли. Остается такимъ образомъ ей быть въ нѣкоторой отличной отъ меня субстанціи, въ которой поэтому въ той же мѣрѣ

или преимущественной должна находиться вся реальность, заключающаяся объективно въ произведенныхъ этою силою идеяхъ. (Какъ я выше замѣтилъ), эта субстанція есть или тѣло, т. е., тѣлесная природа, въ которой содержится, конечно, формально все то, что въ идеяхъ объективно, или это Богъ, или какое нибудь твореніе болѣе высокое чѣмъ тѣло, въ которомъ объективное содержаніе идей заключается въ избыточествующей степени. Но Богъ не можетъ вводить въ обманъ, поэтому ясно, что онъ не посылаетъ этихъ идей непосредственно отъ себя или чрезъ посредство даже какого нибудь (высшаго) творенія, въ которомъ объективная ихъ реальность содержится не формально, но только въ избыточествующей степени. Ибо такъ какъ Онъ не далъ мнѣ никакой способности узнать такой источникъ идей, а напротивъ далъ сильную склонность вѣрить, что эти идеи происходятъ отъ тѣлесныхъ вещей, то я не вижу, почему можно было бы не считать Его обманывающимъ, если бы идеи происходили не отъ тѣлесныхъ вещей, а отъ какого-нибудь другого источника. Поэтому тѣлесныя вещи существуютъ. Можетъ быть, однако, что не всѣ онѣ существуютъ совсѣмъ такими, какими ихъ представляютъ мнѣ чувства, потому что это чувственное свидѣтельство въ большинствѣ очень темно и смутно; но по крайней мѣрѣ въ нихъ есть все, что я представляю ясно и раздѣльно, это—всеобщее, служащее предметомъ чистой математики.

Что же касается до остальнаго, что оказывается или только частностями, какъ напр., солнце имѣетъ такую величину или фигуру и под., или что оказывается менѣе ясно представляемымъ, какъ свѣтъ, звукъ, боль и под., то хотя все это весьма сомнительно и недостоверно, однако то обстоятельство, что Богъ не обманываетъ и что поэтому не можетъ быть, чтобы въ моихъ мнѣніяхъ оказалась какая-нибудь ложь, если бы во мнѣ не было никакой способности, данной Богомъ для избѣжанія ея, подаютъ мнѣ вѣрную надежду на достиженіе истины даже въ такихъ вещахъ. И нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что все, чему научаетъ меня природа, заключаетъ въ себѣ нѣчто истинное. Ибо подъ природой, рассматриваемой вообще, я теперь разумѣю не что иное, какъ или самого Бога, или уста-

новленный Богомъ порядокъ сотворенныхъ вещей, а подъ своей природой въ частности—не иное что, какъ совокупность всего того, чѣмъ меня надѣлилъ Богъ. Яснѣе-же всего эта природа меня учитъ тому, что я имѣю тѣло, которое терпитъ страданіе, когда я испытываю голодъ, жажду и под., и потому я не долженъ сомнѣваться въ томъ, что здѣсь есть вѣчно истинное.—Природа чрезъ это ощущеніе боли, голода, жажды и пр. указываетъ мнѣ, что я не только нахожусь въ моемъ тѣлѣ какъ кормчій въ кораблѣ, но что я столь тѣсно соединенъ и какъ бы смѣшанъ съ тѣломъ, что составляю съ нимъ одно цѣлое. Въ противномъ случаѣ, когда тѣло мое ранено, я, если бы былъ исключительно мыслящею вещью, не чувствовалъ-бы отъ этого боли, но узнавалъ бы объ этой ранѣ однимъ разумомъ, какъ кормчій узнаетъ зрѣніемъ, если что-нибудь ломается на кораблѣ. И когда мое тѣло имѣетъ нужду въ пищѣ и питьи, то я объ этомъ имѣлъ бы ясное познаніе, а не смутныя ощущенія голода и жажды. Ибо ощущенія эти—голода, боли и пр. суть не иное что, какъ нѣкоторыя смутныя модусы познанія, происходящія отъ соединенія и какъ бы смѣшенія души съ тѣломъ.—Кромѣ того, природа учитъ меня, что кругомъ моего тѣла существуютъ другія тѣла; изъ нихъ къ нѣкоторымъ я долженъ стремиться, другихъ избѣгать. И изъ того, что я ощущаю весьма различныя цвѣта, звуки, запахи, вкусы, теплоту, твердость и под., я вполне правильно заключаю, что и въ тѣлахъ, отъ коихъ происходятъ эти разнообразныя чувственныя воспріятія, есть нѣкоторыя различія, соответствующія послѣднимъ, хотя можетъ быть и не похожія ни на нихъ. А изъ того, что нѣкоторыя изъ этихъ чувственныхъ воспріятій пріятны, другія-же—непріятны, становится вполне яснымъ, что тѣло мое, или лучше весь я, какъ состоящій изъ тѣла и души, могу испытывать отъ окружающихъ меня тѣлъ благопріятныя или неблагопріятныя вліянія.—Есть и многое другое, чему я повидимому наученъ природой, а въ дѣйствительности получаю отъ нѣкоторой привычки необдуманно составлять сужденіе, почему оно часто оказывается ложнымъ. Таково мнѣніе о томъ, что всякое пространство, въ которомъ не оказывается рѣшительно ничего дѣйствующаго на мои чувства, пусто; что въ тѣ-

лѣ, напр., тепломъ есть нѣчто вполне похожее на идею теплоты, которая у меня есть; что въ бѣломъ или зеленомъ тѣлѣ есть тотъ-же ощущаемый мною бѣлый или зеленый цвѣтъ, въ горькомъ или сладкомъ тотъ-же вкусъ и такъ далѣе; что и звѣзды, и башни, и всякія другія отдаленныя тѣла имѣютъ только такую величину и фигуру, какая представляется моимъ чувствамъ, и т. под. Чтобы въ этомъ вопросѣ не оказалось для меня чего-нибудь недостаточно яснаго, я долженъ точнѣе опредѣлить, что собственно я разумѣю, когда говорю, что меня чему-нибудь учить природа. Природу я здѣсь беру въ болѣе узкомъ смыслѣ, именно какъ совокупность всего того, чѣмъ я надѣленъ отъ Бога. Въ этой совокупности заключается многое, что относится къ одному только уму, какъ, напр., что я воспринимаю, какъ совершившееся не можетъ быть не совершившимся, и все прочее, что открывается естественному разумѣнію, о чемъ я здѣсь не веду рѣчи. Многое относится къ одному только тѣлу, — что оно, напр., тяготѣетъ книзу и под., о чемъ я тоже не говорю. Я имѣю въ виду только то, чѣмъ надѣленъ отъ Бога я, какъ состоящій изъ души и тѣла. Вотъ эта именно природа и научаетъ меня избѣгать всего, причиняющаго чувство боли, и стремиться ко всему, доставляющему чувство удовольствія. Но не видно, чтобы она насъ научала, кромѣ того дѣлать изъ этихъ чувственныхъ воспріятій безъ предварительнаго изслѣдованія разумомъ какія-нибудь заключенія о вещахъ внѣ насъ находящихся, такъ какъ знать истину о нихъ принадлежитъ повидимому, одному только уму, а не всему составу природы человѣка. Такимъ образомъ хотя всякая звѣзда не болѣе дѣйствуетъ на мой глазъ, чѣмъ пламя незначительной свѣчки, однако нѣтъ во мнѣ никакой реальной или положительной склонности вѣрить, что звѣзда дѣйствительно не болѣе этого пламени, но такъ безъ разсужденія я привыкъ думать съ малыхъ лѣтъ; и хотя подходя къ огню, я чувствую теплоту, а подходя къ нему очень близко, чувствую даже боль, однако на самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого убѣдительнаго основанія приписывать огню что-нибудь похожее на эту теплоту, равно какъ и на эту боль, но только, безспорно, въ немъ есть нѣчто, что бы это ни было, что производитъ въ насъ это чувство.

теплоты и боли. И хотя въ какомъ-нибудь пространствѣ нѣтъ ничего, дѣйствующаго на мои чувства, однако отсюда не слѣдуетъ, что въ немъ нѣтъ никакого тѣла. Изъ этого я вижу только, что въ этихъ и во множествѣ другихъ случаевъ я привыкъ извращать порядокъ природы. Именно: чувственные воспріятія даны природой собственно только для того, чтобы душа могла различать вещи, благопріятствующія тому сложному цѣлому, котораго часть она составляетъ, и неблагопріятствующія, и для этой цѣли чувственные воспріятія оказываются ясными и раздѣльными, а я пользуюсь ими какъ надежными руководителями для распознаванія, въ чемъ состоитъ сущность находящихся внѣ насъ вещей, относительно чего они даютъ неясныя и самыя смутныя указанія.

Раньше я уже достаточно разсмотрѣлъ, какимъ образомъ, безъ противорѣчія благости Божіей, сужденія мои могутъ казаться ложными. Здѣсь же возникаетъ новое подобное затрудненіе относительно именно того, къ чему по указанію природы я долженъ стремиться и чего избѣгать, а также и относительно внутреннихъ чувствъ, въ которыхъ я, кажется, замѣтилъ ошибки, такъ, напр., когда кто-нибудь, обманутый пріятнымъ вкусомъ пищи, принимаетъ скрытый въ ней ядъ. Правда, въ такомъ случаѣ каждый побуждается природою только къ тому, что въ чемъ имѣетъ пріятный вкусъ, а не къ яду, о которомъ рѣшительно ничего не знаетъ, и отсюда ничего другого нельзя вывести, какъ только то, что сама эта природа не всевѣдуща, что нисколько не удивительно, ибо такъ какъ человѣкъ есть существо ограниченное, то ему и соотвѣтствуютъ лишь ограниченныя совершенства. Но вѣдь нерѣдко мы ошибаемся въ томъ, къ чему именно и побуждаетъ насъ природа, такъ бываетъ, когда, напр. больные стремятся къ питью и пищѣ, которыя чрезъ нѣкоторое время принесутъ имъ вредъ. Можетъ быть, здѣсь возможно возразить, что таковые ошибаются потому, что природа ихъ разстроена. Но это не устраняетъ затрудненія, ибо больной человѣкъ на столько же несомнѣнно, есть твореніе Божіе, какъ и здоровый, и поэтому настолько же невозможно ему, повидимому, имѣть отъ Бога обманывающую природу. Какъ часы, составленные изъ колесъ

и гирь, не менѣе точно исполняютъ всѣ законы природы и въ томъ случаѣ, когда они плохо сдѣланы и неправильно показываютъ время, какъ и въ томъ, когда они во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяютъ желаніямъ мастера; такъ точно должно быть, если я разсматриваю тѣло человѣка какъ нѣкоторый механизмъ, такимъ образомъ приспособленный и составленный изъ костей, нервовъ, мускуловъ, венъ, крови и кожи, чтобы онъ, даже при отсутствіи въ немъ всякаго ума, имѣлъ однако всѣ тѣ самыя движенія, какія въ немъ происходятъ и теперь безъ вліянія воли и потому безъ участія размышленія. Я легко вижу, что для такого механизма будетъ одинаково естественно, какъ то, если онъ, страдая, напр., водянкою, испытываетъ ту сухость въ глоткѣ, которая обыкновенно сказывается для души ощущеніемъ жажды, и отъ этого его нервы и прочія части приходятъ въ такое состояніе, что онъ принимаетъ питье, и чрезъ то лишь увеличиваетъ болѣзнь, такъ и то, если, при отсутствіи въ немъ всякой такой болѣзни, подобною сухостью глотки онъ побуждается къ принятію полезнаго для себя питья. И хотя, имѣя въ виду предназначеніе часовъ, я могу сказать, что неправильно показывающіе время часы уклоняются отъ своей природы; хотя, равнымъ образомъ, разсматривая механизмъ человѣческаго тѣла, какъ приспособленный къ движеніямъ, въ немъ обыкновенно происходящимъ, я думаю, что онъ также не слѣдуетъ своей природѣ, если въ его глоткѣ бываетъ сухость въ то время, какъ питье не благопріятствуетъ его сохраненію; однако я хорошо замѣчаю, что это послѣднее пониманіе природы много разнится отъ того другого. Послѣднее есть не что иное, какъ только названіе (*denominatio*), зависящее отъ моего мышленія, которое сравниваетъ человѣка больного и часы плохо сдѣланные съ идеей человѣка здороваго и часовъ хорошо устроенныхъ, и потому внѣшнее по отношенію къ вещамъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Подъ природою-же въ томъ другомъ смыслѣ я разумѣю то, что дѣйствительно находится въ вещахъ и потому до известной степени истинно. Впрочемъ, хотя по отношенію къ тѣлу, страдающему водянкою, пусть будетъ внѣшнимъ названіемъ, когда говорится что природа его испорчена, по той причинѣ, что у него является сухость въ глоткѣ въ то время, какъ оно не нуждается въ питьи, по по-

отношенію къ цѣлому составу человѣческой природы, или души, соединенной съ такимъ тѣломъ, то обстоятельство, что послѣднее жаждетъ въ то время, какъ питье должно принести ему лишь вредъ, не будетъ простымъ названіемъ, а настоящей ошибкой природы. Поэтому здѣсь остается изслѣдовать, какимъ образомъ благодать Божія не воспрепятствуетъ въ этомъ смыслѣ понимаемой природѣ быть обманчивою.

Прежде всего я здѣсь обращаю вниманіе на то, что есть большая разница между душою (умомъ) и тѣломъ въ томъ, что тѣло по природѣ своей всегда дѣлимо, душа-же совершенно недѣлима, ибо безспорно, когда я рассматриваю ее или меня самого, какъ вещь только мыслящую, я не могу различать въ себѣ никакихъ частей, но понимаю, что я вещь совершенно единая и цѣльная. И хотя, повидимому вся душа соединена со всѣмъ тѣломъ, однако я не замѣчаю, чтобы она что-нибудь теряла съ отнятіемъ ноги или руки или какой угодно другой части. Даже способности желанія, чувствованія, разумѣнія и прочія не могутъ быть названы ея частями, потому что одна и та же душа желаетъ, чувствуетъ и разумѣетъ. Напротивъ того, никакая тѣлесная или протяженная вещь не можетъ быть мыслима мною безъ того, чтобы я вмѣстѣ съ тѣмъ легко не раздѣлялъ ее своимъ мышленіемъ на части и не представлялъ ее поэтому самому дѣлимой. Этого одного было-бы достаточно, чтобы я убѣдился въ совершенномъ отличіи души отъ тѣла, если бы относительно этого ничего иного и не зналъ. Далѣе, я обращаю вниманіе на то, что душа подвержена вліянію не каждой части тѣла непосредственно, но одного мозга или даже, можетъ быть, незначительной его части, именно той, въ которой, какъ говорятъ, находится „общее чувствилище“ (*sensus communis*). Всякій разъ какъ послѣднее находится въ одномъ и томъ же состояніи, и въ душѣ происходитъ одно и то же, хотя бы прочія части тѣла находились въ это время въ различныхъ состояніяхъ: что доказываютъ безчисленные опыты, перечислять которые здѣсь нѣтъ нужды. Обращаю вниманіе также еще, что природа тѣла такова, что ни одна его часть не можетъ быть приведена въ движеніе другою нѣсколько отдаленною частью, безъ того, чтобы еще она не могла быть приведена въ такое-

же движеніе любою изъ промежуточныхъ частей, хотя бы та, болѣе отдаленная, часто оставалась въ бездѣйствіи. Такъ, напр. если канать а, b, c, d тянуть за послѣднюю его часть d, то первая его часть а будетъ двигаться такимъ же самымъ образомъ, какъ она могла бы двигаться, если бы тянули за одну изъ промежуточныхъ b или c, а послѣдняя d оставалась неподвижною. Равнымъ образомъ, когда я чувствую боль въ ногѣ, то физика меня учитъ, что это чувство производится посредствомъ разсѣянныхъ по ногѣ нервовъ, которые оттуда протянуты къ мозгу на подобіе канатовъ. Когда ихъ тянуть въ ногѣ, то тянуть также и внутреннія части мозга, до которыхъ нервы достигаютъ, и возбуждаютъ въ нихъ нѣкоторое движеніе, установленное природою для того, чтобы душа испытала чувство боли, какъ бы въ ногѣ находящеяся. Но такъ какъ эти нервы, чтобы дойти отъ ноги до мозга, должны проходить по голени, бедру, крестцу, спинѣ и шеѣ, то можетъ случиться, что какая-нибудь изъ указанныхъ промежуточныхъ частей, хотя бы при этомъ къ находящейся въ самой ногѣ части нервовъ и не прикасались, произведетъ въ мозгу совершенно то-же самое движеніе, какое бываетъ при страданіи ноги; и вотъ вслѣдствіе этого необходимо произойдетъ то, что душа почувствуетъ ту-же самую боль. Это-же нужно думать и о всякомъ другомъ чувствѣ.—Наконецъ, я обращаю вниманіе на то, что такъ какъ каждое движеніе, происходящее въ той части мозга, которая непосредственно дѣйствуетъ на душу, возбуждаетъ въ ней только одно какое-нибудь чувство, то нельзя ничего лучшаго представить въ этомъ случаѣ, какъ если оно возбуждаетъ именно то чувство, которое изъ всѣхъ возможныхъ наиболѣе и найчаще способствуетъ сохраненію здороваго человѣка. Опытъ свидѣтельствуетъ, что таковы всѣ чувства, дарованныя намъ природою, и потому въ нихъ нельзя найти рѣшительно ничего, что-бы не говорило о могуществѣ и благодати Божіей. Такимъ образомъ когда, напримѣръ, находящіеся въ ногѣ нервы чрезмѣрно и необычайно приводятся въ движеніе, то это ихъ движеніе, достигая чрезъ мозгъ спинного хребта, до внутреннихъ частей головного мозга, здѣсь даетъ душѣ поводъ къ какому нибудь чувству, именно къ чувству боли въ

ногѣ; а этимъ душа побуждается удалить, насколько это въ ея силахъ, причину этой боли, какъ опасную для ноги. Богъ могъ бы, конечно, устроить природу человѣка такъ, чтобы указанное движеніе въ мозгу говорило душѣ о чемъ нибудь другомъ, на примѣръ, о себѣ самомъ, какъ находящемся въ мозгу или въ ногѣ, или въ какомъ нибудь изъ промежуточныхъ мѣстъ, или наконецъ, о чемъ бы то ни было другомъ. Но нѣчто подобное не служило бы въ равной мѣрѣ сохраненію тѣла. Равнымъ образомъ когда мы имѣемъ потребность пить, то происходитъ отсюда нѣкоторая сухость въ глоткѣ, приводящая въ движеніе ея нервы, а посредствомъ ихъ и болѣе внутреннія части мозга. Это движеніе возбуждаетъ въ душѣ чувство жажды, такъ какъ ничто въ этомъ случаѣ не можетъ быть намъ болѣе полезно, какъ знать, что намъ нужно питье для сохраненія здоровья.—Изъ всего сказаннаго ясно, что природа человѣка, какъ состоящая изъ души и тѣла, безъ противорѣчія высочайшей благодати Божіей, можетъ иногда ошибаться. Ибо если совершенно то же самое движеніе (въ мозгу), какое обыкновенно возникаетъ при страданіи ноги, возбуждается причиной, находящейся не въ ногѣ, но въ какой-нибудь изъ частей, чрезъ которыя проходятъ нервы отъ ноги къ мозгу, или даже въ самомъ мозгу, то боль будетъ чувствоваться какъ-бы въ ногѣ, и ощущеніе естественно будутъ обманывать. Но такъ какъ указанное движеніе въ мозгу можетъ вызывать въ душѣ всегда одно и то же ощущеніе и гораздо чаще происходитъ отъ причины, поражающей ногу, чѣмъ отъ всякой другой дѣйствующей въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, то вполне согласно съ разумомъ, чтобы оно всегда говорило о чувствѣ боли скорѣе въ ногѣ, чѣмъ въ какой-нибудь другой части. И если когда-нибудь сухость въ глоткѣ происходитъ не оттого, какъ это бываетъ обыкновенно, что питье благопріятствуетъ здоровью, но по нѣкоторой противоположной причинѣ, какъ это бываетъ у больного водяной, то гораздо лучше, что эта сухость обманываетъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ, чѣмъ если бы напротивъ она обманывала всегда, когда тѣло находится въ хорошемъ состояніи. И такъ нужно думать о прочихъ случаяхъ. Сдѣланное обсужденіе весьма полезно не только потому, что я вижу всѣ ошибки, кото-

рымъ подвержена моя природа, но и легко могу или исправлять ихъ, или избѣгать. Ибо такъ какъ я знаю, что всѣ чувства гораздо чаще говорятъ истину, чѣмъ ложь, о томъ, что служить благополучію тѣла, и для провѣрки этого могу пользоваться почти всегда весьма многими изъ нихъ, и сверхъ того памятью, которая связываетъ настоящее съ прошедшимъ, и разумомъ, который только что разсмотрѣлъ всѣ причины ошибокъ, то, конечно, я болѣе не долженъ бояться, что ложно то, о чемъ мнѣ ежедневно говорятъ чувства, и преувеличенныя сомнѣнія предшествующихъ дней, должны быть брошены, какъ достойныя посмѣвія. Особенно это должно сказать о томъ величайшемъ сомнѣніи, когда я не отличалъ сна отъ бодрственнаго состоянія, ибо я теперь вижу, что между тѣмъ и другимъ громадное различіе въ томъ, что сновидѣнія не связываются памятью со всѣми прочими актами жизни, подобно явленіямъ бодрственнаго состоянія. Конечно, если кто-нибудь явится мнѣ въ бодрственномъ состояніи вдругъ и тотчасъ послѣ этого исчезнетъ, при чемъ, разумѣется такъ, чтобы я не видѣлъ, какъ это бываетъ во снѣ, ни откуда онъ пришелъ, ни куда ушелъ, то я счелъ бы скорѣе его привидѣніемъ, призрачнымъ представленіемъ, возникшимъ въ моемъ мозгу, чѣмъ дѣйствительнымъ человѣкомъ. Когда же происходятъ такія вещи, о которыхъ я раздѣльно вижу, почему, гдѣ и когда онѣ со мной случаются, и воспріятіе которыхъ я безъ всякаго перерыва поставляю въ связь со всей остальной жизнью, то я вполне увѣренъ, что онѣ происходятъ со мной не во снѣ, а наяву. И я не долженъ ничуть сомнѣваться въ ихъ истинности, если, послѣ того какъ я призвалъ всѣ чувства, память и разумъ для провѣрки ихъ, ни одинъ изъ этихъ критеріевъ не открываетъ ничего, противорѣчащаго показаніямъ другихъ. Ибо изъ того, что Богъ не обманываетъ, слѣдуетъ, что я въ такихъ случаяхъ не ошибаюсь нисколько. А такъ какъ требованія житейской практики не всегда допускаютъ необходимой для такой строгой провѣрки медлительности, то должно сознаться, что жизнь человѣческая въ частныхъ случаяхъ подвержена частымъ ошибкамъ, и признать слабость нашей природы.

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Октября № 20. 1899 года.

Содержаніе. Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа п. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектанствомъ селеній.— Отчетъ Епархіальнаго Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 1897/8 учебный годъ.—Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 21 сентября настоящаго года.—Журналы Съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго 1 сентября 1899 г.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа н. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектанствомъ селеній.

Сектанство въ Харьковской епархіи съ первыхъ дней его появленія встрѣтило энергическій отпоръ со стороны епархіальнаго начальства и приходскихъ пастырей. Въ то время когда на югѣ бурнымъ потокомъ широко распространялась злокачественная штунда, Высокопреосвященный Амвросій, желая заблаговременно предохранить свою паству отъ заблужденій, еще до появленія ея въ предѣлахъ епархіи особымъ архипастырскимъ посланіемъ взывалъ къ народу и духовенству, приглашая всѣхъ вооружиться противъ „волка хищнаго, облеченнаго въ овечью одежду“. Тогда же были организованы и первыя мѣры миссіонерской борьбы съ надвигающеюся опасностію. Но пагубное сектанство, руководимое опытными и въ высшей степени хитрыми вожаками все-таки проникло и значительно распространилось въ Харьковской епархіи. По мѣрѣ его распространенія усиливались и мѣры противодѣйствія ему со стороны духовенства подъ руководствомъ учрежденнаго въ епархіи Миссіонерскаго Совѣта. Въ настоящее время Харьковская епархіальная миссія представляетъ собою значительную силу въ духовенствѣ не только со стороны внѣшней организаціи, но и по внутреннему своему состоянію.

По своей внѣшней организаціи она представляетъ тѣсный союзъ въ дѣятельности церковно-школьной, приходской, благочиннической, братской или окружной и обще-епархіальной. Во главѣ церковно-школьной и приходской миссіи стоитъ приходскій священникъ, какъ законоучитель и руководитель школьнаго образованія и воспитанія въ духѣ православной церкви и какъ главный миссіонеръ въ подвѣдомомъ ему приходѣ. Ближайшимъ его помощниками въ дѣлѣ приходской миссіи являются низшіе члены клира и, какъ показываетъ практика многихъ приходо́въ, міряне, особенно обратившіеся изъ штунды. Школа, будучи пособникомъ миссіи съ особою программой по Закону Божию для сектантскихъ селеній, является предохранительнымъ средствомъ для подрастающаго поколѣнія. Съ цѣлю объединенія приходскихъ миссій и точнаго опредѣленія состоянія приходо́въ въ религіозно-нравственномъ отношеніи въ концѣ каждаго года устраиваются такъ называемые благочинническіе съѣзды духовенства. Здѣсь на собраніи духовенства всѣхъ приходо́въ благочинія составляется общая картина состоянія сектанства въ цѣломъ благочиніи въ сравненіи съ предшествующими годами и вырабатываются путемъ совмѣстнаго обсужденія общія мѣры и средства для дальнѣйшей пастырской дѣятельности. Кроме того въ самомъ духовенствѣ чрезъ братское вліяніе членовъ его другъ на друга на этихъ съѣздахъ пробуждается сознаніе важности миссіонерскаго служенія и дѣятельнаго участія въ немъ, а трудящимся на миссіонерскомъ поприщѣ пастырямъ дается возможность найти здѣсь нравственную поддержку, помощь, и руководство. Съ тою же миссіонерскою и религіозно-просвѣтительною цѣлю въ епархіи учреждены два братства—Бѣлопольское Рождество-Богородичное и Старобѣльское Николаевское. Оба эти братства не только по своимъ цѣлямъ, но и по составу его членовъ объединяютъ собою въ ближайшихъ благочинническихъ округахъ и уѣздахъ не только лицъ духовныхъ но и свѣтскихъ, всякаго званія и состоянія. Журналы совѣщаній благочинническихъ и братскихъ округо́въ и краткіе отчеты о состояніи расколо-сектанства и миссіонерской дѣятельности въ означенныхъ районахъ представляются на разсмотрѣніе и утвержденіе Миссіонерскаго Совѣта, какъ главнаго обще-епархіальнаго миссіонерскаго органа во главѣ съ Его Высокопреосвященнымъ Предсѣдателемъ. Всѣ члены миссіонерскаго Совѣта на ряду съ епархіальнымъ миссіонеромъ суть живые дѣятели миссіи и почти исключительно лица съ академическимъ образованіемъ.

Казалось бы, что такая организація миссіонерской борьбы съ сектанствомъ должна была бы въ самомъ непродолжительномъ времени обнаружить рѣшительные плоды. Но не-дремлющее сектанство, ухищряясь въ средствахъ совращенія, упорно старается оказывать противодѣйствіе, опираясь на своихъ хитроумныхъ и свѣдущихъ руководителей. Въ лицѣ этихъ послѣднихъ духовенство теперь видитъ предъ собою не невѣжественныхъ крестьянъ, а закаленныхъ въ полемикѣ сектантовъ и даже получившихъ образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и спеціальныхъ штундовыхъ семинаріяхъ. Вслѣдствіе этого является необходимость и со стороны духовенства усовершенствоваться въ приемахъ борьбы, ибо исходъ ея всегда будетъ зависѣть отъ того, въ какую цѣль направляется нападеніе и съ той ли стороны располагается защита. Въ этомъ отношеніи и признано необходимымъ объединить разрозненные усилія единолично борющихся миссіонеровъ, сообщить имъ надлежащія указанія въ соотвѣтствіе нападкамъ со стороны сектантовъ, указать путемъ практическаго выясненія методъ борьбы съ современнымъ сектанствомъ и притомъ въ виду его живыхъ дѣятелей, — однимъ словомъ, возникла необходимость, хотя въ три года разъ, устраивать засѣданія Миссіонерскаго Совѣта съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектанствомъ селеній. Потребность въ такомъ совѣщаніи давно уже была заявляема и со стороны духовенства, особенно сельскаго. Для него было необходимо сдѣлать провѣрку собственной дѣятельности съ примѣрами другихъ и къ личному опыту присоединить руководственные указанія авторитетныхъ дѣятелей миссіи.

Первымъ опытомъ подобнаго рода миссіонерскаго совѣщанія, возбуждившимъ глубокий интересъ со стороны духовенства и имѣвшимъ неоспоримо глубокое миссіонерское значеніе, былъ Съѣздъ духовенства, открытый Высокопреосвященнымъ Амвросіемъ 18—20 августа текущаго года. Предполагая открыть совѣщаніе въ это именно время, какъ наиболѣе удобное по мѣстнымъ условіямъ, Миссіонерскій Совѣтъ заблаговременно еще въ декабрѣ прошлаго года сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія и подготовилъ все необходимое какъ съ своей стороны, такъ и со стороны имѣвшаго явиться на Съѣздъ духовенства.

Общее руководство и наблюденіе за ходомъ и направленіемъ совѣщаній Высокопреосвященнымъ Амвросіемъ было поручено профессору Богословія о. протоіерею Т. Буткевичу. Самое же рас

предѣленіе труда и степени участія въ совѣщаніяхъ между членами Миссіонерскаго Совѣта и вызванными священниками было сдѣлано слѣдующимъ образомъ.

Каждый членъ Миссіонерскаго Совѣта принялъ на себя трудъ по ознакомленію съ тѣмъ или другимъ видомъ сектанства въ епархіи, съ исторіею его возникновенія и постепеннаго развитія, съ мѣрами и способами борьбы съ нимъ и проч.; онъ же былъ в ближайшемъ руководителемъ въ бесѣдахъ съ приходскими священниками по сему предмету и въ рѣшеніи всѣхъ возникавшихъ здѣсь недоумѣній. Самъ главный руководитель совѣщательнаго собранія О. Буткевичъ взялъ на себя трудъ ознакомить духовенство съ основными догмами толстовщины не только въ ея теоретическихъ положеніяхъ, но также и съ настоящимъ ея развитіемъ и состояніемъ въ Харьковской епархіи на основаніи его личныхъ наблюденій. По предмету штундизма бесѣды были ведены г. епархіальнымъ миссіонеромъ кандидатомъ богословія Д. И. Боголюбовымъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и руководителемъ совѣщаній по вопросамъ, касающимся этого предмета. Съ сектой хлыстовъ Собраніе было ознакомлено бывшимъ епархіальнымъ миссіонеромъ, кандидатомъ богословія свящ. о. Л. И. Твердохлѣбовымъ; со скопчествомъ—кандидатомъ богословія священникомъ Мирносицею церкви въ г. Харьковѣ Н. Н. Любарскимъ; съ молоканствомъ изъявляя согласіе ознакомить свящ. Христо-Рождественской церкви кандидатъ богословія А. Ѡ. Балаховскій и, наконецъ, секретаремъ Собранія избранъ кандидатъ богословія г. епархіальный наблюдатель В. Ѡ. Давыденко.

Но чтобы сами священники были обстоятельно подготовлены къ рѣшенію разнаго рода вопросовъ, имъ въ свою очередь заблаговременно были предложены каждому въ отдѣльности особыя намѣченные Миссіонерскимъ Совѣтомъ вопросы для разработки и размышленія путемъ изученія не только существующей литературы, но главнымъ образомъ въ примѣненіи къ рѣшенію ихъ севтантами подвѣдомыхъ имъ приходоѡ. Вопросы эти по нуждамъ времени и по характеру самаго сектанства съ раціоналистическимъ характеромъ отличаясь полемическимъ характеромъ, были взяты непосредственно изъ опыта и въ своемъ рѣшеніи были направлены къ ихъ обличенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждому члену Миссіонерскаго Совѣта, равно какъ и каждому члену собранія было предоставлено право принимать участіе въ обсужденіи всѣхъ те-

кущихъ вопросовъ, такъ что самое совѣщаніе должно было носить характеръ братства, члены коего должны быть назидаемы опытомъ и знаніемъ своихъ собратьевъ.

Такимъ образомъ, это не тотъ Миссіонерскій Съѣздъ, бывшій въ 1896 г. въ г. Харьковѣ, когда духовенство подъ сильнѣйшимъ напоромъ сектантства, искало помощи и ободренія во взаимномъ совѣщаніи съ цѣлю выработки общихъ мѣръ и средствъ для борьбы съ нимъ; это и не тѣ съѣзды, устраиваемые повсемѣстно въ Россіи съ цѣлю ознакомленія съ наличнымъ состояніемъ расколо-сектантства и выработки гражданскихъ мѣръ и законоположеній по предмету борьбы съ сектанствомъ. Настоящее собраніе имѣло чисто пастырскій характеръ съ цѣлю уясненія себѣ средствъ пастырской борьбы съ врагами церкви и православія. Яснѣе всего о характерѣ и цѣляхъ Собранія можно судить на основаніи самыхъ вопросовъ, имѣвшихъ подлежать рѣшенію Съѣзда, каковыя вопросы заранѣе были представлены на разъясненіе участникамъ Съѣзда и будутъ изложены ниже.

Уже изъ простаго перечня намѣченныхъ вопросовъ видно, насколько разносторонни должны быть занятія совѣщательнаго Собранія, насколько полно и обстоятельно обнималась программа всѣхъ затрогиваемыхъ сектантами вопросовъ и какъ много вниманія и труда надлежитъ имѣть духовенству, чтобы всегда быть на высотѣ своего званія и призванія.

Хотя подобное совѣщаніе, представляя собою весьма назидательную пастырскую школу, было бы необходимо для всѣхъ вообще приходскихъ пастырей, но по нуждамъ времени и ограниченности средствъ Миссіонерскаго Совѣта было вызвано только 30 священниковъ изъ приходовъ, зараженныхъ сектанствомъ, съ предоставленіемъ права присутствовать и принимать участіе въ оныхъ и всѣмъ другимъ пастырямъ, желавшимъ прибыть сюда на свои средства. Вслѣдствіе этого независимо отъ лицъ официально вызванныхъ, по собственному желанію явилось свыше 60 священниковъ и семинаристовъ во главѣ съ о. Ректоромъ Семинаріи и свѣтскихъ лицъ, которые присутствовали не только въ качествѣ стороннихъ слушателей, но принимали также и активное участіе, всякій разъ по особому на то разрѣшенію о. предсѣдателя.

Мѣстомъ открытія засѣданія послужило Харьковское Епархіальное Женское Училище. Въ зданіи Епархіальнаго Училища, Предсѣдателемъ Совѣта Училища о. Т. Буткевичемъ и Начальницей Е. Н. Гейцыгъ, священникамъ—миссіонерамъ былъ оказанъ самый

радушный приемъ. Въ ихъ распоряженіе было отведено зданіе больницы, гдѣ они, будучи изолированы отъ самаго училища, пользовались полнымъ покоемъ. Утромъ и вечеромъ—чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, обѣдъ изъ трехъ блюдъ и ужинъ изъ одного блюда были вполне достаточными и питательными. Всѣ путевыя издержки Миссіонерскимъ Совѣтомъ приняты были за свой счетъ.

Для совѣщаній Съѣзда первоначально былъ отведенъ въ зданіи училища небольшой залъ, но стеченіе иногородняго духовенства было столь многочисленно, что вскорѣ засѣданія Съѣзда были переведены въ другой болѣе свѣтлый и обширный залъ училища.

18 августа утромъ съ благословенія Высокопреосвященнаго Владыки послѣ пѣнія „Царю Небесный“ засѣданія были открыты руководителемъ Собранія о. Т. Буткевичемъ, который въ своей задушевной и проникнутой опытомъ многолѣтней миссіонерской дѣятельности рѣчи ознакомилъ слушателей съ цѣлями и задачами настоящаго Съѣзда приблизительно въ слѣдующихъ чертахъ.

Привѣтствую васъ, досточтимые отцы и братья, съ открытіемъ настоящаго миссіонерскаго собранія. Созванные сюда волею Высокопреосвященнаго Архипастыря, дабы въ теченіе нѣсколькихъ дней путемъ совмѣстнаго обсужденія разработать вопросы о мѣрахъ дальнѣйшей пастырской борьбы съ сектанствомъ, мы искренно и со всѣмъ усердіемъ должны воспользоваться этимъ новымъ случаемъ взаимнаго познанія. Не для наставленія или полученія какихъ либо инструкцій собрались мы сюда, но для того, чтобы во взаимномъ общеніи своихъ мыслей, чувствъ и стремленій еще разъ сознать свое пастырское единеніе, чтобы укрѣпиться общимъ духомъ и, снова ободрившись, вооружиться обновленными силами противъ врага церкви, вопиющаго сектанства. Уже не въ первый разъ мы объединяемся въ тѣхъ же цѣляхъ, не въ первый разъ и мы вмѣемъ случай бесѣдовать съ вами и на мѣстахъ вашего служенія и на публичныхъ миссіонерскихъ съѣздахъ. Но если тамъ вы поучались и ожидали руководственныхъ указаній для борьбы съ сектанствомъ, то теперь, укрѣпленные въ борьбѣ съ нимъ и обогащенные миссіонерскимъ опытомъ, вы наравнѣ съ членами Миссіонерскаго Совѣта будете принимать участіе въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ, касающихся сектанства.

Будемъ же откровенны и искренны, примемъ живѣйшее участіе въ близкомъ намъ дѣлѣ,—только искреннее и самодѣятельное участіе ваше принесетъ благіе плоды Собранію и увѣнчаетъ дѣло

полнымъ успѣхомъ. Искренность создаетъ почву для единенія, а единеніе—главная основа христіанскаго братства, безъ котораго всякая миссіонерская дѣятельность будетъ слабою и бесплодною.

По духу самаго времени непостояннаго и шаткаго въ вопросахъ религіи намъ необходимо возможно близкое внутреннее единеніе. Повсюду видны намъ враги явные и тайные, постоянно умножающіеся въ своемъ количествѣ, а число друзей съ каждымъ днемъ уменьшается. Насъ не обижаетъ лишь тотъ, кто не захочетъ обидѣть.

Время наше такое, когда образованные люди, увлеченные ложнымъ либерализмомъ, идутъ въ среду народа и всевозможными способами стараются увлечь его на путь мнимой свободы, когда въ народѣ, къ нашему удивленію, подъ ихъ вліяніемъ создается живая откликъ—открытое противорелигіозное и противуправительственное движеніе, а наши передовые лже-либералы графъ Толстой, кн. Хилковъ, Чертевъ и ихъ единомышленники, обольщенные бѣсовскою горделивостью и самопѣніемъ, ища славы геростратовъ и не разбирая въ средствахъ, стараются подорвать самыя основныя вѣковые устои жизни русскаго народа: православіе, самодержавіе и народность. Для достиженія своихъ средствъ они жертвуютъ всѣмъ: они не жалѣютъ своихъ имуществъ, тратятъ деньги, не щадятъ религіи, науки и даже собственной совѣсти. Кто повѣритъ такимъ людямъ, что они ищутъ блага народнаго, кто усумнится въ томъ, что графъ Толстой, содѣйствуя выселенію несчастныхъ духоборовъ и нашихъ Павловскихъ сектантовъ, заботится объ улучшеніи ихъ благосостоянія, а не о собственной славѣ, о желаніи увизить наше правительство въ глазахъ Западной Европы, доказавъ, будто бы невозможна въ Россіи нормальная жизнь, благополучіе народа и свобода совѣсти.

Время наше, далѣе, такое, когда раціоналистическое сектанство въ видѣ самыхъ разнообразныхъ сектъ открыто и нагло борется съ церковью, создавая свою лже-церковь и вѣроученіе, когда штунда и толстовщина, расирустраняясь среди народа, распатываетъ въ корнѣ основы жизни семейной и общественной, когда нашъ по природѣ набожный народъ теряетъ преданность церкви, уваженіе къ духовенству, вѣру въ божественное откровеніе и любовь къ ближнему, когда, наконецъ, и преданность Государю начинаетъ замѣтно ослабѣвать даже среди простого народа, который какъ это было въ Павловкахъ, не постѣснялся въ присутствіи чиновника особыхъ

порученій при Оберъ-Прокурорѣ Св. Синода В. М. Скворцовѣ, въ самыхъ обидныхъ для русскаго чувства выраженіяхъ говорить объ Августѣйшей Особѣ Государя Императора.

Кому же какъ не намъ, представителямъ церкви и хранителямъ вѣры православной, надлежитъ выступить на борьбу съ врагами, кто какъ не духовенство, всегда защищавшее православную Русь отъ навѣтовъ вражійхъ и въ данное время будетъ ограждать ее отъ столь многочисленныхъ ея враговъ.

Понятно, почему духовенство такъ ненавистно Толстому съ его единомышленниками и всѣмъ вообще сектантамъ: о немъ говорятъ они не иначе какъ съ презрѣніемъ, относятся къ нему враждебно и употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобы подорвать его авторитетъ и его вліяніе на народъ. Ему не сочувствуютъ даже тогда, когда оно, ставши во главѣ дѣятелей по народному образованію, обнаружило такія учительныя силы, какихъ тщетно было бы ожидать отъ другого какого либо сословія, вѣдомства или учрежденія. Въ послѣднее время даже и печать, не щадя народныхъ чувствъ и дорогихъ его преданій, открыто выступаетъ противъ Церкви и духовенства, сляясь унижать и поколебать ее; и это не только за границей, но къ удивленію даже и у насъ въ Россіи. Вспомнимъ лже-либеральный органъ кн. Ухтомскаго, гдѣ такъ недавно на страницахъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей Дурново не устыдился бросить грязью въ самое лоно Православной Церкви—Св. Синодъ, высшихъ представителей церкви, бѣлое и черное духовенство. Къ сожалѣнію, этотъ органъ печати далеко не единичный; есть не мало и другихъ такихъ же органовъ, которые, давая убѣжище самому грубому отрицанію, признаютъ хорошимъ лишь то, что направлено противъ религіи, духовенства и существующаго государственнаго порядка.

Время наше такое, когда отрицаніе становится модною доктриною и мнимымъ признакомъ современной образованности, когда ложные учителя народа, все отвергая, на мѣсто его не даютъ ничего новаго и положительнаго, когда безпочвенность, легкомысленное отношеніе къ самымъ важнѣйшимъ вопросамъ вѣры и жизни, паденіе нравственныхъ устоевъ дѣлается удѣломъ не только людей невѣжественныхъ, но и образованныхъ, когда эти послѣдніе считаютъ сектантовъ обновленными христіанами, самое христіанство религіей отжившей и устарѣлой, а духовенство мрачною силою, задерживающею культурный ростъ народа.

Здѣсь ли не нужно пастырскихъ собраній? здѣсь ли намъ не объединяться силами и средствами борьбы съ духомъ времени?

Мало этого, необходимы намъ возможно частыя собранія и въ виду характера самаго сектанства, быстро развивающагося, крайне измѣнчиваго и непостояннаго. Сектанство — сила непрерывно ползущая и такое явленіе религіозной жизни нашего народа, съ которымъ не въ состояніи ознакомить насъ ни школа, ни наука. Школа имѣетъ дѣло съ явленіями установившимися, наука расколо-ученія подвергаетъ суду своему явленія жизни уже протекшія и отходящія въ область исторіи, оцѣнивая ихъ, такъ сказать, заднимъ числомъ. Съ такими знаніями на борьбу съ сектантами выступать нельзя. Правда, мы сильны догматическимъ образованіемъ, имѣя подъ собою твердыя начала вѣроученія и нравоученія, основанныя на Св. Писаніи и Св. Преданіи, семи вселенскихъ соборахъ, ученіи отцовъ и учителей церкви, и въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ эти истины были преподаны намъ церковію. Не то представляетъ собою сектанство; догма его ученія еще не установилась: одно принимая, другое оставляя безъ вниманія, оно не знаетъ ничего священнаго, чего бы нельзя отвергнуть и ничего такого, чего бы нельзя принять себѣ въ руководство. Еще на Казанскомъ Миссіонерскомъ Съѣздѣ, въ присутствіи 200 опытнѣйшихъ миссіонеровъ, обнаружилось, насколько разнорѣчивы и противорѣчивы между собою секты самыя родственныя, толки ученій, имѣющихъ своими представителями однихъ и тѣхъ же лицъ. Выйдя изъ отрицательнаго источника, сектанство, какъ бы задалось цѣлю, все отрицая, въ самомъ отрицаніи видѣтъ свою жизнь, не останавливаясь ни на чемъ опредѣленномъ. Такія секты, какъ? шуцда, толстовщина, хлыстовщина и даже скопчество, повидному, имѣющія общія начала своего вѣроученія, оказались столь разнохарактерными, что положительно затруднительно высказывать о нихъ общее сужденіе и рекомендовать одни и тѣ же средства борьбы съ ними. Даже въ одной и той же мѣстности, какъ напр. у насъ въ Харьковской епархіи, наблюдается самая быстрая смѣна самыхъ разнообразныхъ отгѣнковъ лжеученія однихъ и тѣхъ же сектъ, что со всею наглядностью обнаружилось изъ протоколовъ 30 миссіонерскихъ благочинническихъ съѣздовъ духовенства прошлаго года.

При такихъ условіяхъ школа и наука сами по себѣ совершенно безсильны; нужны пастырскія собранія, возможно частыя и ис-

креннія, съ цѣлію взаимнаго обмѣна мыслей и для выработки практикою указанныхъ средствъ и способовъ борьбы съ пагубнымъ сектанствомъ.

Но не только для пастырской борьбы необходимо намъ взаимное пастырское единеніе. Мы по сану своему, какъ пастыри и представители религіи, въ глазахъ гражданской власти являемся свѣдущими экспертами, къ которымъ обращаются за рѣшеніемъ, къ какой сектѣ принадлежатъ тѣ или другіе подсудимые. На основаніи одного нашего отзыва, правильнаго или ошибочнаго, судебное дѣло обанчивается или такъ или иначе. Какъ важна въ данномъ случаѣ надлежащая экспертиза: въ зависимости отъ нея сектанство падаетъ или торжествуетъ. И какъ прискорбно бываетъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ! Наши законы и безъ того такъ гуманны, какъ трудно встрѣтить даже въ Австріи, столь свободной и либеральной странѣ: вѣроотступниковъ не судить и даже не всякое сектанство отвѣтственно предъ закономъ. Закону подсудны лишь тѣ сектанты, которые, вмѣстѣ съ нарушеніемъ религіозныхъ началъ, попираютъ семейныя и общественныя основы жизни. Интересы церкви повидимому мало еще касаются нашихъ законовъ: законъ судить скончество—не за вѣрованія, но лишь за членовредительство; законъ преслѣдуетъ хлыстовство, но опять таки не за ихъ религіозныя вѣрованія, но лишь за свальный грѣхъ, разрушающій семейную жизнь и общественную нравственность.

Вотъ почему въ нашихъ рукахъ въ борьбѣ съ сектантами остаются одни лишь духовно-нравственныя средства. Время наше такое, когда нѣкоторые представители гражданской власти, которые должны были бы содѣйствовать церкви, не имѣя для этого достаточныхъ основаній и побужденій, являются не только индеферентными и холодными, но иногда прямо противоборствующими и разрушающими благія начинанія духовенства. А между тѣмъ наряду съ этимъ въ народѣ упорно распространяется явная клевета, будто бы миссіонеры суть не что иное, какъ агенты полиціи, а самые пастыри только орудіе гражданской власти. Какъ больно слушать это и насколько это далеко отъ истины! Въ нашихъ рукахъ—одно орудіе и одна сила для борьбы,—и такимъ орудіемъ служить для насъ одна христіанская истина, своимъ свѣтомъ разгоняющая мракъ сектанскихъ заблужденій. Когда эта истина, ясно раскрытая и направленная прямо вопреки сектанскимъ заблужденіямъ, вразумитъ сектантовъ и когда благодать Божія коснется ихъ огрубѣлаго сердца и покажетъ путь жизни ко Христу, тогда наступаетъ наша радость, тогда и наша побѣда.

Но для этого нужно многое: необходимо и самообразование, и поднятіе пастырскаго авторитета, и совѣщанія, а наипаче собственный нашъ опытъ и любовь къ миссіонерству. Опытъ научить насъ распознавать членовъ сектантской общины, и понимать ихъ внутреннее душевное настроеніе. Для борьбы, для вразумленія заблудшихъ особенно важенъ нашъ личный опытъ и искренняя любовь къ заблудшимъ. Есть и среди сектантовъ люди искренніе, ушедшіе въ секту по религіознымъ побужденіямъ, но есть между ними не мало людей съ сожженной совѣстью, прельстившихся грубо корыстными расчетами. Штундовать, особенно въ настоящее время, очень выгодно. Организанія Россійской, губернскихъ и мѣстныхъ кассъ для поддержанія штундизма и для совращенія въ него посредствомъ подкупа, въ рукахъ вожаковъ сектанства столь сильное средство, что даже искренніе православные люди подъ давленіемъ нужды становятся въ ряды сектантовъ, надѣясь на матеріальную поддержку. Средства кассы, идущіе изъ за границы, отъ нѣмцевъ колонистовъ, баптистовъ и штундистовъ такъ велики, что обычная благотворительная помощь христіанскихъ обществъ не въ состояніи обазать ей протпвовѣсь. Припомнимъ только, какое сильное вліяніе имѣли на народъ чайныя и столовыя, учрежденныя для народа въ голодный 1889 г. Еще болѣе усилился штундизмъ въ послѣднее время, когда въ подраженіе православной іерархіи, имъ создана своя лже-церковь и своя, прочно организованная іерархія. Вы видите у нихъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, видите посланія церквей Харьковской, Кіевской, Херсонской, Петербургской и другихъ, находите у нихъ оживленную и самую бдительную переписку по вопросамъ вѣроученія, о состояніи общинъ и ихъ отдѣльныхъ членовъ, о распространенія штундизма среди народа и борьбы его съ православною церковью. Есть у нихъ не мало и того, чего нѣтъ и у насъ: поручительство и ходатайство за новообращенныхъ въ штунду и охладѣвающихъ къ ней.

Вотъ съ кѣмъ надлежитъ вступить намъ въ борьбу; вотъ кого намъ приходится возвращать въ лоно Церкви православной!

Будемъ же пастырями добрыми, душу свою полагающими за овецъ своихъ! Воспользуемся надлежащимъ образомъ настоящимъ сѣздомъ, дабы возвратиться въ свои приходы полными новой энергіи и духовныхъ силъ для борьбы съ сектанствомъ.

Послѣ этого собраніе было объявлено открытымъ!

В. Давиденко.

(Продолженіе будетъ).

Отчетъ Епархіального Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 189⁷/₈ учебный годъ.

(Продолженіе *).

IV.

Сельско-хозяйственныя, ремесленныя и руководѣльныя занятія при церковныхъ школахъ. Отношеніе къ нимъ населенія.

Сельско-хозяйственныя занятія были: а) При Ворожбянской второклассной школѣ Лебединскаго уѣзда—садоводство и огородничество, при Больше-Писаревской второклассной школѣ—садоводство и пчеловодство и при школахъ Харьковскаго уѣзда: Козачковской—садоводство и огородничество и Мало-Даниловской—садоводство и пчеловодство. Занятія при всѣхъ этихъ школахъ чужды были строгой системы и сводились къ усвоенію элементарныхъ свѣдѣній по указаннымъ отраслямъ путемъ практическихъ работъ въ саду, огородѣ и на пасѣкѣ. Благодаря этому запущенный садъ при Ворожбянской школѣ въ настоящее время приходитъ въ надлежащій видъ; въ немъ подъ руководствомъ о. завѣдывающаго и младшаго учителя школы произведены учениками новыя посадки и пересадки деревьевъ, дѣти же производятъ поливку деревьевъ и имѣютъ постоянный уходъ за садомъ. Занятія по огородничеству дали въ зиму для воспитанниковъ, живущихъ въ общежитіи, достаточный запасъ картофеля, капусты, моркови, и другихъ овощей. При Козачковской школѣ на усадьбѣ, принадлежащей школѣ, дѣти подъ руководствомъ учителя насадили садикъ и ознакомились съ посадкою огородныхъ овощей. Но самую прочную и наиболѣе симпатичную постановку сельско-хозяйственныхъ занятія имѣютъ при Мало-Даниловской школѣ, гдѣ о. завѣдывающій школою Аѳанасій Толмачевъ преслѣдуетъ не только утилитарныя цѣли, но главнымъ образомъ воспитательныя. Садъ и питомникъ при школѣ заведенъ былъ одновременно съ открытіемъ школы на собственной усадьбѣ свящ. Толмачевымъ. Для первоначальной посадки деревья были принесены самими дѣтьми изъ своихъ садовъ и тутъ же подъ непосредственнымъ руководствомъ о. Аѳанасія были посажены съ должнымъ объясненіемъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», за 1899 г. № 19.

Вмѣстѣ съ тѣмъ была заведена и своя садовая школа, которая ежегодно вновь поступающими дѣтьми пополняется новыми посадками изъ зеренъ съѣденныхъ ими же яблокъ и грушъ. Лѣтомъ и осенью дѣти производятъ поливку и уходъ за своимъ садикомъ, а чрезъ годъ и два выросшія изъ зеренъ однолѣтнія и двухлѣтнія деревья пересаживаютъ въ ямы ими самими заготовленныя въ зиму. Съ оставшимися же на грядкѣ дичками производятся окулировка. Далѣе слѣдуетъ очистка сада, снова копанье ямъ на новомъ отведенномъ для сада мѣстѣ, пересадка деревьевъ, посадка черенковъ и сѣмянъ,—садъ все болѣе увеличивается, работы также увеличиваются, а вмѣстѣ съ ними и самая практика дѣлается разностороннею. И гдѣ былъ раньше пустырь, теперь красуется прекрасный садикъ среди поля.

Не ограничиваясь школою, о. Аѳанасій побуждаетъ дѣтей заводить садикъ и у себя дома, вслѣдствіе чего въ настоящее время каждый школьникъ посадилъ у себя нѣсколько деревьевъ, а у многихъ заведены и маленькіе садикъ. Такую же основательную постановку имѣетъ и преподаваніе пчеловодства въ Мало-Даниловской школѣ. Теоретически съ элементарными основаніями пчеловодства дѣти знакомятся по руководству Бутлерова, а практически на школьной пасѣкѣ, находящейся рядомъ со школьнымъ садикомъ. Каждый изъ оканчивающихъ курсъ обученія въ школѣ получалъ по одному улью, что въ значительной мѣрѣ способствовало развитію пчеловодства въ приходѣ о. Толмачева. Въ настоящее время во многихъ садикахъ, заведенныхъ дѣтьми—школьниками, виднѣются и небольшія пасѣки. А чтобы не обойти наградою и дѣвочекъ, оканчивающихъ курсъ въ Мало-Даниловской школѣ, практически-полезною наградою о. Аѳанасій ежегодно одной изъ нихъ выдаетъ лучшей породы телку, на средства школьной кассы, поддерживаемой взносами самихъ учениковъ.

Слѣдуетъ однако сказать, что сельско-хозяйственныя занятія при церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи не находятъ благоприятныхъ мѣстныхъ условій прежде всего по отсутствію земли подъ садъ и огородъ, за исключеніемъ Больше-Писаревской второклассной школы (2100 кв. саж.) и Ворожбянской второклассной школы (4 дес.). Изъ другихъ же школъ имѣются незастроенныя дворовыя мѣста при школахъ: а) Александро-Невской въ г. Харьковѣ (700 кв. саж.); б) *Харьковского* уѣзда: Мироновской (1000 кв. саж.), Казаяковской (1 десят.); *Ахтырского* уѣзда: Ясе-

новской; г) *Богодуховскаго* уѣзда: Мирнянской (1200 кв. саж.), Александровской (1200 кв. саж.), Больше-Писаревской при Николаевской церкви (300 кв. саж.), Кручанской (1200 кв. саж.), Статорябинской (300 кв. саж.); д) *Валковскаго* уѣзда: Ново-Водолажской двухклассной (512 кв. саж.), Проснянской (300 кв. саж.), Снѣжковской (800 кв. саж.); е) *Зміевскаго* уѣзда: Плесовской (1 дес.) и Андреевской (2 дес.); ж) *Старобѣльскаго* уѣзда: Евсугской, Марковской, при Троицкой церкви, Ганусовской и Бѣломуцкой, при Троицкой церкви; з) *Сумскаго* уѣзда: при Сумской, въ Николаевскомъ приходѣ.

Всѣ указанные участки служатъ нуждамъ школы, а не учебнымъ цѣлямъ. При всѣхъ же остальныхъ школахъ, въ большинствѣ, находящихся при церквахъ, не имѣется и такой собственности. Поэтому ожидать развитія сельско-хозяйственныхъ занятій при школахъ можно лишь тогда, когда въ силу Высочайшаго опредѣленія отъ 12 мая 1897 года объ отводѣ начальнымъ училищамъ земельныхъ участковъ отъ казны школы будутъ снабжены въ достаточномъ количествѣ землю, а спеціальныя курсы сельскаго хозяйства дадутъ хорошихъ и опытныхъ учителей.

Спеціальныя и правильно-организованныя ремесленныя классы были открыты при Больше-Писаревской второклассной школѣ. При ней введены ремесла: столярное, токарное и переплетное. На мѣстные средства, изысканныя о. завѣдующимъ свящ. Доброславскимъ при пособіи отъ общества, приобрѣтенъ наборъ самыхъ необходимыхъ инструментовъ, при чемъ переплетныя станки изготовляются самими учениками. Переплетное ремесло преподаетъ безвозмездно Я. Чебановъ, изучившій означенное ремесло на курсахъ. Въ истекшемъ году ученики довольно хорошо освоились съ этимъ несложнымъ мастерствомъ: ими переплетена значительная часть книгъ изъ школьной библіотеки—работа прочная, чистая и красивая. Что касается столярнаго, и токарнаго ремесла—они преподаются спеціальными практиками—учителями изъ мѣстныхъ крестьянъ съ платою: учителю—столяру 7 руб. въ мѣсяцъ и учителю токарнаго ремесла 6 руб. въ мѣсяцъ. Обязательное посѣщеніе учениками ремесленныхъ классовъ, четыре раза въ недѣлю. Продолжительность обязательныхъ занятій 2 часа, при чемъ ученики для удобства занятій раздѣляются на три группы. Въ концѣ каждой недѣли ученики даютъ отчетъ въ занятіяхъ и представляютъ о. завѣдующему образцы ученическихъ работъ. Работы производятся са-

мыя простыя, примѣнительно къ крестьянскому быту: табуреты, столы, оква, прялки и проч. Цѣль преподаванія означенныхъ ремеслъ ученикамъ второклассной школы полагается не столько въ томъ, чтобы приготовить изъ ихъ опытнаго мастера, но чтобы познакомить ихъ съ изготовленіемъ самыхъ необходимыхъ въ крестьянскомъ быту предметовъ, что въ будущемъ должно внести съ семью крестьянина нѣкоторое благосостояніе. Переплетное ремесло при Ворожбянской школѣ возникло, можно сказать, случайно. Одинъ изъ учениковъ этой школы оказался знающимъ это ремесло; о завѣдывающій свящ. Рубинскій уступилъ въ пользованіе школѣ имѣвшіеся у него инструменты и всѣ воспитанники въ свободное отъ занятій время другъ отъ друга научались переплетать книги. Что касается Славянской второклассной школы, то, съ окончаніемъ устройства мастерскихъ, въ ней имѣютъ быть введены: столярное, слесарное и сапожное ремесло, а въ Ворожбянской—слесарно-плотничье. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что безъ ожидаемой субсидіи на жалованье спеціальнымъ мастерамъ и первоначальную организанію мастерскихъ, ремесленные классы не могутъ быть поставлены на должную высоту. Что касается Больше-Писаревской второклассной школы, то хотя здѣсь и заводится образцовое пчеловодство и школа садоводства, но насколько эта отрасль занятій можетъ быть ведена съ успѣхомъ при школѣ, покажетъ будущее.

Рубодѣльные классы въ отчетномъ году были при церковныхъ школахъ: а) *Ахтырскаго* уѣзда: при трехъ женскихъ школахъ, б) *Богодуховскаго* уѣзда: при Больше-Писаревской Успенской и Больше-Писаревской, в) *Валковскаго* уѣзда: при Одринской и Коломакской Успенской, г) *Волчанскаго* уѣзда: при Рубежанской систематическія и временныя въ школахъ, гдѣ состоятъ учительницы, д) *Зміевскаго* уѣзда: при Звѣдковской, Лебяжской, Осиновской, Тетлежской и Чугуевской Николаевской, е) *Изюмскаго* уѣзда: при Славянской Воскресенской школѣ для дѣвочекъ, Богодаровской и Бѣлянской, ж) *Купянскаго* уѣзда: при Покровской церковно-приходской школѣ, з) *Лебединскаго* уѣзда: при Бобринской Маріе-Магдалинской, Олышанской Сергіе-Анастасіевской, Марковской, и) *Старобѣльскаго* уѣзда: при 8 церковныхъ школахъ, і) *Сумскаго* уѣзда: при Алексѣевской, Басовской, Больше-Черпетчинской, Бѣлопольской Пророко-Ильинской, Вельно-Бобрицкой, Верхне-Сароватской, Водолажской, Ворожбянской, Лохнянской, Могрицкой, Нико-

лаевской, Степановской, Стецковской, Сумской Николаевской, Сумской Петро-Павловской, Сумской Рождество-Богородичной, Сумской Троицкой, Ульяновской, Хотѣновской, Юнаковской, Бѣлопольской Петро-Павловской, Николаевской Рождество-Богородичной, Старосельской и Токаровской, е) въ г. Харьковѣ при Свято-Духовской и Озерянской и наконецъ *Харьковскаго* уѣзда: при Основянской, Больше-Даниловской, Деркачевской Николаевской и Стрѣльчанской при Николаевскомъ женскомъ монастырѣ. На основаніи одного перечисленія школъ, при коихъ ведутся сельско-хозяйственные, ремесленные и руководѣльныя занятія усматривается, что послѣднія, какъ не требующія особыхъ затратъ на организацію классовъ руководѣлія, легче прививаются, чѣмъ первыя, требующія матеріальной поддержки и опытныхъ руководителей съ специальнымъ вознагражденіемъ.

Лучшая постановка ихъ преподаванія принадлежитъ школамъ Сумскаго уѣзда. Здѣсь они признаны обязательными для всѣхъ школъ специально женскихъ и всѣхъ школъ смѣшанныхъ, въ коихъ число учащихся дѣвочекъ не мѣнѣе 10, точнѣе сказать руководѣліе здѣсь преподается въ школахъ. Учительницами руководѣлій состоятъ и сами учительницы и специальные мастерицы, а нерѣдко и жены священниковъ. Жена свящ. Гумилевскаго безмездно занимается обученіемъ въ Старосельской школѣ дѣвочекъ руководѣлію уже четвертый годъ и поставила это дѣло правильно и симпатично. Ученицы три раза въ недѣлю по вечерамъ приходятъ къ матушкѣ на домъ и здѣсь за длиннымъ, нарочито для этого устроеннымъ столомъ, занимаются шитьемъ и вязаньемъ, причемъ одинъ изъ учениковъ школы читаетъ вслухъ какой-нибудь интересный рассказъ. Не менѣе усердно обученіе руководѣлію ведетъ въ Рубежной школѣ супруга священника Елена Яковлева, которая со дня открытія школы и до настоящаго времени занимается безмездно. При Чугуевской Николаевской школѣ обученіе руководѣлію ведется даже по опредѣленной программѣ, раздѣленной на три года соотвѣтственно тремъ курсамъ обученія. Въ Покровской церковно-приходской школѣ, Купянскаго уѣзда, ученицы научаются вязанью, кройкѣ и шитью самыхъ необходимыхъ въ крестьянскомъ обиходѣ предметовъ; при этомъ, изготовленные вещи продаются и на вырученные отъ продажи деньги покупается матеріалъ для новыхъ работъ.

Какъ же народъ вашъ смотритъ на сельско-хозяйственные за-

нятія подь руководствомъ учителей сельскаго-хозяйства при школахъ? Тысячалѣтній опытъ веденія хозяйства примитивнымъ способомъ убѣдилъ народъ, что въ его быту это лучшій и наиболѣе практическій способъ веденія хозяйства. А то обстоятельство, что многіе помѣщики на его глазахъ, заводя различныя системы полеводства по послѣднему слову науки при усовершенствованныхъ орудіяхъ, печально оканчивали свои сельско-хозяйственныя затѣи — полнымъ разореніемъ, что ученые агрономы изъ различныхъ учебныхъ заведеній прилагаютъ свои способности и познанія къ управленію громадными имѣніями, но не слышно, чтобы они организовали мелкія хозяйства на небольшихъ участкахъ земли,—еще больше укрѣпляетъ нашъ народъ въ его недовѣрїи къ т. н. культурному хозяйства. Недостатки и неудачи въ своемъ веденіи хозяйства нашъ народъ объясняетъ волею Божіею, а также малоземельемъ и своею бѣдностію, а отнюдь не отсутствіемъ теоретическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйства. И не чтеніями, не изданіемъ брошюръ по сельскому хозяйства, не сельскохозяйственными бесѣдами можно разубѣдить народъ въ его недовѣрїи къ научному хозяйства, а только дѣломъ. Пусть, поэтому учитель изъ такого же клочка земли, какимъ владѣетъ крестьянинъ, приложивъ свои теоретическія познанія, извлечетъ большую пользу, чѣмъ тотъ же крестьянинъ, и онъ съ жадностію будетъ самъ учиться у такого учителя, пошлетъ къ нему своихъ дѣтей и отдастъ за науку послѣдніе гроши.

Поэтому для того, чтобы прочно привилось преподаваніе сельскаго хозяйства при школахъ необходимы прежде всего хорошіе учителя—практики. Если найдутся такіе учителя, практически и теоретически знакомые съ сельскимъ хозяйствамъ, то повсюду легко можно организовать преподаваніе сельскому хозяйства при школахъ наиболѣе многочисленныхъ и богатыхъ приходоу; общество не откажетъ отвести земли 1—3 десятины; найдутся и благотворители, которые сдѣлаютъ на свой счетъ сельско-хозяйственныя орудія; а за преподаваніе сельскому хозяйства слѣдуетъ прибавить къ жалованью учителю лишнихъ 60—100 руб. отъ казны. Также точно при устройствѣ ремесленныхъ классовъ при церковныхъ школахъ возможно разсчитывать на помощь общества и частныхъ благотворителей при одномъ условіи,—когда будутъ хорошіе учителя—мастера. Крестьянинъ отрываетъ отъ семьи своихъ дѣтей, отдаетъ въ науку къ различнымъ мастерамъ и даже

платить за науку; съ большою охотою онъ заставитъ своихъ дѣтей обучаться мастерству въ школѣ, если только увидитъ изъ этого ученя толкъ: когда его дѣти, ованчивая курсъ, сьумѣютъ дѣлать разныя вещи, необходимыя въ житейскомъ обиходѣ. Такимъ образомъ введеніе обученія сельскому хозяйству и мастерствамъ можетъ быть достигнуто тогда, когда будутъ подготовлены хорошіе учителя, на что должно быть обращено прежде всего и главнымъ образомъ вниманіе духовенства.—Совершенно иное представляютъ собою руководѣльныя занятія. Здѣсь народъ наглядно и живо убѣждается въ пользѣ ремесла и непосредственно высказываетъ свое сочувствіе. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о матеряхъ—крестьянкахъ, которыя лично приходятъ благодарить учительницъ за наученіе ихъ дѣтей столь полезному и необходимому умѣнью шить и вязать. Въ самой семьѣ дѣвочкамъ-мастерицамъ отдается явное предпочтеніе предъ остальными членами семьи; и это понятно, благодаря этимъ юнымъ мастерицамъ бѣдныя крестьянскія семейства сберегаютъ лишнюю копѣйку, которую они должны были затратить въ уплату швеямъ и портнихамъ. Сочувствіе народа руководѣльнымъ занятіямъ высказывается не только въ матеріальной помощи на наемъ учительницъ и денежныхъ затратахъ на пріобрѣтеніе необходимаго матеріала для вязанья и шитья, но еще и въ томъ, что всегда охотно посылаетъ своихъ дѣтей въ школы, гдѣ ведется обученіе руководѣлію. Въ нѣкоторыхъ селахъ онъ, повидимому, руководѣлію отдаетъ предпочтеніе предъ самой грамотой, такъ что введеніе классовъ руководѣлія является необходимымъ условіемъ привлеченія въ школу дѣвочекъ. По крайней мѣрѣ въ школахъ, гдѣ преподается съ текущаго года руководѣліе, количество учащихся вдвое больше противъ предыдущаго.

(Продолженіе будетъ).

Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго
21 сентября настоящаго года.

Журналъ № 1.

Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, въ числѣ девяти ²/₃(9) человекъ, прибывъ въ 9 час. утра въ собраніе, состоявшееся въ зданіи Сумскаго духовнаго училища въ

по молитвѣ, избравъ, посредствомъ закрытой баллотировки, председателемъ съѣзда протоіерея Николая Фесеюкова, а дѣломпроизводителемъ единогласно священника Алексѣя Станиславскаго, предварительно слушали журнальныя постановленія предъидущаго Съѣзда, съ резолюціями на нихъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, и, принявъ ихъ къ свѣдѣнію, првступили къ обсужденію вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію Съѣзда духовенства.

1. Разсматривали составленную Правленіемъ училища смѣту прихода и расхода по содержанію училища въ 1900 году и объяснительную къ ней записку, при чемъ оказалось, что предполагаемый расходъ превышаетъ доходъ, а именно: на приходъ должно поступить 29,971 руб. 6 коп., расходъ же исчисленъ въ 30,627 руб. 21 коп., слѣдовательно не достаетъ по смѣтѣ 656 руб. 15 коп., таковая сумма, по мнѣнію Правленія училища, можетъ быть покрыта при осмотрительномъ и бережливомъ исполненіи смѣты. *Постановили:* смѣту, составленную Правленіемъ училища, какъ соотвѣтствующую во всѣхъ статьяхъ прихода и расхода дѣйствительнымъ поступленіямъ и требованіямъ училищнымъ, принять безъ измѣненія.

2. Разсматривали вѣдомости за 1898 годъ: а) вѣнчиковую, б) о движеніи церковныхъ суммъ и в) о заборѣ свѣчей изъ Епархіального свѣчнаго завода церквами училищнаго округа. *Постановили:* принять къ свѣдѣнію.

3. Слушали докладъ Правленія училища о щедрой благотворительности Почетнаго Блюстителя Сумскаго Духовнаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина Павла Николаевича Лещинскаго, который за короткій срокъ своей службы при училищѣ (съ 23 декабря 1898 года) сдѣлалъ на пользу училища слѣдующія пожертвованія: 200 руб. на гостинцы ученикамъ и пѣвчимъ, 118 руб. на книги для раздачи учителямъ и ученикамъ по случаю Пушкинскаго юбилея и музыкальными инструментами на сумму 610 руб. *Постановили:* выразить Почетному Блюстителю училища, потомственному почетному гражданину, Павлу Николаевичу Лещинскому сердечную признательность и благодарность съѣзда духовенства за сдѣланное имъ щедрое пожертвованіе на пользу училища.

4. Слушали прошеніе діакона села Марковки, Лебединскаго уѣзда, Іоанна Лободина о разрѣшеніи ему воспитывать своего сына Николая Лободина (рожденнаго въ свѣтскомъ званіи отца) въ Сум-

скомъ духовномъ училищѣ на одинаковыхъ условіяхъ съ дѣтьми лицъ духовнаго званія и о прощеніи ему недоимки за истекшій годъ по содержанію сына въ училищѣ 30 руб. *Постановили:* тридцать рублей недоимки, числящейся за воспитанникомъ Сумскаго духовнаго училища Николаемъ Лободинымъ за истекшій учебный годъ, простить, если Правленіе училища найдетъ это возможнымъ, а въ принятіи его на содержаніе въ училищѣ на общемъ основаніи съ дѣтьми лицъ духовнаго званія отказать въ силу постановленія съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа въ 1896 г.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Октября 6-го. Утверждается. При семъ предлагаю Правленію училища справиться о постановленіи общепархіальнаго съѣзда, бывшаго въ текущемъ году относительно принятія на содержаніе дѣтей, родившихся въ бытность ихъ родителей въ свѣтскомъ званіи“.

№ 2-й.

Вечернее засѣданіе того же сентября.

Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа въ числѣ десяти (10) человекъ, прибывъ въ собраніе въ 6 час. вечера,

1. Слушали докладъ временно-ревизіоннаго Комитета о повѣрѣхъ прихода и расхода суммъ по содержанію училища за 1898 годъ и объяснительную записку Правленія училища по сему-же предмету, при чемъ оказалось, что къ 1 января 1899 года состояло неоплаченныхъ счетовъ по содержанію училища на 3718 руб. 49 коп., каковая сумма, собственно, не составляетъ настоящаго училищнаго дефицита, такъ какъ она покрывается запасомъ разныхъ предметовъ, вріобрѣтенныхъ въ предшествующемъ году, и долгомъ отъ родителей учащихъ, а именно осталось отъ 1898 года: дровъ, съѣстныхъ припасовъ, учебниковъ на сумму 2224 руб. 70 коп. и недоимки за родителями 1282 руб.; слѣдовательно дѣйствительный дефицитъ училища выражается въ суммѣ 211 руб. 79 коп.; изъ объяснительной записки, между прочимъ, усмотрѣно, что значительная часть долга училищу состоитъ за свѣтскими родителями учениковъ духовнаго училища. *Постановили:* докладъ ревизіоннаго комитета принять, а Правленіе училища просить на будущее время взимать съ воспитанниковъ свѣтскаго званія плату

за содержаніе и право обученія своевременно т. е. впередъ по полугодіямъ, избѣгая отсрочекъ въ виду трудности по выходѣ такихъ воспитанниковъ изъ училища, взыскивать съ нихъ недоимку, не внесшихъ-же надлежащей платы увольнять изъ училища.

2. Докладъ временно-ревизіоннаго комитета и отчетъ Правленія училища по устройству водопровода при Сумскомъ духовномъ училищѣ, при чемъ оказалось, что устройство водопровода обошлось въ 3419 р. 64 к.; водопроводъ проведенъ по всему училищному корпусу, исключая квартиръ о. смотрителя, его помощника и отхожихъ мѣстъ, гдѣ также ощущается необходимость въ проведеніи водопровода; водопроводъ, какъ показалъ опытъ перваго года его существованія, значительно сократилъ расходъ по доставкѣ воды въ училищѣ и далъ нужное удобство по добыванію воды во всѣхъ случаяхъ ея надобности. *Постановили:* докладъ ревизіоннаго комитета принять, а Правленіе училища просить озаботиться проведеніемъ водопровода въ квартиры о. смотрителя и его помощника съ приспособленіемъ ватерклозетовъ при нихъ по промывной системѣ на счетъ могущихъ быть училищныхъ остатковъ, если же такихъ не окажется, то расходованіе на сей предметъ произвести изъ 500 р., имѣющихъ поступить въ текущемъ учебномъ году въ пользу училища за проданный Ахтырскому собору домъ; кромѣ сего просить Правленіе училища представить будущему сѣзду смѣту на приспособленіе всѣхъ училищныхъ ватерклозетовъ по промывной системѣ.

3. Заявленіе членовъ Правленія училища протоіерея Василя Федорова и священника Павла Клементьева о добавкѣ училищному писмоводителю Василю Сокольскому жалованья въ суммѣ 28 р. къ получаемому имъ въ размѣрѣ 272 р. въ годъ въ виду его усердной и аккуратной службы въ теченіе 5 лѣтъ. *Постановили:* принимая во вниманіе прекрасный отзывъ о. смотрителя объ усердной службѣ писмоводителя Василя Сокольскаго, сдѣлать означенную добавку въ его жалованьи, если Правленіе училища найдетъ возможнымъ это сдѣлать изъ училищныхъ остатковъ.

4. Докладъ Правленія училища объ избраніи на остальной годъ текущаго трехлѣтія къ имѣющимся на лицо двумъ членамъ еще одного члена временно-ревизіоннаго комитета и трехъ къ нимъ кандидатовъ. Приступили къ избранію и посредствомъ закрытой баллотировки избрали: членомъ ревизіоннаго комитета священника Платона Сорочинскаго, а кандидатами священниковъ: Ситенка Ивана, Бѣляева Александра и Флоринскаго Виктора.

5. Съѣздъ духовенства считаетъ пріятнымъ долгомъ отмѣтить отлично-усердную и полезную для благоустройства училища дѣятельность отца смотрителя священника Аркадія Грузова. За 7 лѣтъ завѣдыванія имъ хозяйствомъ училища имъ сдѣлано очень многое: 1) на спеціальныя нужды училища (на постройку больницы и устройство водопровода) имъ собрано пожертвованій на сумму 7028 рублей; 2) на благоуукрашеніе училищнаго храма имъ испрошено отъ частныхъ благодѣателей 1500 рублей. Въ настоящее время хозяйство училища найдено съѣздомъ духовенства въ образцовомъ порядкѣ. Въ виду такой выдающейся службы о. смотрителя интересамъ духовенства, съѣздъ духовенства считаетъ для себя обязательнымъ долгомъ выразить ему глубокую благодарность, съ занесеніемъ сего въ его формулярный о службѣ списокъ.

6. Слушали заявленіе депутата съѣзда священника Іоанна Брапловскаго о выраженіи благодарности съѣзда духовенства предсѣдателю съѣзда и дѣлопроизводителю. *Постановили:* выразить благодарность отъ съѣзда духовенства предсѣдателю съѣзда протоіерею Николаю Фесенко и дѣлопроизводителю священнику Алексію Станиславскому за ихъ трудъ.

Время будущаго съѣзда назначить на 20 сентября.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Октября 6-го. Утверждается“.

Журналъ Съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго 1-го сентября 1899 года.

Уполномоченные отъ духовенства Купянскаго училищнаго округа, въ числѣ 12-ти человекъ, собравшись въ зданіи училища, по молитвѣ, единогласно избрали Предсѣдателемъ протоіерея Михаила Чернявскаго, а дѣлопроизводителемъ священника Андрея Базилевича.

1. Заслушавы были журналы предыдущаго Съѣзда съ послѣдовавшими на нихъ резолюціями Его Высокопреосвященства, и *постановили:* принять къ свѣдѣнію.

2. Разсматривали смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училища въ 1900 году, изъ коихъ видно, что всѣхъ денежных поступленій предполагается—25375 руб. 85 к., расхода—25300 р. 63 к. и остатокъ до 1000 руб. *Постановили:* смѣты при-

хода и расхода на 1900 годъ утвердить безъ взмѣненія въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ составлены Правленіемъ училища, съ тѣмъ, чтобы деньги, получаемыя за право обученія съ иносословныхъ учениковъ, а также и вносимыя вновь поступающими учениками деньги на первоначальное обзаведеніе были показываемы въ смѣтахъ прихода и расхода.

3. Разсматривали дополнительную смѣту расхода на текущій 1899 годъ: а) на покупку для учениковъ новыхъ одѣялъ, взамѣнъ обветшавшихъ, по 3 р. 25 к. = 162 р. 50 к. и б) на покупку деревьевъ для пополненія училищнаго сада—40 руб., всего 202 р. 50 к. *Постановили:* указанный расходъ покрыть изъ наличныхъ училищныхъ суммъ.

4. Разсматривали вѣнчковые вѣдомости церквей Купянскаго училищнаго округа и нашли, что поступленіе по онымъ суммъ было правильно. *Постановили:* принять къ свѣдѣнію.

5. Разсматривали отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнуемыхъ духовенствомъ Купянскаго училищнаго округа за 1898 годъ, а также журналы Временно-Ревизионнаго Комитета по повѣркѣ означеннаго отчета съ актами ежемѣсячной ревизіи сего комитета по израсходованію въ текущемъ году, какъ училищныхъ капиталовъ, такъ и съѣстныхъ продуктовъ. *Постановили:* принять къ свѣдѣнію, а журналы съ прочими бумагамъ приложить къ дѣламъ Съѣзда. На будущій же годъ избрать членами ревизионнаго комитета тѣхъ-же священниковъ: Іоанна Нечаева, Моисея Петрова и Платона Стаховскаго, и благодарить ихъ за труды, кандидатомъ къ нимъ—священника Ѳедора Панкратьева.

6. Члены ревизионнаго комитета въ заслушанныхъ журіалахъ сдѣлали заявленіе о своихъ впечатлѣніяхъ, какія они всегда выносили и теперь выносятъ, при своихъ служебныхъ посѣщеніяхъ Купянскаго духовнаго училища, слѣдующаго содержанія: „Благодаря постоянной и неослабной заботливости и хозяйственной опытности членовъ правленія и, въ особенности, г. Смотрителя училища Ивана Григоровича, общежитіе при Купянскомъ духовномъ училищѣ, при посѣщеніяхъ его Ревизионнымъ Комитетомъ, всегда отличалось полнымъ хозяйственнымъ благоустройствомъ и примѣрнымъ во всемъ порядкомъ. Постоянная чистота и опрятность во всѣхъ училищныхъ помѣщеніяхъ и училищной усадьбѣ, вполне удовлетворительное содержаніе учениковъ пищею, платьемъ и обувью—показываютъ, что смотритель училища г. Григоровичъ

весьма зорко и бдительно слѣдить за благоустройствомъ ввѣреннаго его попеченію училища. Экономическая часть училища тоже находится въ отличномъ состояніи: училищное Правленіе не только сумѣло избѣжать какихъ либо передержекъ противъ смѣтлаго назначенія, но и достигло значительныхъ сбереженій. *Постановили:* выразить благодарность Съѣзда г. Смотрителю училища Ивану Григоровичу, его помощнику Александру Малишенскому и всѣмъ членамъ Правленія за ихъ заботливое попеченіе по благоустройству училища во всѣхъ его частяхъ и смиреннѣйше ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи имъ внести сію благодарность въ ихъ послужные списки.

7. Слушали прошенія: а) псаломщика Троицкой церкви слоб. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда, Стефана Буткова, о снятіи съ него недоимки 55 руб. за содержаніе сына его въ училищѣ; б) діакона Николаевской церкви слоб. Кругликовки, Купянскаго уѣзда, Венедикта Чиркина, о принятіи сына его, Іосифа Чиркина, въ училище съ платою 100 руб. въ годъ, въ виду его исключительныхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, засвидѣтельствованныхъ уполномоченными Съѣзда и членомъ правленія отъ духовенства; в) надзирателя училища Феодора Евецкаго о единовременномъ ему вознагражденіи въ количествѣ 60-ти руб. за раздачу въ теченіе 4-хъ лѣтъ ученикамъ письменныхъ принадлежностей и г) письмоводителя училища Михаила Погорѣлова о прибавкѣ ему къ получаемымъ имъ 360 руб. жалованья по 5-ти руб. въ мѣсяць съ 1-го сего Сентября, въ виду дороговизны квартиръ въ городѣ Купянскѣ и другихъ жизненныхъ, самыхъ необходимыхъ, потребностей для него, какъ семейнаго человѣка. *Постановили:* Просить Правленіе училища: а) псаломщику Буткову сдѣлать разсрочку на выплату недоимки; б) просьбу діакона Чиркина, въ виду его исключительныхъ обстоятельствахъ, удовлетворить не въ прямѣрь прочимъ; в) надзирателю Евецкому выдать изъ училищныхъ суммъ единовременное вознагражденіе за труды 90 руб., по утвержденіи сего журнала; и г) письмоводителю Погорѣлову сдѣлать прибавку жалованья по 5-ти руб. въ мѣсяць съ 1-го сего Сентября, по утвержденіи журнала, и на будущее время вносить въ смѣту— 420 руб.

8. Слушала словесный доклад г. Смотрителя училища о томъ что Попечитель училища Феодоръ Феодоровичъ Цыцаркинъ приобрѣлъ для училища волшебный фонарь въ 185 руб. и прозавелъ

заобѣлку всѣхъ помѣщеній училища на сумму до 400 руб. *Постановили:* благодарить господина Цыцаркина за сдѣланныя имъ пожертвованія училищу, а Правленіе училища просить, принявъ во вниманіе его, Цыцаркина, прежнія жертвы на пользу училища, ходатайствовать, предъ кѣмъ слѣдуетъ, о награжденіи его.

Время Собранія будущаго Съѣзда назначить двадцатое (20) Сентября 1900 года.

Собраше закрыто въ 4 часа вечера съ тѣмъ, чтобы уполномоченные въ 8 часовъ собрались для выслушанія редакціи сего журнала и подписей. На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: „Сентября 4-го. Утверждается“.

Епархіальныя извѣщенія.

Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Алексѣй *Соловьевъ* рукоположенъ въ санъ священника 30 сентября н. г. Георгіевской церкви города Ахтырки.

— Священникъ Николаевской церкви, сл. Будокъ, Лебединскаго уѣзда, Аристархъ *Стенурскій* 12 октября н. г. перемѣщенъ на праздно священническое мѣсто при Иоанно-Предтеченской церкви с. Ново-Павловки, Изюмскаго уѣзда, а на его мѣсто того числа опредѣленъ окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Яковъ *Власовскій*.

— Учитель Верхне-Сыроватскаго земскаго училища Василій *Балановскій*, согласно прошенію, рукоположенъ въ санъ діакона 8 сентября н. г. Преображенской церкви сл. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, на мѣсто отца его, Александра *Балановскаго*, уволеннаго заштатъ, по прошенію.

— Псаломщикъ Николаевской церкви сл. Меремы, Харьковскаго уѣзда, Іоаннъ *Федоровъ* опредѣленъ 12 октября н. г. діаконъ Рождество-Богородичной церкви с. Михайловки, Лебединскаго уѣзда.

— Діаконъ Вознесенской церкви сл. Ново-Ольшаной, Бупянскаго уѣзда, Павелъ *Флоринскій*, согласно прошенію, 16 октября н. г. уволенъ Его Высокопреосвященствомъ заштатъ, а на его мѣсто того же числа опредѣленъ учитель Ново-Ольшанской Зміевской школы Николай *Залужевскій*.

— Сынъ псаломщика Яковъ *Лядскій* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Троицкой церкви, сл. Нижняго Бурлука, Волчанскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Покровской церкви с. Полеваго, Харьковскаго уѣзда,

Василій *Людикорминъ* переищень, согласно прошенію, къ Пророко-Ильинской церкви г. Бѣлополя 3 октября н. г.

— Псаломщикъ церкви сл. Нижняго Бурлука, Волчанскаго уѣзда, Теофанъ *Поповъ* переищень къ Николаевской церкви, сл. Хотомли, Лебединскаго уѣзда.

— Утвержденъ въ должности церковнаго старосты Николаевской церкви с. Бѣлки, Ахтырскаго уѣзда, купецъ Романъ *Могильный*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Предстоящій юбилей Высокопреосвященнѣйшаго Іоанникія, Митрополита Кіевскаго.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Іоанникіемъ города Харькова.—Юбилейное торжество.—Проектъ новаго законопенія.

7-го ноября настоящаго года исполняется 50-лѣтіе достославнаго служенія Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго Іоанникія святой Церкви и Отечеству въ священномъ санѣ. Нынѣ указомъ Св. Синода на имя преосвященнаго Сергія, епископа Уманскаго, предсѣдателя комиссіи, на которой лежить забота по подготовкѣ къ предстоящему юбилею, дано знати, что празднованіе 50-лѣтія служенія Высокопреосвященнаго Митрополита Іоанникія 7 ноября текущаго года разрѣшено. Высокопреосвященный юбиляръ, святительское служеніе коего на каеедрѣ Кіевской, исполненное истинно-отеческаго попеченія о благѣ своей паствы и духовенства и ознаменованное цѣлымъ рядомъ архипастырскихъ мѣропріятій въ этомъ направленіи, пожелалъ ознаменовать свой юбилей добрымъ дѣломъ и внести въ Епархіальное попечительство 50,000 рублей на удовлетвореніе одной изъ самыхъ насущныхъ нуждъ епархіи—устройство въ ближайшемъ будущемъ епархіальной богадѣльни для престарѣлыхъ священно-церковно-служителей, ихъ вдовъ и сиротъ. Само же духовенство, идущее навстрѣчу отеческой о немъ попечительности Его Высокопреосвященства, въ ознаменованіе того же событія, собираетъ капиталъ до 35,000 руб. на тотъ же предметъ и на открытіе при двухъ монастыряхъ епархіи, при ихъ пособіи и при пособіи отъ другихъ монастырей, мужскаго и женскаго профессиональнѣйшихъ училищъ, по программѣ двухклассной церковно-приходской школы, въ которыхъ-бы дѣти духовенства, не могущія по какимъ-либо причинамъ получить воспитаніе въ одномъ изъ

духовно-учебныхъ заведеній епархіи, обучались законописанію и разнымъ доступнымъ ремесламъ, могущимъ матеріально обезпечить ихъ въ жизни. Въ день юбилея, 7 ноября, по окончаніи богослуженія въ Софійскомъ соборѣ, имѣютъ быть припесены Высокопреосвященному юбилару въ лаврскихъ его покояхъ поздравленій съ исполнившимся 50-лѣтіемъ достославнаго служенія его святой Церкви и Отечеству преосвященными, прибывшими изъ другихъ епархій, и мѣстными представителями отъ Кіевской духовной академіи, кіевскаго епархіальнаго духовенства, Кіево-Печерской лавры, духовно-учебныхъ заведеній мѣстной епархіи, депутатами отъ другихъ вѣдомствъ и епархій въ порядкѣ, который будетъ установленъ особо. Къ юбилею ожидается прибытіе многихъ іерарховъ и депутацій изъ тѣхъ епархій, которыми Господь судилъ Его Высокопреосвященству послѣдовательно управлять въ теченіе полувѣковаго своего служенія, какъ видно изъ заявленій о семъ, начинающихъ уже поступать къ преосвященному Сергію, предсѣдателю юбилейной комиссіи, озабоченной въ настоящее время приготовленіемъ удобныхъ помѣщеній для имѣющихъ прибыть ко дню юбилея гостей. Эти извѣщенія какъ о количествѣ лицъ, такъ и ихъ санѣ, весьма благовременны и желательны въ томъ простомъ соображеніи, чтобы имѣть возможность напередъ установить необходимый порядокъ на день юбилея относительно совершенія торжественныхъ богослуженій въ монастырскихъ и соборныхъ кіевскихъ храмахъ и принесенія поздравленій Высокопреосвященному юбилару.

— 24 октября, въ 6 часовъ 26 минутъ вечера, прибылъ въ Харьковъ, проѣдомъ изъ Крыма, и остановился въ покояхъ Харьковскаго Архіепископа Высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій. 25 октября въ 11 часовъ 27 минутъ дня Его Высокопреосвященство уѣхалъ въ Кіевъ.

— 1-го октября, въ день Покрова Пресвятой Богородицы, харьковское духовенство, горожане, представители многихъ учреждений епархіальныхъ и городскихъ торжественно чествовали, по случаю исполнившагося 50-лѣтія священнической службы, старѣйшаго и почтеннѣйшаго въ епархіи, настоятеля Николаевской церкви г. Харькова, о. протоіерей Александра Александровича Федоровскаго. Уроженецъ г. Лебедина, Харьковской губерніи, и воспитанникъ Харьковской Духовной Семинаріи, о. А. А. Федоровскій, по окончаніи курса въ ней со степенью студента, былъ рукоположенъ 1-го ок-

тября 1849-го года во священника къ Покровской церкви сл. Терновъ, Лебединскаго уѣзда. Глубоко проникнутый пастырскимъ долгомъ, всегда простой и общительный, привѣтливый и жизнерадостный, онъ съ перваго же года своего служенія приобрѣлъ любовь своихъ прихожанъ и расположилъ ихъ къ послушанію. Повятно, епархіальное начальство не могло не отмѣтить тогда же этого молодого, много обѣщавшаго, пастыря. Въ слѣдующемъ (1850) году онъ назначается катехизаторомъ, а чрезъ годъ же (1851) Преосвященнымъ Филаретомъ переводится изъ села въ городъ Лебединъ къ Ильинской церкви, гдѣ священствовалъ его отецъ и гдѣ прослужилъ и онъ 12 лѣтъ. За время его священства здѣсь прихожане такъ сроднились съ нимъ, что и доселѣ сохраняютъ о немъ самое теплое и благодарное воспоминаніе. Дѣятельность его здѣсь была многосторонней. Особенно горячее участіе онъ принималъ, какъ членъ строительнаго комитета, въ постройки Вознесенской церкви и этимъ приобрѣлъ популярность среди окружнаго духовенства какъ даровитый и ревностный собратъ. Въ 1860-мъ году юбиларъ, тогда еще сравнительно молодой священникъ, назначается на почетную и отвѣтственную должность благочиннаго 2-го округа. Знаменитый ученый, Преосвященный Макарій, обращаетъ на него свое особенное вниманіе. Въ 1863-мъ году онъ переводится его настоятелемъ собора въ г. Недригайловъ, возводитъ (26 мая того же 1863-го года) въ санъ протоіерея, назначаетъ благочиннымъ 4-го Лебединскаго округа и предугадываетъ ему возможность перевода его въ самый Харьковъ. Не намѣчалъ ли въ его лицѣ уже тогда этотъ приснопамятный Архипастырь сотрудника себѣ для будущаго? И, дѣйствительно, въ 1866 году 20 августа онъ опредѣляется о. Федоровскаго къ Николлаевской церкви г. Харькова, при которой и священствуется юбиларъ уже 38 года. Самый переводъ его отчасти намѣчалъ характеръ предстоящей ему дѣятельности въ Харьковѣ. Съ самаго пачала перемѣщенія своего въ Харьковъ о. Федоровскій принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ разнообразныхъ сторонахъ текущей епархіальной жизни. Но ни одинъ предметъ, въ этотъ періодъ епархіальной жизни, не привлекалъ его столь полнаго вниманія, какъ идея епархіальной эмеритуры. Духовенство епархіи единогласно называетъ именно его первымъ и истиннымъ инициаторомъ этой идеи еще съ 1862-го года, а съ тѣхъ поръ онъ, можно сказать, всею себя посвятилъ осуществленію ея и теперь счастливъ блестящимъ

ростомъ своего дѣтща. Съ 1867-го года онъ былъ дѣятельнѣйшимъ членомъ комисіи по изысканію способовъ къ учрежденію эмеритальной кассы для духовенства. Всегда и при всѣхъ случаяхъ представляя общему вниманію духовенства этотъ предметъ, выслушивая и защищая его, онъ вызвалъ къ нему столь глубокой, живой и всеобщій интересъ, что въ виду такого настроенія Преосвященный Макарій для обсужденія этого вопроса созвалъ первый въ Россіи епархіальный съѣздъ въ январѣ 1868-го года, еще прежде утвержденія устава Духовно-учебныхъ заведеній. Во вниманіе къ главному предмету этого съѣзда духовенствомъ былъ выбранъ предсѣдателемъ его и секретаремъ о. Федоровскій. Когда здѣсь и въ некоторыхъ былъ возбужденъ новый вопросъ объ учрежденіи вмѣсто эмеритуръ епархіальной богадѣльни, то предсѣдатель о. Федоровскій отстаивалъ проектъ эмеритуръ, горячо внушая членамъ съѣзда цѣлесообразность параллельнаго существованія той и другой, что могло уже осуществиться только въ послѣдствіи. Онъ много лѣтъ лелѣялъ и развивалъ это дѣло и создалъ уставъ и правила эмеритальной кассы. Вложивъ въ это дѣло все свое сердце, юбиляръ дождался до благословеннаго времени полнаго осуществленія его, т. е. до утвержденія устава и открытія этого учрежденія уже при милостивомъ вниманіи Высокопреосвященнаго Амвросія, который поставилъ это дѣло на прочныхъ основахъ во благо духовенству и назначилъ юбиляра состоять членомъ-казначеемъ Правленія. Въ этомъ справедливо надобно усматривать историческую заслугу о. юбиляра и его право на неизбѣжную признательность епархіальнаго духовенства.

Съ его же именемъ и не менѣе тѣсно связана исторія возникновенія и развитія другого важнѣйшаго епархіальнаго учрежденія—свѣчнаго завода. На первомъ же съѣздѣ 1868-го года былъ возбужденъ и предложенъ общему вниманію вопросъ объ этомъ заводѣ и обычнымъ своимъ практическимъ и воодушевленнымъ словомъ онъ вызвалъ общее сочувствіе въ нему. Тогда же была образована комиссія для выработки проекта завода, и въ эту комиссію былъ назначенъ членомъ самъ инициаторъ вопроса, о. Федоровскій; для всесторонняго же обсужденія этого предмета былъ созванъ 2-й съѣздъ въ томъ же году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Всегдашній участникъ и весьма часто предсѣдатель послѣдующихъ съѣздовъ, о. Федоровскій горячо хлопоталъ за этотъ предметъ, указывая и доказывая практическую его полезность и благотворность

для епархій. Его не останавливало и не пугало въ этомъ случаѣ ни опасеніе многихъ трудностей и отвѣтственности дѣла, ни его новизна, ни сложность; онъ вѣрилъ въ несомнѣнную и безспорную достижимость этого предпріятія. И онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть счастливое и блестящее осуществленіе и этой своей идеи: учрежденіе возникло и процвѣтаетъ нынѣ, служа источникомъ вспоможеній для духовенства, духовно-учебныхъ заведеній и первой епархія. Понятно, что о. юбиляръ болѣе всѣхъ былъ достоинъ стать и дѣйствительно сталъ во главѣ Правленія сего завода при началѣ его учрежденія, т. е. съ 1878 года по 1881 годъ.

Заботливый и сострадательный о. юбиляръ былъ вмѣстѣ съ этимъ энергичнымъ дѣятелемъ и по вопросу объ обезпеченіи духовныхъ сиротъ. Еще въ 1868 году имъ былъ выдвинутъ вопросъ объ ихъ призрѣніи, и только впоследствии, при великодушной и заботливой дѣятельности Высокопреосвященнаго Амвросія и при счастливой постановкѣ этого дѣла въ 1894 году, о. протоіерей могъ стать во главѣ комиссіи по устройству епархіальной богадѣльни, и его работы въ комиссіи явились весьма полезными для существующаго нынѣ сиротскаго епархіальнаго пріюта.

Энергичный о. юбиляръ не могъ не стать, да и само духовенство съ довѣріемъ относилось къ нему, въ близкія и живыя отношенія къ другой важнѣйшей сторонѣ епархіальной жизни, — духовно-учебной. Въ Харьковскомъ Духовномъ Училищѣ онъ состоялъ преподавателемъ русскаго языка и долгое время членомъ Правленія отъ духовенства, и оставилъ неизгладимые слѣды въ немъ своихъ трудовъ. При преобразованіи училища и введеніи новаго устава онъ трудился усердно и съ успѣхомъ преодолевалъ всѣ затрудненія. При расширеніи зданія училища, онъ былъ ратоборцемъ за это дѣло на окружныхъ сѣздахъ и склонилъ духовенство къ полной перестройкѣ зданія, указавъ средства въ видѣ небольшого процентнаго взноса съ доходности церкви округа, и посодѣйствовалъ приведенію его въ нынѣшнее нынѣ удовлетворительное состояніе. Духовенство, во вниманіе къ его такой любви къ духовно-учебному дѣлу, неоднократно избрало его членомъ Правленія Духовной Семинаріи и членомъ и предсѣдателемъ Совѣта Епархіальнаго женскаго училища. Въ реформаціонный періодъ послѣднійго онъ, какъ предсѣдатель VII епархіальнаго сѣзда, усердно заботился, въ интересахъ улучшенія дѣла, объ увеличеніи вознагражденія преподавателямъ (высшихъ классовъ по 75 р. за урокъ и низшихъ по

50 р. вмѣсто прежнихъ 35) и о возвышеніи образовательнаго уровня ученицъ. И хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. Всюду въ этихъ училищахъ онъ вносилъ свой живой духъ и дѣйствительный трудъ и оставлялъ самое доброе воспоминаніе о себѣ. О юбилярѣ съ честію и славою трудился и на педагогическомъ поприщѣ. Онъ былъ долгое время законоучителемъ 3-й мужской гимназій и 2-й женской;—и въ этой послѣдней онъ трудился 18 лѣтъ съ самаго ея основанія. Благодарные и искренне признательные ему его ученики и ученицы съ восторгомъ вспоминаютъ о немъ, какъ о вліятельномъ законоучителѣ. Намъ приходилось слышать, какъ бывшая его ученица чрезъ 10 лѣтъ дословно передавала его одну классную лекцію по объясненію 6-го прошенія молитвы Господней. Его ученицы питали къ нему такое довѣріе и привязанность, что посвящали его во все факты своей ученической жизни и не скрывали отъ него ничего. Чтобы вѣрно судить о разнообразіи и многосторонней дѣятельности о. юбиляра, достаточно привести одніи лишь перечень всѣхъ тѣхъ обязанностей и должностей, кромѣ вышеуказанныхъ, какія онъ исполнялъ въ теченіе своего полувѣковаго служенія св. Церкви и обществу. Онъ состоялъ цензоромъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей» съ самаго основанія этого журнала, членомъ цензурнаго комитета, былъ дѣлопроизводителемъ въ губернскомъ присутствіи по обезпеченію духовенства, состоялъ нѣсколько четырехлѣтій гласнымъ Харьковской городской думы, состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Харьковского губернскаго статистическаго комитета (съ 1862 г.), членомъ Харьковского Епархіальнаго Училищнаго Совѣта (съ 1884 г.), представителемъ отъ духовенства въ губернскомъ земскомъ собраніи, наконецъ, предсѣдателемъ строительнаго комитета по постройкѣ Николаевской церкви. Въ это послѣднее дѣло юбиляръ столько вложилъ своихъ силъ, заботъ, настойчивости, что по справедливости былъ душою всего этого дѣла. При маломъ приходѣ, безъ всякихъ средствъ начать постройку столь обширной, благоустроенной и богатой (въ 200,000 р.), быстро (въ 9 л.) довести до конца и украсить городъ такимъ великолѣпнымъ архитектурнымъ зданіемъ,—могъ только достаточный юбиляръ съ его умѣньемъ и способностію привлечь многочисленныхъ жертвователей, оживить и одушевить своихъ прихожанъ. И все свои многочисленные обязанности о. Александръ всегда проходилъ и теперь проходить съ истинною любовію къ дѣлу и съ неослабною эвергіей.

Во вниманіе къ такимъ заслугамъ юбиляра епархіальное начальство всегда относилось къ нему съ благоволеніемъ и довѣріемъ: отмѣчало въ немъ передового дѣятеля среда духовенства и цѣнило его труды всеми званами похвалы, поощреніи и наградами доступными іерехъ, вѣлчительно до палицы. Городское и епархіальное духовенство справедливо выдѣляло его, какъ довѣренѣйшаго своего члена, и въ знакъ своего уваженія къ нему поручало ему разные почетныя и отвѣтственные обязанности, какъ своему представителю. Многочисленные его сослуживцы и прихожане всегда питали къ нему неомолчѣльную любовь и признательность, что, между прочимъ, и выразилъ въ поднесеніи ему, по случаю сороколѣтія службы въ 1889 году, цѣннаго образа св. Николая, а въ 1891 году 26 августа, по случаю 25-лѣтія его служенія при Николаевской церкви, золотого, украшеннаго драгоцѣнными каменьями, наперснаго креста.

Понятно, что наступающее 50-лѣтіе столь славнаго служенія почтеннаго о. протоіерея вызвало среди духовенства, прихожанъ и многочисленныхъ его почитателей особое вниманіе и оживленіе. Уже заранѣе, послѣ газетныхъ оловѣщеній, начались дѣятельныя приготовленія, чтобы достойно почитать безкорыстнаго и самоотверженнаго пастыря въ день его юбилея. Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Амурскій благостно и сочувственно разрѣшалъ это знаменательное торжество, и чествованіе юбиляра было приурочено къ празднику Покрова Пресвятыя Богородицы, когда 50 лѣтъ назадъ юбиляръ принялъ санъ священника.

Юбилейный день начался Божественной литургіей въ прекрасномъ Николаевскомъ храмѣ. Для удобства молящихся и приходскаго духовенства литургія началась въ 10 ч. утра, в обширный храмъ былъ переполненъ молящимися, густою толпою стоящими и на пачерги церкви. Литургію совершалъ самъ маститый о. юбиляръ въ сослуженіи 4 протоіереевъ, Благоуловіе храма, прекрасный и благоустроенный хоръ пѣвчихъ, торжественный сонмъ священнослужителей, вселюбительность торжества, — производили удивительное и трогательное впечатленіе на молящихся. Среди нихъ были и сторонніе прихожане и множество горожанъ, почитателей юбиляра, особенно же было замѣтно присутствіе воспитанницъ мѣстной 2 гимназій. Между тѣмъ къ концу литургіи въ храмѣ являлось харьковское духовенство: о. Ректоръ Духовной Семиваріа, члены Консисторіи, и. д. градскаго Благочиннаго, городскіе при-

ходскіе и въ разныхъ мѣсть епархіи іереи, представители епархіальныхъ и городскихъ учреждений: Епархіальный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ, члены Епархіального попечительства, эмеритуръ, свѣчнаго завода, представители городской думы, духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній, профессора университета и мн. др. По окончаніи литургіи, около 12 ч. дня, началось въ собственномъ смыслѣ чествованіе юбиляра. Харьковское духовенство, собравшееся въ числѣ 40 протоіереевъ и священниковъ, вышло изъ алтаря въ облаченіи во главѣ съ юбиляромъ на средину храма, куда болѣе сомкнулась и густая масса молящихся. Старѣйшій изъ Харьковскихъ протоіереевъ, о. І. Л. Чижевскій, бывший сослуживецъ юбиляра по г. Лебедю, — приблизился къ нему и первый привѣтствовалъ его сердечною, проникнутою братскою любовію, рѣчью. Умилительно было слушать, какъ сей старецъ, видѣвшій и поощрявшій первые служебные шаги юбиляра въ молодости, теперь, въ столь преклонныя лѣта, съ чувствомъ удовлетворенной радости привѣтствовалъ его съ достиженіемъ радостнаго и благословеннаго юбилейнаго дня. Послѣ этого помощникъ благочиннаго о. Д. И. Поповъ отъ имени городского духовенства прочелъ адресъ, исполненный искренней благодарности юбиляру за всѣ тѣ труды, кои онъ пошелъ на пользу духовенства епархіи: „Харьковское городское духовенство“, прочитавъ оный, „приносилъ поздравленіе съ столь рѣдкимъ днемъ въ жизни каждаго общественнаго дѣятеля, тѣмъ болѣе пастыря духовнаго, одушевлено горячимъ желаніемъ выразить Вамъ чувство глубокаго почтенія и признательности за ту Вашу полувѣковую дѣятельность, которая послужила основаніемъ къ развитію многихъ полезныхъ для нашей епархіи учреждений. Дѣятельность Ваша по созиданію и развитію этихъ учреждений неистанно возбуждаетъ удивленіе къ Вашей неусыпной энергіи и выражаетъ свою общирностію и цѣлесообразностію. Нѣтъ возможности вкратцѣ обобрѣть всѣ ея проявленія; но она у всѣхъ насъ на глазахъ, особенно Ваша дѣятельность по облегченію матеріальнаго положенія духовенства, и — наипаче престарѣлаго и сиротствующаго. При семъ Вы, по заповѣди Спасителя, искали во всей Вашей жизни и дѣлахъ прежде всего Царствія Божія и правды его (Мат. VI, 33), и старались подвигомъ добрымъ подвизаться; и вѣруемъ, что Господь нашъ Судія и Мздовоздатель, вручивъ Васъ покрову Своей Пречистой Матери и заступничеству Св. Николая, въ храмахъ ко-

торыхъ Вы прослужили 50 лѣтъ,—преполовилъ дни Ваши въ награду за Ваши добродѣтели и на дальнѣйшую Вашу дѣятельность на общую пользу. Просимъ, достопочитаемый о. протоіерей, принять отъ насъ икону Покрова Богородицы и наше увѣреніе въ томъ, что мы молимъ и будемъ непрестанно молить Всевышняго, да продлитъ Онъ Вашу дорогую для всѣхъ насъ жизнь еще на многіе-многіе годы! При сихъ послѣднихъ словахъ прот. І. Чижевскій и теперешній сослуживецъ юбиляра прот. П. Ивановъ поднесли ему благолѣпный и цѣнный образъ Покрова Пресвятыя Богородицы въ серебрянозолоченномъ съ эмалью окладѣ и съ благодарною надписью. Умилевный о. юбиляръ облобызалъ этотъ дорогой ему св. образъ. Послѣ сего приблизился къ юбиляру представитель прихожанъ и почитателей д. с. с. В. Кузнецъ и съ воодушевленіемъ привѣтствовалъ его, поднося ему на серебрянномъ блюдѣ золотой, украшенный драгоцѣнными камнями наперсный крестъ для ношенія, съ разрѣшенія Высокопреосвященнаго Амвросія, „въ память, какъ знакъ высокаго уваженія и почитанія духовныхъ чадъ за сердечныя пастырскія отношенія“. Растроганный такимъ вниманіемъ прихожанъ юбиляръ съ благоговѣніемъ возложилъ на себя этотъ даръ ихъ любви. Далѣе, членъ Совѣта Епархіальнаго, Женскаго училища о. Н. Н. Любарскій прочелъ привѣтственный адресъ юбиляру отъ Епархіальнаго Училища. Протоіерей же о. В. Поповъ привѣтствовалъ юбиляра отъ лица духовенства Харьковскаго училищнаго округа. Послѣ всѣхъ этихъ привѣтствій, всѣмъ духовенствомъ, во главѣ съ юбиляромъ, отслуженъ былъ благодарственный молебенъ ко Пресвятой Богородицѣ и Святителю Христову Николаю, а по окончаніи служенія было провозглашено юбиляру торжественное многолѣтіе. Въ эти счастливыя и пророческии минуты жизни маститый о. юбиляръ былъ глубоко взволнованъ: каждый іерей, цѣлуя св. крестъ, лично поздравлялъ о. юбиляра, а онъ съ сердечною любовью и со слезами благодарилъ каждого, любя его. Но вотъ къ нему хлынула толпа его духовныхъ чадъ—прихожанъ и почитателей, всѣ сѣвшии братьями, но педшими отъ сердца, словами выразить ему свое почтеніе, облобызали св. крестъ и руку юбиляра, высказывая ему самыя добрыя пожеланія. Тѣснымъ и окруженный ими, онъ, послѣ молебна, выходилъ изъ храма, благословляя и благодаря всѣхъ. По сего радужному приглашенію участники торжества посѣтили его собственную квартиру, куда было перенесено продолженіе юби-

лейнаго празднества. Скромное жилище юбиляра далеко не могло вмѣстить всѣхъ пришедшихъ сюда, наполнившихъ всѣ комнаты, галлерею и крыльцо. При входѣ маститый юбиляръ былъ встрѣченъ сперва прихожанами съ хлѣбомъ—солью, а потомъ горячо привѣтствованъ своею семьею, семьями своихъ сыновей и дочери и прочими родственниками. По входѣ въ домъ, поздравленіе о. юбиляру принесъ отъ лица Харьковскаго именитаго купечества и думы, гласный коммерціи совѣтникъ Н. В. Орловъ, въ своемъ сердечномъ привѣтствіи указывавшій на прямоту, безпристрастіе и безпартийность юбиляра въ общественно-городской дѣятельности. Горячо, воодушевленно чествовалъ о. юбиляра адресомъ отъ лица Духовнаго училища смотритель А. А. Снегиревъ, давній и близкій другъ досточтимаго о. протоіерея. Затѣмъ сердечно привѣтствовали о. юбиляра отъ 3-й мужской гимназіи—директоръ І. О. Тихій, законоучитель П. Г. Фомищъ и инспекторъ С. Е. Фопевъ, отъ 2-й женской гимназіи—свящ. законоучитель А. Юшковъ, отъ Епархіальнаго училища—начальница Е. Н. Гейцыгъ и бывшій инспекторъ его прот. Ц. Онпкевичъ. Весьма трогательно поздравлялъ юбиляра д-ръ Прейсъ отъ лица своихъ родныхъ и своей жены, которая въ сиротствѣ была поддержана юбиляромъ и воспитана въ Епархіальномъ училищѣ. Замѣчательное также привѣтствіе юбиляру высказалъ бывшій директоръ 3-й гимназіи и сослуживецъ его А. Левандовскій: „Вы ясно сознавали“,—говорилъ онъ, характеризуя его педагогическую дѣятельность, —„что религія—предметъ воспринимаемый болѣе чувствомъ, чѣмъ однимъ только умомъ, что Законъ Божій не можетъ и не долженъ быть преподаваемъ, какъ другіе предметы. Вы всегда заботились о качественной сторонѣ знаній, Вы старались насаждать и укрѣплять въ юныхъ сердцахъ религіозное чувство, заботясь, какъ добрый свѣтель, чтобы свѣомъ Вами свѣми религіи не упало въ терніе. Въ отношеніи къ учащимся Вы являлись добрымъ, а не высказательнымъ, отцомъ.“ Вы не увлекались карательными мѣрами, а старались доводить учениковъ до возможно удовлетворительнаго усвоенія преподаваемаго Вами и затѣмъ щедро награждали ихъ хорошими отвѣтами. Вы достигали педагогическихъ цѣлей путемъ добрымъ, а по Вашему добродушному пути ученикамъ легко было следовать за Вами. Прѣдъ этой чертой Вашего педагогическаго тавта я преклонялся и преклоняюсь“. Такъ оцѣнилъ педагогическіе труды о. юбиляра бывшій директоръ гимназіи. Были, послѣ сего, принесены поздравленія юбиляру отъ про-

профессоровъ университета: Н. Ф. Сумцова, А. С. Лебедева, В. П. Бузескулъ и еще отъ многихъ частныхъ лицъ, — и всѣ они носили характеръ задумчивости и сердечности. О юбилярѣ благодарилъ всѣхъ и славилъ Господа, даровавшаго ему утѣшеніе дожить до столь счастливаго дня жизни. Затѣмъ о юбилярѣ была предложена всѣмъ радушная трапеза. Во время ея свящ. П. Фоминъ прочитывалъ всѣ полученныя и получавшіяся письменныя и въ телеграммахъ привѣтствія юбилярю, и каждое заключалось единодушнымъ пѣніемъ присутствующими „многая лѣта“. Юбиляръ обрадованъ былъ поздравленіями письменными: Преосвященнаго Иннокентія, Епископа Сумскаго, Г. Губернатора съ супругою, многихъ своихъ бывшихъ сослуживцевъ и духовныхъ чадъ. Телеграммами же привѣтствовали его: графъ и графиня Капнисть изъ г. Лебедина, благочинный г. Харькова, прот. П. Полтавцевъ изъ г. Кіева, 2-я женская Гимназія въ согрозѣ, харьковское купечество, Вознесенско-Ильинскій приходъ г. Лебедина, преподаватели Семинаріи, многочисленные родственники и почитатели изъ разныхъ, даже отдаленныхъ, мѣстъ. Во время трапезы, были предлагаемы и задравные тосты. Сперва самый маститый виновникъ торжества провозгласилъ тостъ въ честь Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Амвросія, милостиво разрѣшившаго и благословившаго сіе торжество, всегда благоволившаго въ о. юбилярю и благословившаго его труды и усердіе. Присутствовавшіе восторженно отвѣчали искреннимъ „многая лѣта“ милостивому Архипастырю. А. А. Снегиревъ, затѣмъ, предложилъ тостъ за здравіе и долголетствіе самаго юбиляра. Затѣмъ слѣдовали тосты въ честь юбиляра отъ А. Левандовскаго, о. І. Фидевскаго, о. П. Фомина. О. Ректоръ Семинаріи привѣтствовалъ юбиляра прекраснымъ тостомъ, въ которомъ указывалъ на энергію, неутомимость и усердіе юбиляра. Изъ всѣхъ такихъ привѣтствій и рѣчей ясно открывался присутствовавшимъ нравственный обликъ юбиляра, сколько привлекательный, столько же и поучительный. Закончилась юбилейная трапеза тостомъ, предложеннымъ о. юбилярѣмъ, за всѣхъ присутствовавшихъ, вождь оныхъ, съ чувствомъ искренней признательности, горячо благодарилъ.

Нов. Вр. сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о содержаніи проектированнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ наказа земскимъ начальникамъ. Проектъ содержитъ въ себѣ, во-первыхъ, правила, опредѣляющія формы, въ коихъ земскимъ начальникомъ проявляются попечительная надъ сельскимъ населеніемъ, власть

и надзоръ за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ в волостнымъ судомъ. Эти статьи наказа имѣють ближайшею цѣлью достигнуть наиболѣе дѣятельнаго осуществленія земскимъ начальникомъ предоставленныхъ ему въ этомъ отношеніи правъ и въ то же время устранить случаи такого вмѣшательства земскаго начальника въ дѣла крестьянскихъ обществъ или въ область вѣдомства другихъ установленій, которая выходитъ за предѣлы власти, присвоенной земскому начальнику закономъ; во вторыхъ, правила, опредѣляя порядокъ производства земскимъ начальникомъ дѣлъ, имѣють цѣлью установить однообразную форму разсмотрѣнія и рѣшенія послѣднихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности устранить въ производствѣ земскаго начальника медленность и излишнюю канцелярскую письменность. Изъ отдѣльныхъ постановленій наказа, сообщенныхъ «Нов. Врем.», обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія. Проектируется постановить, что лично присутствовать земскій начальникъ можетъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже обязанъ, только при открытіи общественнаго схода, при производствѣ же выборовъ, какъ и при самомъ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ земскій начальникъ присутствовать не долженъ. По просьбамъ объ отміивіи приговора волостного схода, хотя принесеннымъ отъ имени одной пятой части домохозяевъ волости, земскій начальникъ долженъ при дозваніи допросить не менѣе двухъ третей всѣхъ участвовавшихъ въ приговорѣ. Проверка приговоровъ объ общемъ передѣлѣ земли должна производиться земскимъ начальникомъ въ самомъ селеніи; при этомъ на обязанность земскаго начальника возлагается проверка правильности опредѣленія доли землепользователя каждаго домохозяина. Приговоры о передачѣ обществомъ земельныхъ участковъ, поступившихъ въ его распоряженіе, въ случаяхъ, указанныхъ въ законѣ, до общаго передѣла имѣють быть допускаемы къ исполненію не иначе, какъ по истеченіи 30-ти дней со дня объявленія ихъ лицамъ, коихъ они касаются. Вызвать земскаго начальника на мѣсто и допросъ не менѣе двухъ третей участниковъ схода признаются проектомъ наказа обязательными при проверкѣ слѣдующихъ приговоровъ: о новой расцѣпковкѣ усадебъ послѣ пожара, объ общемъ перемѣрѣ всѣхъ усадебныхъ участковъ, объ отчужденіи надѣльной земли, о раздѣленіи и соединеніи обществъ и о переходѣ отъ общиннаго къ подворно-участковому землепользованію.

Новое изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ. Отпечатаны и поступили въ продажу сочиненія

С. Н. ТЕРПИГОРЕВА

(С. А ТА В Ъ),

изданія, подъ редакціей С. П. ШУВИНСКАГО, въ шести томахъ in 8°, съ фотографическимъ очеркомъ, составленнымъ П. В. Быковымъ, и съ портретомъ автора, исполненнымъ гелиографіей. Содержаніе отдѣльныхъ томовъ:

Томъ I. С. Н. Терпигоревъ; Біографическій очеркъ, П. В. Быкова.—Отъ автора.—Осудѣніе: Благородные. Часть I-я. Отцы. I. Увертюра. II. Раціональные хозяева. III. Новый баряль. IV. Нашъ послѣдній расцвѣтъ. V. Поземельный кредитъ. VI. Отхожіе промыслы. VII. На промыслахъ. VIII. Бустарлая промышленность. IX. Тихія пріемани. X. Бродячіе. XI. Итого. Томъ II. Осудѣніе: «Благородные». Часть II. Матери. I. Бабушка. II. Кукушка. III. Шалая. IV. Неуголяная. V. Опца.—Желтая книга.—Сказаніе о новыхъ княгиняхъ и старыхъ князьяхъ. I. Княгиня Ундальчева. II. Княгиня Ухнемъ. III. Княгиня Вольская. Томъ III. Потревоженные тѣни. I. Въ раю. II. Бабушка Аграфена Неловна. III. Тетенька Елвдія Васильевна. IV. Илья Игнатъевичъ, богатый человекъ. V. Проданныя дѣти. VI. Первая охота. VII. Дядяла любовь. VIII. Дворянскій Евстигней Чарыковъ. IX. Маша—Марса. X. Вице-королева Неаполитанская. XI. Двѣ жизни—покопечная и призванная. XII. Емельяковскія узницы. XIII. Гуда. XIV. Праздникъ Венеры. Томъ IV. Повѣсти и разсказы. I. Марьядино счастье. II. Чайная роза. III. Безъ воздуха. IV. На старомъ гнзлѣ. V. Смороди. VI. Гааченокъ. VII. Вѣчная засадка. VIII. Записки сытаго человека. Томъ V. Повѣсти и разсказы. I. Чужой караванъ. II. Братья Голубчиковы. III. Горь докторъ Элеонскаго. IV. Страданія и заключенія вдовы Пересыпкиной. V. Горестныя и радостныя приключенія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Анчуткина и дѣвицы, Амалія Шмандтъ. VI. Дѣвочку шести лѣтъ желаютъ отдать совѣтъ. VII. Стрекаловская барышня. VIII. Тамбовскіе Семирамидины сады. IX. Князь Иванъ. X. Аверьянъ Михѣевъ и его жильцы. XI. Жоржъ. XII. Солнечный быкъ. XIII. Съ простымъ взглядомъ. XIV. Съ нѣжными чувствами. XV. Въ духъ времени. XVI. Предпріимствіе или борьба Куцынскій съ анальовицикомъ. XVII. Баба. XVIII. Слѣзны (комедія). Томъ VI. Историческіе разсказы. I. Дакейская столица. II. Солотанинскіе монахи и ихъ крѣпостныя. III. Раскаты Станькина грома въ Тамбовской землѣ. Дорожные очерки. I. Въ странѣ фонтановъ и колпаковъ. II. Съ дороги. III. По тихому Дону.—Воспоминанія.—Умершій писатель. Изданіе отпечатано въ удобномъ форматѣ in 8°, на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ и содержитъ въ себѣ: томъ I—XXXVI+494 страницы; т. II—543 стр., т. III—722 стр., т. IV—573 стр., т. V—589 стр. и т. VI—641 стр., всего—XXXVI+3562 стр. ЦѢНА за 6 томовъ—9 р., съ пересылкою—10 руб. 50 к., въ 6-ти изданныхъ колѣнкоровыхъ переплетахъ—12 р. съ пересылк.—13 р. 50 к. Требования и дѣльдіа адресовать въ контору изданій А. Ф. МАРКСА. С.-Петербургъ, М. Морская № 22.—Изданіе имѣется также въ продажѣ въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ книжн. магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ (Ришельевская, № 12) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Провѣденія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Жизное Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кроме того пастыремъ новованія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на равные случаи и проч. Провѣденія другихъ писателей, какъ-то. „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать?“ Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго. — „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“ И. Короунаго. — „Религіозно-православное развитіе Императора Александра I-го и идея общенародно союза“, Профес. В. Нахера. — „Архіепископъ Иннокентій Борксдоръ“. Библиографическій очеркъ. Свщ. Т. Вуткевича. — „Протестантская мысль о свободномъ и ненасильственномъ помыканіи Слова Божія“. Т. Стоянова. — Многія статьи о Владиміра Гегеле въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ которыхъ помѣщено „Изданіе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ различій, которыя заматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“, — „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова. — „Образованіе еврей въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“, Т. Стоянова. — „Церковно-религіозное состояніе Запада и восточная Церковь“, Свщ. Т. Вуткевича. — „Валахская средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“, Историческое извѣствованіе А. Вероломоваго. — „Извѣстна и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа“, Свщ. Т. Вуткевича. — Статьи „о штундистахъ“, А. Шугаевскаго. — „Имѣютъ ли каноническія или общеправовныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго. — „Основныя задачи нашей народной школы“, К. Истомина. — „Принципы государственнаго и церковнаго права“, Проф. М. Остроумова. — „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“, Т. Стоянова. — „О славянскомъ азвѣнн въ церковномъ богослуженіи“, А. Струнникова. — „Теософическое общество и современная теософія“, Н. Глубоконоваго. — „Очеркъ современной утонченной жизни“, А. Бѣллова. — „Очерки русской церковной и общественной жизни“, А. Рождественнаго. — „О первоначальныхъ вѣдоприниманіяхъ“, Н. Протопопова. — „Вторая книга „Ктохъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“, Проф. П. Горскаго — Платонова. — „Очеркъ православнаго церковнаго права“, Проф. М. Остроумова. — „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“, Т. Стоянова. — „О покое воскреснаго дня“, Доклада А. Бѣллова. — „Мысли о посвятаніи въ духѣ православія и народности“, Шестакова. — „Нагорная проповѣдь“, Свщ. Т. Вуткевича. — „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“, К. Истомина. — „Ученіе Стефана Яворскаго и Феофана Прокоповича о слав. Преданіи“ М. Савельева. — „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“, Б. Истомина. — „Отношеніе раскола съ государству“, О. Г. С. — „Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 гг.) и значеніе“, Свщ. І. Арсаньева. — „Замѣтки о церковной жизни въ Галиціи“, А. К. — „Сущность христіанской правосознательности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“, Свщ. І. Филекскаго. — „Историческій очеркъ стиховѣрія“, П. Смирнова. — „Ученіе Канта о Церкви“, А. Ериловскаго. — „Православныя ли интегритетныя, предлагаемыя намъ старока톨릭ами“, Проф. В. К. Смирнова. — „Разборъ протестантскаго ученія о вѣщеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“, Проф. А. Мартинова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоромъ Академіи и Университета: А. Вредоваго, А. Зелькогорскаго, В. Кудрявцева, П. Ланцакаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Спенсера, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначены, а равно и тѣ условія, на которыхъ права печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почте производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала производится въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала действительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ вѣшать редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакція открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личные объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакция считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплачивали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, уже будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 в., за два раза 40 в., за три раза 50 в.

Редакторы: { Редакторъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ КОЗЛОВСКІЙ.